

СТРАМГЕР ИМ А СТРАМГЕ ЛАНД

РОБЕРТ Э. ХАЙНЛАЙН

Безусловно один из самых влиятельных романов мировой литературы.
The Guardian

18+

Лучшая книга во всем многомном наследии почтенного классика.
Даже по прошествии полувека этот роман все так же
шокирует, и будоражит воображение, и пробирает до мурашек.

Washington Post

СТРАМГЕР ИМ А СТРАМГЕ ЛАНД

ROBERT A. HEINLEIN

ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ

Большой роман

Роберт Хайнлайн

Чужак в стране чужой

«Азбука-Аттикус»

1961

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Чужак в стране чужой / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус»,
1961 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-13933-6

Впервые на русском – полная авторская версия легендарного романа. Культовой книги, ставшей настольной у поколения «детей цветов» и всей нарождающейся контркультуры. «Библия сексуальной революции» настолько опередила свое время, что, во избежание шквала протестов от фанатиков и ханжей, автор был вынужден сократить рукопись под рабочим названием «Еретик» почти на четверть, убрав наиболее «откровенные» и «идейно сомнительные» эпизоды, – и только тогда «Чужак в стране чужой» увидел свет. Это одно из немногих жанровых произведений, включенных Библиотекой Конгресса в список «книг, сформировавших Америку». И если «Властелин Колец» раскрепостил фантазию миллионов, то «Чужак в стране чужой» научил их «грокать во всей полноте». Итак, познакомьтесь с Валентайном Майклом Смитом – «марсианским Маугли». Воспитанный негуманоидными «стариками», он возвращается на Землю, где, принаравливаясь к чуждым ему нравам и тяготению и обретая новых «братьев по воде», ускоренно проходит все этапы взросления: от порочного происхождения – к несуразному наследству, от эксцентричного воспитания – к скандальной карьере и счастливой участи.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-13933-6

© Хайнлайн Р. Э., 1961

© Азбука-Аттикус, 1961

Содержание

Предисловие	7
Часть I	9
Часть II	67
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Роберт Э. Хайнлайн

Чужак в стране чужой

Robert A. Heinlein

STRANGER IN A STRANGE LAND

Серия «Большой роман»

Copyright © 1961 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, наследники, 2017

© А. Питчер, перевод на русский язык, примечания, 2017

© Б. Жужунава, перевод стихов, наследник, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

*Роберту Корногу
Фредерику Брауну
Филлипу Хозе Фармеру*

*В этом романе все люди, боги и планеты – вымышлены.
Любое совпадение имен – прискорбное недоразумение.*

Р. Э. Х.

Предисловие

Если вам покажется, что книга стала толще, а слов в ней больше, чем в ранее опубликованных изданиях «Чужака в стране чужой», то вы правы. Это издание – полный текст рукописи, в том виде, в котором Роберт Хайнлайн задумал и написал свой роман.

Текст предыдущих изданий насчитывает чуть больше 160 тысяч слов, а в этой книге примерно 220 тысяч слов. Рукописная страница Роберта обычно вмещала 250–300 слов, в зависимости от количества диалогов. Таким образом, если в среднем на странице 275 слов, то восьмистраничная рукопись содержит 220 тысяч слов или немного больше.

При первой публикации в 1961 году роман настолько отличался от тех, к которым привыкли тогдашние читатели, особенно любители научной фантастики, что редакторы настоятельно рекомендовали урезать текст и изъять из него некоторые сцены, выглядевшие оскорбительными для широкого круга читателей.

В ноябрьском номере журнала *Astounding Science Fiction* за 1948 год было напечатано письмо в редакцию, содержавшее список названий произведений, которые следует опубликовать через год. В списке упоминался и рассказ, который должен был написать Роберт Хайнлайн – «Бездна».

После долгой беседы с редактором журнала Джоном В. Кэмпбеллом-мл. было принято решение, что за год авторы успеют написать все рассказы под предложенными названиями и что специальный выпуск журнала будет издан в ноябре 1949 года. Роберт, как и прочие авторы, пообещал написать рассказ, соответствующий предложенному названию. Специальный выпуск журнала впоследствии стал известен как «Путешествие во времени».

Теперь Роберту оставалось только придумать сюжет, подходящий для названия.

Мы с ним устроили мозговой штурм. После многих отверженных сюжетов я предложила написать рассказ о ребенке, воспитанном инопланетянами. Роберт сказал, что в рассказ этот сюжет не уложится, и пометил его отдельно, на будущее. Вечером он заперся в кабинете, делая записи, а потом их отложил.

Под названием «Бездна» был опубликован совсем другой рассказ.

Записи и заметки Роберта несколько лет лежали в папке, а потом он начал писать книгу, которую впоследствии назвали «Чужак в стране чужой». Поначалу работа не ладилась, и он ее снова отложил. К рукописи он возвращался несколько раз, но окончил ее только в 1960 году – в том виде, в котором она сейчас попала вам в руки.

В 1960 году «Чужак в стране чужой» напугал издателей – роман слишком отличался от привычных книг. Во избежание возможных убытков Роберта попросили сократить рукопись на 70 тысяч слов, оставив 150 тысяч слов текста, а также внести и некоторые другие изменения. После этого издатель решил рискнуть и опубликовать роман.

Сократить на четверть длинный, сложный роман – дело очень трудное, почти невозможное. Однако спустя несколько месяцев Роберту это удалось. Окончательный текст рукописи насчитывал 160 087 слов, и Роберт решил, что дальнейшие сокращения нежелательны. Урезанную рукопись приняли.

В таком виде роман и печатали последующие 28 лет.

В 1976 году Конгресс США принял новый Закон об авторском праве, где говорилось, между прочим, что в случае смерти автора право на публикацию переходит к его наследникам, причем все предыдущие контракты, заключенные от имени автора, утрачивают силу. Роберт скончался в 1988 году, и на следующий год право на публикацию «Чужака в стране чужой» можно было возобновить.

В отличие от прочих авторов, Роберт хранил свои рукописи – в том виде, в котором они первоначально отправлялись в редакцию, – в архивах библиотеки Калифорнийского университета в Санта-Крузе. Я запросила копию рукописи, пословно сверила текст с опубликованным романом и пришла к выводу, что сокращать книгу не стоило.

Я отправила копию рукописи Элинон Вуд, литературному агенту Роберта. Она согласилась, что полный текст лучше. Мы связались с издателем и отправили ему экземпляр нового – старого – несокращенного романа.

К этому времени никто в издательстве не помнил, что для публикации книга была существенно сокращена: руководство издательства давно сменилось. Новый/старый текст романа приняли с удивлением и восторгом.

Было решено опубликовать роман без сокращений, поскольку оригинальная версия всем понравилась больше.

Теперь и вы можете ознакомиться с первоначальной версией романа «Чужак в стране чужой», в том виде, в котором его создал Роберт Энсон Хайнлайн.

Имена главных героев очень важны для понимания и развития сюжета. Избраны они неспроста. Джубал означает «отец всех», Майкл – «Кто как бог?». Значение остальных имен вы можете отыскать самостоятельно.

*Вирджиния Хайнлайн
гор. Кармел, шт. Калифорния*

Часть I

Его порочное происхождение

1

Давным-давно, когда мир был юным, жил на свете марсианин, и звали его Смит.

Валентайн Майкл Смит, такой же реальный, как налоги, был единственным представителем своей расы.

Подбор кадров для первой экспедиции с Земли на Марс основывался на предположении, что главную угрозу для человека в космосе представляет сам человек. В то время, всего лишь через восемь лет после основания первого поселения на Луне, межпланетные путешествия люди совершали в изнурительно долгом свободном полете, требовавшем трехимпульсного орбитального маневра по двум эллиптическим переходным орбитам – двести восемьдесят пять земных дней от Земли до Марса, столько же на обратный путь, да плюс еще четыреста пятьдесят дней сидеть на Марсе в ожидании, когда же наконец планеты выстроятся в конфигурацию, подходящую для этого самого обратного пути по эллиптическим орбитам, то есть почти три земных года.

Сам по себе полет был не только утомительно долгим, но и рискованным. «Посланник», этот примитивный летающий гроб, должен был сначала подзаправиться на орбитальной станции, потом вернуться чуть ли не в атмосферу Земли и лишь оттуда отправиться к Марсу. Возвращение домой зависело от того, не разобьется ли он при посадке, найдется ли на Марсе вода для реакционных камер двигателей, удастся ли пополнить запасы съестного и не случится ли какая-нибудь из тысячи возможных – а также невозможных – неприятностей.

И все же основная опасность таилась не в физических тяготах, а в психологических нагрузках и стрессах. Восьмерым людям, как мартышкам, предстояло находиться в тесном общении – и помещении – друг с другом чуть ли не три земных года; совершенно ясно, что для такого подвига требуется сверхчеловеческая уживчивость. Чисто мужскую команду сочли сообществом не очень здоровым и весьма нестабильным; оптимальным был признан вариант четырех семейных пар – буде удастся найти нужных специалистов в таком сочетании.

Эдинбургский университет (основной подрядчик по проекту) поручил подбор команды Институту общественных исследований. После отбраковки добровольцев, явно непригодных по возрасту, здоровью, складу ума, подготовке или темпераменту, остался список из девяти тысяч возможных кандидатов, каждый из которых был здоров телом и духом и обладал как минимум одним из необходимых навыков и умений. Имелись все основания предполагать, что из них удастся составить несколько команд из четырех семейных пар, на выбор.

Надежды оказались напрасными. Кораблю требовались астрогатор, врач, повар, капитан, механик, семантик, инженер-химик, инженер-электронщик, физик, геолог, биохимик, биолог, инженер-ядерщик, фотограф, инженер-ракетчик и гидропоник. Имелись сотни комбинаций из восьми добровольцев, обладающих всеми этими знаниями и умениями, впридачу к превосходному здоровью и крепкой психике, а среди этих сотен – три комбинации, состоявшие из четырех семейных пар; казалось бы, чего еще, однако во всех этих трех случаях специалисты по групповой динамике, оценивавшие совместимость характеров, хватались от ужаса за голову.

Главный подрядчик предложил снизить пороговое значение фактора совместимости, на что Институт гордо вызвался вернуть свой символический – размером в один доллар – гонорар. Тем временем какой-то программист, имени которого нигде не упоминалось, дал задание

компьютеру составить команду из трех семейных пар. Машина отыскивала несколько десятков совместимых комбинаций, каждую из которых требовалось дополнить еще одной семейной парой, удовлетворяющей заданные параметры по различным критериям отбора. Остальные компьютеры продолжали изучать данные, поскольку кто-то из добровольцев умирал, кто-то отказывался от полета, в списке появлялись новые имена и тому подобное.

Капитан Майкл Брант, магистр естественных наук, коммодор резерва ВВС, лицензированный пилот и ветеран полетов на Луну (все это – к тридцати годам), вовремя вспомнил, что человек – сам кузнец своего счастья, и попросил некоего сотрудника Института отобрать из списка фамилии незамужних соискательниц, которые – вместе с ним – завершили бы формирование экипажа. После того как каждая из этих гипотетических семейных пар была пропущена через тест на совместимость с остальной командой, предприимчивый капитан купил билет в Австралию, где предложил руку свою и сердце Унифред Коберн, старой (на девять лет старше его самого) деве с лошадиной физиономией, специалисту по семантике, и получил согласие. В Карлсбадских архивах отыскалась ее фотография: лицо добродушное, но в общем невзрачное.

Вполне возможно, что Брант обошелся и без посторонней помощи, действуя лишь по дерзкому наитию – черте характера, совершенно необходимой для командования исследовательской экспедицией. Как бы то ни было, машина поморгала лампочками и с облегчением выплнула пачку перфокарт; команда «Посланника» была сформирована.

Капитан Майкл Брант, командир и первый пилот, астронавт, запасной повар, запасной фотограф, инженер-ракетчик.

Доктор Унифред Коберн Брант, сорок один год, семантик, медсестра, захватчик, историк.

Мистер Фрэнсис Сيني, двадцать восемь лет, первый помощник, второй пилот, астронавт, астрофизик, фотограф.

Доктор Ольга Ковалик Сени, двадцать девять лет, повар, биохимик, гидропоник.

Доктор Уорд Смит, сорок пять лет, терапевт и хирург, биолог.

Доктор Мэри Джейн Лайл Смит, двадцать шесть лет, инженер-ядерщик, техник-электронщик, техник силовых установок.

Мистер Сергей Римский, тридцать пять лет, инженер-электронщик, инженер-химик, механик, приборист, криолог.

Миссис Элеонора Альварес Римская, тридцать два года, геолог и селенолог, гидропоник.

Между собой члены этой команды обладали всеми нужными для полета профессиями и навыками, частично – приобретенными за время предполетной подготовки. Самое главное – все они были совместимы друг с другом.

Возможно, чересчур совместимы.

«Посланник» стартовал по расписанию, без происшествий. В начале путешествия его ежедневные сообщения слышали даже радиолюбители. Затем сигналы ослабели, теперь их принимали и передавали на Землю ретрансляционные спутники. Команда пребывала в добром здравии и хорошем настроении. Вся медицинская практика доктора Смита ограничилась единственным случаем стригущего лишая; адаптация к невесомости прошла быстро, противоточные средства применялись лишь в первую неделю. Дисциплинарных проблем не возникало – во всяком случае, капитан Брант ни о чем подобном не докладывал.

«Посланник» встал на низкую – ниже Фобоса – предпосадочную орбиту и две недели фотографировал поверхность Марса.

«Садимся завтра в 12:00 по Гринвичу, чуть южнее *Lacus Soli*»¹, – сообщил капитан Брант.

Эта радиোগрамма оказалась последней.

---

¹ Точнее, *Solis Lacus* (лат.) – озеро Солнца.

2

Лишь спустя четверть века люди снова попали на Марс. Через шесть лет после того, как замолк «Посланник», беспилотный зонд «Зомби», запущенный совместно Географическим обществом и *La Societe Astronautique Internationale*², пересек космическую пустоту, выждал полагающееся время на орбите, а затем вернулся. Фотографии и результаты приборных исследований подтвердили разреженность марсианской атмосферы и непригодность планеты для жизни людей; местность, изображенная на снимках, выглядела уныло и малопривлекательно – по человеческим, конечно же, стандартам.

Однако на тех же самых снимках были детали, удивительно напоминавшие развалины городов, а уж знаменитые «каналы» оказались самыми настоящими инженерными сооружениями. Начали готовить новую экспедицию, но тут разразилась Третья мировая.

В результате столь продолжительной задержки новая экспедиция оказалась значительно сильнее предыдущей. В отличие от погибшего «Посланника», космический корабль Федерации «Чемпион», снабженный лайловскими двигателями, совершил перелет за какие-то девятнадцать дней; на его борту было восемнадцать человек команды и несколько большее число колонистов (одни мужчины). Намередаясь организовать поиски «Посланника», капитан ван Тромп совершил посадку к югу от *Lacus Soli*. Радиодоклады второй экспедиции поступали на Землю ежедневно. Особый для нас интерес представляют три нижеследующих сообщения.

Первое: «Обнаружен ракетный корабль „Посланник“. Уцелевших нет».

Второе потрясающее известие: «Марс обитаем».

Третье: «Во изменение доклада 23-105. Обнаружен один уцелевший с „Посланника“».

3

Капитан Виллем ван Тромп был человеком гуманным и благоразумным. Незадолго до посадки он радировал: «Ни в коем случае, повторяю, ни в коем случае не организуйте пассажиру торжественного приема. Обеспечьте челнок с малым посадочным ускорением, санитарную машину и вооруженную охрану».

Корабельный врач, доктор Нельсон, получил задание проследить, чтобы Валентайна Майкла Смита поместили в отдельную палату Бетесдинского медицинского центра, уложили на водяную кровать и оградили от всяких внешних контактов, под неусыпной охраной морских пехотинцев. Сам ван Тромп направился на чрезвычайное заседание Верховного Совета Федерации.

Как раз тогда, когда Смита перекладывали на кровать, верховный министр науки заявил, даже не пытаясь скрыть раздражения:

– Конечно же, капитан ван Тромп, как командир экспедиции – *научной* экспедиции, не будем об этом забывать, – вы имели право организовать особое медицинское обслуживание и защиту личности, временно оказавшейся на вашем попечении. Однако не много ли вы на себя берете, чиня препятствия действиям сотрудников моего министерства? Да ведь этот ваш Смит – настоящая сокровищница научной информации!

– Скорее всего – да, сэр.

– Тогда какого же... – Министр науки переключил свое внимание на верховного министра мира и безопасности. – Дэвид? Очевидно, что дело подпадает под юрисдикцию моего ведомства. Вы не могли бы дать своим людям необходимые указания? Сколько же можно мурлы-

---

² Международное астронавтическое общество (*фр.*).

жить профессора Кеннеди и доктора Окадзиму, да и остальных тоже. Того и гляди, начнут возмущаться.

Министр мира не ответил и вопросительно покосился на капитана ван Тромпа.

Капитан ван Тромп покачал головой:

– Никак нет, сэр.

– Но почему? – не унимался научный министр. – Почему? Вы же сами признаете, что он не болен.

– А вы бы, Пьер, дали капитану возможность объясниться, – посоветовал министр мира. – Ну так что, капитан?

– Смит действительно не болен, сэр, – медленно начал ван Тромп, – но ему плохо. Во-первых, тяготение. Сейчас его вес в два с половиной раза больше привычного, мускулы просто не справляются. Он непривычен к нормальному атмосферному давлению. Он непривычен ни к чему земному и подвергается сейчас колоссальному напряжению. Кой черт, господа, я и сам устал как собака – я, родившийся на этой планете.

По лицу научного министра скользнула презрительная улыбка.

– Позвольте вас заверить, дражайший капитан, что мы предвидели трудности гравитационной акклиматизации – если уж она вас так волнует. За его дыханием и сердечной деятельностью будет вестись самое тщательное наблюдение. Нам не откажешь ни в воображении, ни в умении предвосхищать события. Между прочим, я тоже бывал в космосе и знаю, как чувствуешь себя потом. А этот самый человек, Смит, должен...

Капитан ван Тромп решил, что сейчас самое время устроить небольшую истерику. А потом можно будет оправдаться тем самым гравитационным недомоганием, и безо всякого вранья – он и впрямь чувствовал себя так, словно прилетел не на Землю, а на Юпитер; вдобавок, он хорошо понимал, что даже государственный деятель высочайшего калибра не посмеет жестко обойтись с командиром первой успешной экспедиции на Марс.

– Чего? – прервал он заносчивого министра. – Этот человек Смит? Этот человек? Да вы что, не понимаете, что он *не* человек?

– Э-э?

– Смит. Не. Человек.

– Как это? Извольте объяснить свои слова, капитан.

– Смит – не человек. Он разумное существо, генетические предки которого были людьми, но сам он – не человек. Он – марсианин, а не человек. До того как мы свалились этому вашему «человеку» на голову, он даже и не видел ни разу никаких таких людей. Он мыслит как марсианин, чувствует как марсианин. Он выращен и воспитан разумной расой, у которой нет с нами ничего общего – у них нет даже *пола*. Смит ни одной женщины в жизни не видел – и не увидит до тех пор, пока мои распоряжения останутся в силе. Генотип у Смита наш, человеческий, но взаимодействие с абсолютно чуждой нам средой сделало из него марсианина. Если хотите, чтобы у него совсем крыша съехала, если вам не жаль терять эту самую «сокровищницу научной информации» – валяйте, напускайте на него своих дубоголовых профессоров, пусть развлекаются. А и действительно, ну чего бы ради давать несчастному шанс попривыкнуть к этому бедламу, называемому «планета Земля»? Выжмите его, как лимон. Да и вообще, при чем тут я? Я свою работу выполнил.

Затянувшееся молчание прервал генеральный секретарь Дуглас:

– И выполнили прекрасно, капитан. К вашему совету мы прислушаемся, всесторонне его обсудим и никаких поспешных действий предпринимать не станем. Если этому марсианскому человеку, или там человеческому марсианину, нужно несколько дней адаптации, наука может и подождать. Так что, Пит, потерпите. Обсудим эту проблему позже, господа. А сейчас предлагаю перейти к прочим делам. Капитан ван Тромп устал.

– Не знаю, как наука, – заметил министр общественной информации, – но есть вещи, которые ждать не могут.

– Да, Джок?

– Если по стереоящику в самое ближайшее время не покажут человека с Марса, вам, господин секретарь, придется умирять мятежи.

– Хм-м... думаю, вы преувеличиваете. Достаточно того, что в новостях будут другие марсианские материалы. Торжественный прием, я награждаю капитана и его бравую команду. Не далее, как завтра. Капитан ван Тромп делится своими впечатлениями – не бойтесь, капитан, мы дадим вам спокойно выспаться.

Министр общественной информации решительно помотал головой.

– Что, Джок, не годится?

– Публика ожидала, что на Землю привезут взаправдашнего живого марсианина. За отсутствием такового нам нужен Смит, и нужен он нам позарез.

– Живые марсиане? А что, капитан, – повернулся Дуглас к ван Тромпу, – есть у вас отснятые материалы с марсианами?

– Километрами и килограммами.

– Вот вам и пожалуйста, Джок. Будет нечего показывать в прямом эфире – переходите на записи. Все будут в восторге, гарантирую. Да, капитан, так что там насчет экстерриториальности... Марсиане не возражают?

– Ну... в общем-то нет, сэр, но и согласия как такового не было.

– Я не очень вас понимаю.

Капитан ван Тромп задумчиво поскреб подбородок:

– Ох, не знаю даже, как и объяснить. Беседовать с марсианами, сэр, это все равно что говорить с эхом. Никто тебе не возражает, но толку – круглый нуль.

– Вам, пожалуй, следовало прихватить сюда и этого... как там его фамилия? Ну, словом, вашего семантика. Или он в коридоре дожидается?

– Его фамилия Махмуд, сэр. Доктор Махмуд не совсем здоров. Он немного... Он немного перенервничал, сэр.

Ван Тромп разумно рассудил, что «немного перенервничал» звучит значительно приличнее, чем «напился в стельку», а по смыслу – почти одно и то же.

– Отметил возвращение?

– Ну, разве что немного, сэр. – (Вот же кроты чертовы!)

– Хорошо, доставьте его ко мне, когда очухается. Думаю, с переводом нам поможет и этот молодой человек – Смит.

– Возможно, – без особой уверенности сказал ван Тромп.

Тем временем «этот молодой человек» Смит изо всех сил старался выжить. Тело его, стиснутое и изнуренное странной структурой пространства в этом невероятном месте, наконец-то покоилось в мягком гнезде, куда его уложили эти странные другие. Теперь о теле можно было и не заботиться; Смит переключил внимание третьего уровня на дыхание и сердцебиение.

И увидел, что едва не поглотил себя. Легкие работали с такой же интенсивностью, как дома, сердце колотилось как бешеное, едва успевая разносить поступающий кислород по телу, – и все это в борьбе с искривлением пространства, и все это в удушающе-обильной, невыносимо горячей атмосфере. Следовало немедленно принять меры.

Вскоре пульс снизился до двадцати ударов в минуту, а дыхание стало почти незаметным; оставалось только проверить стабильность достигнутого состояния. Пронаблюдав некоторое время за собой и окончательно убедившись, что нечаянно не развоплотится, если отключит внимание от биологических процессов, Смит оставил в карауле крошечную часть второго уровня, а остального себя удалил. Назрела необходимость исследовать конфигурацию столь

многих новых событий, чтобы воспринять их в себя, а затем восхититься ими и восхвалить их – дабы не стать их жертвой.

С чего начать?

С того момента, когда он покинул дом, всеобъяв этих других, ставших отныне его согнезниками? Или с прибытия в этот мир, в это мучительно скомканное пространство? Мозг Смита на мгновение послезрел ослепительные вспышки, наново услышал непонятные грохочущие звуки и содрогнулся от боли. Нет, он не готов еще воспринять эту конфигурацию – назад! назад! назад, туда, где он еще не видел и не знает этих других, ставших теперь своими. Даже дальше, за тот момент, когда он впервые грокнул, что отличен от братьев своих согнезников, после чего потребовалось исцеление... назад, в гнездо!

Ничто из этого не мыслилось в земных символах и понятиях. Смит освоил уже азы английского, но пользовался им со значительно большими затруднениями, чем индус, говорящий на пиджин-инглише с турком. Для нашего марсианина английский представлял собой нечто вроде шифровальных таблиц, дающих – после долгой, нудной работы – совершенно неадекватное переложение и интерпретацию каждого символа. Сейчас его мысли витали в марсианских абстракциях, сформировавшихся за полмиллиона лет развития совершенно чуждой человеку культуры, и были абсолютно непередаваемы на какой-либо из человеческих языков.

А за стенкой ординатор – доктор Таддеус, он же Тад, – резался в криббедж с Томом Мичем, личным фельдшером Смита, – не забывая при этом поглядывать на приборные шкалы и чутко следя за сердцебиением пациента. Когда мерно подмигивавшая лампочка снизила темп своего мерного подмигивания с девяноста двух раз в минуту до двадцати, медики швырнули карты на стол и бросились в палату.

Пациент покоился на упругой оболочке водяной кровати и не подавал никаких признаков жизни.

Таддеус выругался и крикнул:

– Позовите доктора Нельсона!

– Есть, сэр! – Мичем на секунду задумался. – А может, дефибриллятором его? Пока совсем не закоченел?

– Позовите доктора Нельсона!

Фельдшер выскочил в коридор. Таддеус внимательно оглядел пациента, протянул было к нему руку, но тут же опасливо отдернул. В палате появился второй врач, постарше, его натужная, неуклюжая походка выдавала человека, долго пробовавшего в космосе и не успевшего рeaдаптироваться к высокой гравитации.

– Так что там у вас?

– Приблизительно две минуты тому назад, сэр, резко упали частота дыхания, температура и пульс.

– И что вы сделали?

– Ничего, сэр. Согласно вашим указаниям...

– Вот и отлично. – Нельсон окинул Смита беглым взглядом, затем изучил показания приборов – ровно таких же, как и в дежурке. – Если будут какие-либо изменения, сразу сообщайте. – Он повернулся к двери.

– Доктор, а как же... – недоуменно начал Таддеус.

– Да, доктор? У вас есть какой-нибудь диагноз? – хмуро осведомился Нельсон.

– Э-э... мне не хотелось бы проявлять излишней самонадеянности, высказываясь по поводу вашего пациента...

– Я же спросил – у вас есть какой-нибудь диагноз?

– Хорошо, сэр. Шок. Возможно, – добавил он уже без прежней уверенности в голосе, – несколько нетипичный. Но все равно – шок, ведущий к летальному исходу.

– Мнение вполне разумное, – кивнул Нельсон. – Только вот случай перед нами не вполне разумный. Успокойся, сынок. Помнится, на обратном пути этот пациент впадал в подобное состояние добрый десяток раз. Ничего страшного. Вот, смотри. – Он приподнял руку Смита, а затем отпустил ее. Рука не упала, а так и осталась висеть в воздухе.

– Катаlepsия? – заинтересовался Таддеус.

– Называйте это как угодно. Даже если считать хвост ногой, он все равно в ногу не превратится. В общем, не волнуйтесь, доктор. Ничего типичного в этом случае вы не найдете. Задача у вас одна – не позволяйте никому его беспокоить, а при любых изменениях зовите меня. – Нельсон осторожно положил руку пациента на прежнее место и вышел из палаты.

Таддеус еще раз взглянул на пациента, недоуменно покачал головой и вернулся в дежурку. Мичем собрал со стола карты, потасовал.

– Криб?

– Нет.

– Если хотите знать, – заметил Мичем, – этот, за стенкой, и до утра не дотянет.

– Ваше мнение никого не интересует.

– Прошу прощения.

– Покурите там, с охранником, а я хочу посидеть спокойно и подумать.

Мичем пожал плечами, неторопливо встал и вышел. Таддеус выдвинул нижний ящик стола, достал оттуда бутылку и налил себе дозу, способствующую размышлениям. Мичем подошел к охранникам в коридоре; те было вытянулись в струнку, но узнали фельдшера и снова расслабились.

– Привет! Что у вас там за шум, а драки нет? – поинтересовался один из морских пехотинцев, который повыше.

– У пациента родились пятерняшки, вот мы и спорим, как их назвать. Ну, гориллы, кто даст мне в зубы, чтоб дым пошел? И огоньку.

– А с молоком у него как? – поинтересовался второй охранник, выживая из кармана пачку сигарет.

– Да так себе, средненько. – Мичем затаился и добавил: – Вот как на духу, ребята, не знаю я про этого пациента ровно ничего.

– А на хрена тогда приказ насчет «никаких женщин ни при каких обстоятельствах»? Он что, сексуальный маньяк?

– Я знаю одно: его привезли с «Чемпиона» с указанием обеспечить абсолютный покой.

– С «Чемпиона»? – переспросил первый охранник. – Ну, тогда все ясно.

– Чего тебе там ясно?

– А вот что. Он же их не имел – и не трогал – и даже не видел – много месяцев. А кроме того, он болен – теперь-то понятно? Они боятся, что как только он доберется до бабы, так тут же от возбуждения и загнется. – Он поморгал и вздохнул: – На его месте я точно бы загнулся. Потому-то баб к нему и не подпускают.

Смит ощутил присутствие врачей, однако сразу грокнул, что намерения их благие и нет никакой необходимости спешно вызывать основную свою часть.

На рассвете, в тот самый час, когда санитары небрежно обтирают лица пациентов холодными влажными салфетками – якобы проводят утренние гигиенические процедуры, – Смит вернулся в себя, ускорил свое сердцебиение, увеличил глубину дыхания и начал – со всем подобающим вниманием и почтением – изучать обстановку. Он впервые осмотрел палату, воспринимая и восхваляя все, вплоть до самых мельчайших ее деталей, важных и не очень, – делать это вчера, когда его сюда принесли, у него не хватило сил. Обычное помещение для него выглядело весьма необычно – оно ничем не напоминало клинообразные металлические отсеки «Чемпиона», не говоря уж о том, что на Марсе вообще нет ничего подобного. За ночь Смит

наново пережил всю последовательность событий, связавшую родное гнездо с этим местом, теперь он был готов воспринять окружающее, восхвалить его и даже – до некоторой степени – возлюбить.

Неожиданно оказалось, что он в палате не один: крутясь на тонкой, непрерывно удлиняющейся ниточке с потолка опускалось некое – вполне достойное восхищения – восьминое существо. Человеческий детеныш?

Дальнейшие наблюдения пришлось прекратить – появились два незнакомых человека (доктор Арчер Фрейм, сменивший Таддеуса, и санитар).

– Доброе утро, – весело произнес врач. – Как вы себя чувствуете?

Смит всесторонне изучил услышанное. С первой фразой все ясно, это формула вежливости, не имеющая смысла и не нуждающаяся в ответе, хотя ее можно было и повторить. А вот вторая имела несколько возможных толкований. Если ее произносил доктор Нельсон, она означала одно, а капитан ван Тромп изрекал ее как формальное приветствие, на которое можно и не отвечать.

Смита охватило тоскливое отчаяние, обычное при попытке общения с этими существами, – пугающее ощущение, неведомое ему до встречи с людьми. Однако он не дал своему телу утратить спокойствие, подумал еще секунду и решил рискнуть.

– Чувствую себя хорошо.

– Хорошо, – эхом отозвалось непостижимое существо. – Сейчас придет доктор Нельсон. Если не возражаете, санитар подготовит вас к завтраку.

Фразы не содержали ни одного незнакомого Смицу понятия, однако услышанное с трудом укладывалось в голову. Он знал, что является пищей и почти неизбежно будет употреблен в таком качестве – раньше или позже. Но если ему выпала такая высокая честь – почему никто не предупредил об этом заранее? Он даже и не подозревал, что запасы пищи настолько истощились, что возникла необходимость уменьшить количество воплощенных членов группы. Смита охватило легкое сожаление – ведь все эти новые события так и остались негрокнутыми, – но «возражать»? Станный, очень странный вопрос. Тем временем санитар протирал его лицо и руки холодным, мокрым куском ткани (часть ритуала «приготовления»?).

Лихорадочную работу по формулировке ответа прервал вошедший в палату Нельсон. Врач бегло ознакомился с показаниями приборов, а затем повернулся к своему пациенту:

– Стул был?

Опять неоднозначное слово, но все равно вопрос абсолютно ясен – Нельсон задает его чуть не при каждом разговоре.

– Нет.

– Ну, с этим разберемся, но только сперва вам нужно поесть. Санитар, принесите завтрак.

Сперва Смит просто лежал и пережевывал вкладываемую ему в рот пищу, но вскоре Нельсон потребовал, чтобы пациент сел, взял ложку и ел дальше сам. Первая в этом искаженном пространстве самостоятельная работа оказалась изнурительно трудной, но все же посильной, что преисполнило Смита радостным торжеством.

– Кого я съел? – спросил он, поднимая миску, чтобы иметь возможность вознести хвалу своему благодателю.

– Не кого, а что, – поправил его Нельсон. – Синтетическое пищевое желе, основанное на аминокислотах, что бы это ни значило. Справился уже? Ну и ладушки, а теперь – слезай с кровати.

– Прошу прощения? – Очень удобная формула, которая, как он уже усвоил, сигнализирует о коммуникативном сбое.

– Я говорю – слезай. Сядь. Встань на ноги. Пройдись немного. Конечно же, тебя сейчас любой сквознячок сдует, но только, валяясь в этой кровати, мускулатуру не накачаешь.

Нельсон открыл вентиль в изголовье кровати, и водяной матрас начал быстро опадать. Нельсон возлюбил меня и взлелеивает, напомнил себе Смит, убирая в небытие вспыхнувшую было боязливую неуверенность. Вскоре он лежал уже не в мягком гнезде, а на твердой поверхности, покрытой сморщенной клеенкой.

– Доктор Фрейм, – сказал Нельсон, – возьмите его под локоть. Поможем ему удержаться на ногах.

Постоянно ободряемый Нельсоном, с помощью двух врачей Смит встал и привалился к бортику кровати.

– Спокойно. А теперь постой самостоятельно, – скомандовал Нельсон. – И не бойся, если что – мы тебя подхватим.

Смит сделал усилие и встал – худощавый юноша с тонкими, недоразвитыми мускулами и гипертрофированной грудной клеткой. На «Чемпионе» его подстригли и надолго удалили растительность со щек. С безмятежного, бесстрастного, почти младенческого лица глядели умудренные глаза девяностолетнего старца.

Некоторое время он стоял неподвижно, стараясь унять дрожь, затем проволочил ногу по полу, сделал шаг, другой, третий – и расплылся в детской, лучезарной улыбке.

– Молодец! – захлопал в ладоши Нельсон.

Смит попытался шагнуть еще раз, содрогнулся всем телом и рухнул на руки едва успевших среагировать врачей.

– Вот же черт! Опять спрятался в этот свой анабиоз. – Судя по голосу, Нельсон воспринимал случившееся как личное оскорбление. – А теперь помогите мне уложить его на кровать. Да нет, сперва нужно ее наполнить.

Когда клеенчатая оболочка на шесть дюймов приподнялась над остовом кровати, Фрейм перекрыл вентиль; на пару с Нельсоном они приподняли Смита, который скрючился в позе эмбриона, и уложили на мягкую податливую клеенку.

– Организуйте ему валик под шею, – приказал Нельсон, – а если что не так или очнется – зовите меня. Нет, лучше дайте мне поспать. Я сам едва стою. Ну, если, конечно, ничего особенного не случится. После обеда мы снова его прогуляем, а с завтрашнего дня начнем регулярные физические упражнения. Через три месяца он будет прыгать с дерева на дерево что твой Тарзан. Он же, по сути, абсолютно здоров.

– Да, конечно, – без особой уверенности согласился Фрейм.

– И еще, чуть не забыл. Когда очухается, научи его пользоваться клозетом. Только обязательно возьми себе в помощь санитаря, а то вдруг этому мальчонке вздумается снова упасть в обморок.

– Да, сэр. А вы предлагаете какой-либо конкретный способ... ну, то есть каким образом я ему...

– Каким? Личным примером! Он ведь только слова плохо понимает, а так – посообразительнее нас с тобой. К концу недели самостоятельно будет принимать ванну.

С обедом Смит управился безо всякой посторонней помощи. Появившийся через несколько минут санитар взял поднос с грязной посудой и воровато оглянулся.

– Слышь, – прошептал он чуть не на ухо Смит, – у меня есть роскошное предложение.

– Прошу прощения?

– Бизнес, заработаешь деньги быстро и без труда.

– Деньги? Что такое «деньги»?

– Знаешь, кончай философию, денежки всем нужны. Я говорю быстро, потому долго задерживаться у тебя не могу – не поверишь, с каким трудом я на это место пристроился. Я представляю «Несравненные новости». Шестьдесят кусков за эксклюзивный рассказ о твоей жизни. Ты сам и пальцем не пошевелишь – на нас работают лучшие в стране литературные

негры. Ответишь на вопросы, а они все склеют. – В руках санитара появился лист бумаги. – Прочитай, подпишись вот здесь, в углу, всех и делов. Задаток при мне.

Смит взял бланк и начал его изучать. Вверх ногами.

– О господи! – ошеломленно воскликнул санитар. – Да ты что, читать не умеешь?

Этот вопрос был понятен.

– Нет, – честно признался Смит.

– Ну... Тогда вот как сделаем. Я прочитаю тебе текст, затем ты поставишь отпечаток пальца, и я это засвидетельствую. Слушай внимательно. «Я, нижеподписавшийся, Валентайн Майкл Смит, именуемый также „Человек с Марса“, передаю компании с ограниченной ответственностью „Несравненные новости“ в эксклюзивное распоряжение все права на рассказ о моей жизни, основанный на истинных фактах, с предположительным названием „В застенках Марса“ в обмен на...»

– Санитар!

На пороге стоял Фрейм; бумага, только что бывшая в руках санитара, загадочным образом исчезла.

– Сейчас, сэр. Я забирал поднос.

– Что вы там читали?

– Ничего.

– Я не слепой. Ладно, ступай отсюда. Этому пациенту нужен полный покой.

Доктор Фрейм пропустил санитаря вперед, вышел сам и плотно закрыл дверь. Следующие полчаса Смит пролежал без движения, однако грохнуть происшедшее ему так и не удалось.

4

Джиллиан Бордман считалась компетентной медсестрой, настоящим профессионалом своего дела; холостые ординаторы и интерны признавали ее компетентность и в широком круге вопросов за пределами медицинской профессии, а вот некоторые женщины относились к ней неприязненно. Зла она ни на кого не держала; мужчины были ее хобби. Слухи, что пациент из палаты К-12 в жизни своей не видел женщин, она отмела с ходу, как явную глупость, но затем, когда ей подробно объяснили, что к чему, решила исправить это досадное упущение. В тот день она вызвалась дежурить как раз по тому этажу, где находился Смит, и немедленно отправилась навестить странного пациента.

Естественно, Джиллиан знала про указание «никаких посетителей женского пола» и, хотя «посетителем» себя не считала, не стала ломиться в охраняемую дверь, помня о дурацкой привычке морпехов понимать приказы буквально, а зашла вместо этого в дежурку по соседству, где доктор Таддеус, он же Тад, нес вахту в одиночку.

– О, неужели к нам Улыба заглянула? – поднял голову доктор Таддеус. – Чего это, Улыба, тебя сюда занесло?

Она присела на краешек стола и потянулась к пачке сигарет Таддеуса.

– Кому Улыба, а для тебя, дружок, мисс Бордман. Я при исполнении. Дежурный обход по этажу. Как там твой пациент?

– Деточка, не тревожь попусту свою прелестную головку. Он тебя не касается. Почитай, что в дежурном журнале написано.

– Уже читала. Я хочу на него взглянуть.

– Могу ответить тебе длинно, а могу коротко. Если коротко, то – нет.

– Тоже мне, дисциплинированный нашелся.

Таддеус печально изучал свои ногти.

– Ты с доктором Нельсоном работала?

– Нет, а что?

– Если я тебя туда пушу, то и пикнуть не успею, как окажусь в Антарктике, буду пингуинам мазь от обморожения прописывать. Так что уноси отсюда свои хорошенькие ножки побыстрее, охмуряй других пациентов. Тебе и здесь-то нельзя быть, узнает доктор Нельсон – огребешь по-крупному.

– А что, – поинтересовалась Джилл, вставая, – он часто сюда заходит?

– Нет, только если я вызову. Отвык от земного тяготения и отсыпается.

– А чего же это ты тогда такой строгий и неприступный?

– Все, дежурная по этажу, разговор закончен.

– Слушаю и повинуюсь, доктор! Ну и вонючка же ты.

– Джилл!

– Тоже мне, шишка на ровном месте.

Таддеус вздохнул:

– А как насчет субботнего вечера, все по-прежнему?

– Наверное, – пожала плечами Джилл. – В наше время девушка не может быть особенно переборчивой.

Вернувшись на сестринский пост, она обнаружила, что в ее услугах пока никто не нуждается, и извлекла из ящика мастер-ключ от помещений этажа. Сдаваться было рано: кроме конуры, где сидел неподкупный Таддеус, палата К-12 соединялась с еще одной, пустой комнатой, – когда в К-12 лежал какой-то большой начальник, эту комнату использовали в качестве гостиной, а потом заперли и фактически позабыли; вот туда-то и направилась предприимчивая медсестра. Бдительные стражи даже и не заподозрили, что их обошли с фланга.

Охваченная веселым возбуждением – примерно таким же, как когда-то в общежитии медучилища, перед очередной тайной ночной вылазкой в город, – Джилл помедлила перед ведущей в палату дверью. Ничего страшного, сказала она себе, доктор Нельсон спит, а Тад, даже если ее застукает, жаловаться не станет. Она понимала, что он просто исполняет данное ему распоряжение, но в случае чего к начальству не побежит. Она открыла дверь и заглянула внутрь.

Лежавший на кровати пациент повернул голову и посмотрел на неожиданную гостью. Ну, этому уже ничем не поможешь, мелькнуло в голове Джилл. Совершенно отсутствующее лицо, полная апатия, характерная для безнадежно больных. Хотя глаза вполне осмысленные, даже любопытные. Может, у него лицо парализовано? Нет, решила она, характерного обвисания кожи не заметно.

– Ну и как мы сегодня? – (Кого же еще разыгрывать из себя медсестре, если не медсестру?) – Чувствуем себя получше?

Смит перевел вопросы и приступил к их изучению. Они относились к ним обоим, и это сильно сбивало с толку; скорее всего, решил он, это символизирует желание возлюбить и взрастить близость. Второй вопрос соответствовал речевым формулам Нельсона.

– Да, – ответил он.

– Вот и прекрасно. – Странно, конечно, чего это у него такое бесчувственное лицо, а так – парень как парень. И если он и вправду никогда баб не видел, то очень хорошо это скрывает. – Вам ничего не нужно? – Тут Джилл заметила, что на тумбочке нет стакана. – Может быть, воды?

Смит сразу заметил, что вошедшее в палату существо отлично ото всех прочих. По пути из дома в это новое место Нельсон старался объяснить ему странную и загадочную организацию своего народа и показывал для иллюстрации картинки. Смит вспомнил эти картинки, сравнил их с тем, что видит сейчас... Понятно, это – «женщина».

Смита охватило возбуждение и – странным образом – разочарование; чтобы грохнуть происходящее во всей полноте, он подавил оба этих чувства, настолько успешно, что за стеной на приборах доктора Таддеуса не шелохнулась ни одна стрелка.

Однако, переведя последний вопрос, Смит почувствовал такой накат эмоций, что чуть не позволил своему пульсу ускориться. Он вовремя опомнился, справился с сердцем, обругал себя глупым, несдержанным детенышем, а затем проверил перевод.

Нет, все верно. Это существо женщина предложило ему воду. Оно желает взрастить близость.

С огромным трудом выбирая из своего пока еще убогого лексикона человеческие слова, хотя бы отдаленно выражающие нужные понятия, он ответил, со всей подобающей случаю торжественностью:

– Благодарю тебя за воду. Да пьешь ты всегда вдосталь.

Медсестра Бордман не сталкивалась с такой церемонностью.

– Спасибо, очень мило с вашей стороны! – Она взяла стакан, наполнила его и протянула странному пациенту.

– Пей сперва ты, – сказал он.

(Он что, совсем спятил? Думает, я его отравлю?) Однако в словах Смита звучала такая мягкая настойчивость, что отказаться было невозможно. Джилл отпила глоток, Смит сделал то же самое, вернул стакан и удовлетворенно откинулся, словно свершив нечто важное.

М-да, подумала Джилл, приключение получается так себе.

– Ну, – сказала она, – вам, похоже, больше ничего не нужно, так что я пойду.

Она направилась к двери.

– Нет! – выкрикнул он.

Джилл недоуменно обернулась к нему:

– Да? Что вам...

– Не уходи.

– Н-ну... я могу задержаться, но очень ненадолго. – Она снова подошла к кровати. – Вам что-нибудь нужно?

Смит внимательно оглядел ее с головы до ног:

– Ты... ты – женщина?

Да, такого вопроса ей еще не задавали. Вот уже много лет в ее гендерной принадлежности усомниться было невозможно. У Джилл на языке вертелся подходящий ответ.

Смит, похоже, и не думал шутить, а смотрел серьезно и с какой-то непонятной тревогой. Только теперь Джилл поняла – а скорее почувствовала, – что тот дурацкий слух чистая правда: этот пациент действительно никогда не видел женщин.

– Да, – осторожно подтвердила она, – я женщина.

Ну чего, спрашивается, он так на меня уставился? К собственному своему удивлению, Джилл ощущала некоторую неловкость. Казалось бы, что тут такого? Мужик пялится – так они все пялятся. Но ведь этот изучает тебя, словно инфузорию под микроскопом. Молчание становилось невыносимым.

– Так что, похожа я на женщину?

– Я не знаю. – Смит говорил медленно и очень серьезно. – Как выглядит женщина? Что делает тебя женщиной?

– Ох, да сдохнуть можно! – Такого дикого разговора с существом мужского пола у Джилл не было уже давно, с того, пожалуй, времени, как ей исполнилось двенадцать лет. – Ты что же, хочешь, чтобы я прямо сейчас разделась и показала?

Чтобы внимательно изучить все эти символы и попытаться их интерпретировать, требовалось время. Первая группа вообще не поддавалась гроканью. Ключевое слово «сдохнуть» абсолютно незнакомо. Скорее всего, здесь одно из формальных звуко сочетаний, так часто упо-

требляемых этими существами... И в то же время эмоциональный накал, с которым произносились эти звуки, заставлял подумать о прощальном послании перед уходом. Возможно, он настолько нарушил правила поведения, общаясь с существом женщины, что оно готово немедленно развоплотиться.

Смиту никак не хотелось, чтобы это существо сию же секунду умерло, – хотя, конечно же, это его полное право, а возможно – в сложившейся ситуации – и обязанность. Резкий переход от близкого контакта, порожденного ритуалом воды, к положению, когда вновь обретенный брат по воде близок – нет, не наверняка, но вполне возможно – близок к уходу или даже развоплотению, – не сделай Смит над собой усилия, он мог бы впасть в панику. Ну а если существо женщины все-таки сейчас умрет, он умрет следом; иных выходов не грокалось, во всяком случае – после недавнего причастия водой.

Вторая группа состояла из знакомых символов. Смысл грокался далеко не во всей полноте, однако тут, похоже, намечался путь к разрешению кризиса. Нужно просто подтвердить свое – отсутствующее, но предполагаемое – желание. Возможно, если женщина снимет одежду, никому из них не придется развоплотиться. Смит радостно улыбнулся:

– Да, разденься, пожалуйста.

Джилл открыла рот, закрыла его. А потом раскрыла снова:

– Что?! Ну ни фиги себе!

Значит, догадки были неверными, а ответ – неправильным, ведь при всей непонятности употребленной существом формулы в ней чувствовался резкий эмоциональный отпор. Смит начал готовиться к развоплотению, с благодарностью и восторгом вспоминая все, чем он был, воздавая хвалу всему, что он видел, а особенно – этому новому существу, женщине. Затем он заметил, что женщина склонилась над ним, и непонятным для себя самого способом грокнул, что умирать вроде бы не потребуется. Существо заглядывало ему в лицо.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, – сказала оно, – но не попросили ли вы только что, чтобы я сняла одежду?

Мнимое отрицание, сослагательная форма – все это требовало крайне внимательного перевода, но Смит в конце концов справился.

– Да, – сказал он в отчаянной надежде, что новое «да» не приведет к новому кризису.

– Так мне и показалось. Да ты же, братец ты мой, совсем здоров.

Ключевое слово – «братец»; очевидным образом женщина напоминает, что теперь они братья по воде. Нужно соответствовать всем пожеланиям нового брата, но хватит ли на это сил? Смит воззвал о помощи к своим согнезникам.

– Да, – согласился он вслух. – Я совсем здоров.

– Что-то с тобой определенно не так, только чтоб я понимала, что именно! Ну, ладно. Стриптиза не будет, перетопчешься. И вообще мне пора бежать.

Загадочное существо выпрямилось, направилось к боковой двери, но затем остановилось и обернулось.

– А ты попроси меня еще раз, – сказала оно с улыбкой (насмешливой?). – Хорошенько и в другой обстановке. Мне и самой интересно, что из этого получится.

Оставшись в одиночестве, Смит расслабился и отключил сознание от окружающего. Он ощущал сдержанное ликование: чудом или еще как, однако удалось же ему так построить свое поведение, что никому не пришлось умирать... но сколько же нужно еще грокнуть. Вот, скажем, последние фразы женщины – в них содержались и совершенно незнакомые символы, и знакомые, но расположенные в порядке, сильно затруднявшем понимание. Интонации, общий дух, эмоции – вполне подходящие для общения братьев по воде, правда с привкусом чего-то тревожного и одновременно ошеломительно приятного. Мысли об этом новом брате, женщине, вызывали странное, по всему телу распространявшееся покалывание. Ощущение напо-

минало Смиту тот первый раз, когда ему разрешили присутствовать при развоплощении, и его охватил непонятный счастливый восторг.

Жаль, что здесь нет брата доктора Махмуда. Как много еще негрокнутаго, и как мало твердых, надежных основ для гроканья.

Остаток смены прошел для Джилл как в тумане. Хорошо хоть, она не допустила никаких ошибок при раздаче лекарств, а на обращенные к ней вопросы отвечала машинально. Перед ее глазами неотвязно стояло лицо этого марсианина, в голове снова и снова крутились дикие, бредовые вещи, которые он говорил. Да нет, никак не бредовые – медсестре Бордман доводилось работать в психушке, психов насмотрелась и потому хорошо понимала, что Смит к ним не относится.

Так что не «бредовые», а скорее – невинные. Да нет, и это слово не годится. Лицо у него, конечно же, невиннейшее – но это если не считать глаз. Что же это за существо такое – с таким-то лицом?

Одно время Джилл работала в католической больнице, и вот сейчас словно въявь увидела лицо Смита в клобуке, какие носили там медсестры-монахини. А вот это уж полный бред, выругала она себя. В нем нет ни на грош женственности, мужик себе как мужик.

Не успела Джилл переодеться из больничного в свое, как в раздевалку просунулась голова одной из сестричек.

– Тебя к телефону.

Джилл приняла вызов – только звук, без изображения, чтобы можно было и говорить и переодеваться одновременно.

– Флоренс Найтингейл? – спросил знакомый баритон.

– Она самая. Это ты, что ли, Бен?

– Стойкий борец за свободу слова, собственной персоной. А скажи-ка, малышка, ты занята?

– А что ты там задумал?

– Я задумал вывести тебя в свет, скормить тебе стейк с кровью, накачать спиртным до посинения, а попутно задать некий вопрос.

– Можешь не трудиться, ответ все тот же.

– Да совсем не *тот* вопрос.

– Как, ты еще один придумал? Ну-ка, ну-ка, расскажи.

– Попозднее. Когда ты немного размякнешь.

– А что, настоящий стейк? Не синтетика?

– Фирма гарантирует. Ткни вилкой, и он скажет «м-му» и поглядит на тебя жалобно-жалобно.

– Зуб даю, по счету будет платить газета.

– Низкое, недостойное тебя и не заслуженное мной подозрение – и вообще, какая тебе разница? Ну так как?

– Уговорил, речистый.

– На крыше вашего богоугодного заведения, через десять минут.

Пришлось снова переодеваться, на этот раз – не в уличный наряд, а в выходное платье, ради таких-то вот особых случаев и содержавшееся в больничном шкафчике. Строгое, почти непрозрачное, чуть-чуть подложенное в нужных местах, оно всего лишь воссоздавало впечатление, которое Джилл произвела бы совершенно обнаженной, – никак не более. Обошлось ей оно в месячную зарплату, но выглядело скромно, хотя и действовало на окружающих не хуже коктейля с сюрпризом. Удовлетворенно взглянув на свое отражение, она вышла в коридор и открыла дверцу пневмоподъемника.

На крыше было ветрено. Джилл, кутаясь в накидку, огляделась, но вместо ожидаемого Бена Какстона ее тронул за локоть дежурный по посадочной площадке:

– Мисс Бордман, там для вас такси. Вон тот большой «толбот».

– Спасибо, Джек.

Дверца предупредительно распахнута, взлетные сигналы уже горят. Джилл забралась в машину с твердым намерением тут же объяснить Бену, что мог бы и сам задницу от сиденья оторвать, однако вышеупомянутой задницы на сиденье – и вообще в салоне – не оказалось. Дверца закрылась, автоматическое такси взмыло в воздух, под острым углом пересекло Потомак, зависло над Александрией, село на крышу какого-то дома, приняло на борт Бена Какстона и тут же снова взлетело.

– Надо же, какие у меня есть знакомые, важные да занятые, – с издевательской почти-тельностью пропела Джилл. – И с каких это, интересно бы знать, пор ты перестал лично бегать за бабами? Думаешь, у робота лучше получится?

Бен ласково похлопал ее по коленке:

– На то есть свои причины, малышка. Нельзя, чтобы нас видели вместе.

– Ах, вот как!

– И мне нельзя, а тебе уж тем более. Так что возьми полтоном ниже. И вообще, я прошу прощения. К твоим ногам покорно припадаю и следы в пыли целую. Увы, это не прихоть, а жестокая необходимость.

– Хм-м... и кто же из нас болен дурной болезнью?

– Мы оба. И каждый по-своему. Не забывай, Джилл, что я – газетчик.

– Да неужели? А то у меня уже появились сомнения.

– А ты – медсестра из больницы, куда засунули Человека с Марса. – Он примирительно развел руками.

– С этого места поподробнее, пожалуйста. Значит, с мамой ты меня знакомить не будешь?

– Джилл, ты что, не понимаешь? Тут сейчас собралось больше тысячи репортеров, да плюс пресс-агенты, фрилансеры, всякие там уинчеллы, липпманы и прочая шушера, что хлынула в наш городишко после возвращения «Чемпиона». И каждый – и я в том числе – пытается взять интервью у Человека с Марса. Насколько мне известно, это пока еще никому не удалось. Как по-твоему, очень нужно, чтобы нас с тобой видели под ручку?

– А что в этом такого? Пусть себе видят. Я же не Человек с Марса.

– Нет. – Бен осмотрел ее с ног до головы. – Ты не Человек с Марса. Но зато ты поможешь мне с ним встретиться – именно поэтому я и не пришел сам на вашу крышу.

– Чего? Ты бы, Бен, головку-то все-таки поберег, солнечный удар – это очень опасно. Знаешь, какие там роскошные мальчики дверь стерегут? Одни синие береттики чего стоят. – Тут Джилл вспомнила, что ей самой удалось обойти морпехов без особого труда, но рассказывать об этом не решилась.

– Знаю. Стерегут. Вот об этом-то мы и побеседуем.

– Не понимаю, о чем тут беседовать.

– Потом объясню. Я вообще не хотел об этом упоминать, пока не напичкаю тебя животными белками и этиловым спиртом. Так что сперва поедим.

– Наконец-то что-то разумное. А как, оплатит газета поход в «Нью-Мэйфлауэр»? Ну, сознавайся.

– Джилл, – вздохнул Какстон, – я бы не рискнул идти с тобой в ресторан ближе чем в Луисвилле. А туда эта таратайка будет тащиться часа два, не меньше. Давай поужинаем у меня?

– Ага, Муху приглашал Паук. Знаешь, Бен, я сегодня слишком устала, чтобы заниматься вольной борьбой.

– А тебе и не потребуется. Честное-пречестное.

– Тоже немногим лучше. Полная безопасность в твоём обществе – точный признак, что я сильно сдаю. Ладно, бог с тобой, поверим в честное-пречестное.

Какстон поработал на клавиатуре, машина, кружившая в ожидании дальнейших распоряжений, встрепенулась и послушно направилась по заданному ей адресу, а Бен начал набирать какой-то телефонный номер.

– Слушай, радость моя, – повернулся он к Джилл, – сколько времени тебе нужно на предварительное проспиртовывание? Я кухню на стейки настрою.

Джилл всесторонне обдумала услышанное.

– Ах, значит, в твоей конуре есть личная кухня!

– Ну, что-то вроде. Стейки поджарить можно, я справлюсь.

– Нет уж, стейки поджарю я. Дай сюда телефон.

Джилл сделала заказ, предварительно убедившись, что Бен не возражает против цикорного салата.

На крыше они вышли из такси и спустились к Бену.

Квартира оказалась старомодной, без изысков, единственная роскошь – пол в гостиной, представлявший собой самую настоящую лужайку, поросшую самой настоящей травой. В прихожей Джилл скинула туфли, ступила на прохладные зеленые стебли босиком, пошевелила пальцами.

– Господи, – вздохнула она, – хорошо-то как. У меня же непрерывно ноги ноют, с того самого времени, как пошла в медучилище.

– Так присядь.

– Нет, хочу получше запомнить это блаженство.

– Как знаешь.

Бен отправился на кухню смешивать мартини.

Никакое наслаждение не длится вечно; через некоторое время Джилл еще раз вздохнула и пошла хлопотать по хозяйству. Подъемник уже доставил стейки, а заодно и печеную картошку, которую надо было только разогреть в коротковолновке. Джилл быстро соорудила салат, сунула его в холодильник, набрала на клавиатуре указания, как именно следует прожаривать мясо и разогревать картошку, но включать плиту не стала.

– Бен, – повернулась она к хозяину дома, – а дистанционное управление у тебя есть?

– А как же.

– Я пульт не могу найти.

Бен внимательно изучил набранную гостьей программу, удовлетворенно кивнул и щелкнул тумблером.

– А что бы ты делала, если бы пришлось готовить на костре?

– Невелика хитрость, ведь я же была в скаутах. А вот ты – сильно сомневаюсь, чтобы ты сумел хотя бы разжечь тот самый костер.

Он оставил подколку без внимания, взял поднос и направился в гостиную. Джилл последовала за ним, уселась у ног Бена, прямо на траву, расправив юбку, чтобы не измазать зеленую. Они занялись коктейлями. Стоявший у противоположной стены аквариум оказался замаскированным стереовизором; Бен включил его, не вставая с кресла, и резвившиеся в воде гуппи и тетры сменились объектом значительно менее симпатичным – лицом известного телевизионного комментатора Огастуса Грейвза.

– ...Можно со всей определенностью утверждать, – со всей определенностью утверждал пресловутый уинчелл, – что Человека с Марса накачивают транквилизаторами, дабы помешать ему ознакомиться с этими фактами. Правительство оказалось бы в крайне...

Нажимом кнопки Какстон вернул рыбок на место.

– Да ведь ты, старина, – дружелюбно сообщил он исчезнувшему Грейвзу, – знаешь не больше моего. Хотя, – тут его лоб озабоченно нахмурился, – может, это и правда – насчет правительства и транквилизаторов.

– Никаких там нет транквилизаторов, – сказала Джилл и чуть не прикусила себе язык.

– Что? А ты, лапуля, откуда знаешь?

– Человеку с Марса не дают ни транквилизаторов, ни седативов. – Она сообразила, что сказала больше, чем следовало, и теперь нужно было как-то выкручиваться. – Он находится под круглосуточным наблюдением, но никаких указаний о применении лекарственных препаратов не поступало.

– Ты точно знаешь? Он что, твой пациент?

– Нет. М-м-м... более того, есть распоряжение не подпускать к нему женщин. За исполнением этого приказа зорко следят наши славные морпехи.

– Да, – кивнул Какстон, – мне рассказывали. Ну, значит, тебе просто неоткуда знать, накачивают его транквилизаторами или нет.

Джилл уставилась в пустой бокал, раздосадованная тем, что ей не верят. А чтобы подтвердить свои слова, ей придется признаться в своем проступке.

– Бен? Слушай, Бен, а ты меня не заложишь?

– Как? Кому?

– Ну, вообще.

– Хм-м... широкая постановка вопроса. Ладно, не заложу.

– Тогда налей.

Как только Бен исполнил просьбу, Джилл продолжила:

– Так вот, я точно знаю, что этого марсианина не держат на игле. Я с ним разговаривала.

– Ведь чувствовал я, чувствовал, – присвистнул Какстон. – Бен, сказал я себе утром, отлови-ка ты Джилл. Она – главный твой козырь. Пей, сладкая моя, пей. Можешь прямо из кувшина.

– Спасибо, я не тороплюсь!

– Исполню любой ваш каприз, миледи. Позвольте растереть ваши бедные усталые ножки?! Только вам придется дать интервью. Публика внимает вам с затаенным восторгом. Начнем с самого начала. Каким это таким...

– Нет, Бен, ты же обещал! Только сошлись на меня, и я тут же вылечу с работы.

– М-м-м... А как насчет «из заслуживающих доверия источников»?

– Страшновато.

– Да? Ну не томи, расскажи дядюшке Бену все по порядку. Или ты надеешься, что он померет от неудовлетворенного любопытства, чтобы все мясо тебе досталось?

– Да нет, я расскажу. Я и так уже много чего разболтала. Только писать об этом нельзя.

Бен промолчал, боясь спугнуть удачу, и Джилл в паре слов описала свой фланговый маневр.

– Прекрасно, – прервал ее Бен. – А еще раз сможешь?

– Что? Смогла бы, пожалуй, но не стану. Страшно.

– А меня можно туда провести? Слушай, я оденусь монтером – комбинезон, профсоюзный значок, сумка с инструментами, все дела. Ты передашь мне ключ и...

– Нет!

– Так уж и нет? Спорим, что теперь у вас в больничной службе по большей части не настоящие санитары, а люди, засланные новостными агентствами. Да пойми ты, это же самая потрясающая – во всяком случае для публики – история с того времени, как Изабелла, наслушавшись рассказней Колумба, снесла свои побрякушки в ломбард. Меня беспокоит одно – не нарваться бы на еще одного фальшивого монтера...

– Единственное, что беспокоит *меня*, это я сама, – оборвала его Джилл. – Для тебя это очередной репортаж, а для меня – вся моя карьера. У меня отберут форменную шапочку и значок, а потом вываляют в смоле и перьях и вынесут из города верхом на жердине. И медсестрой мне больше не бывать.

– М-м-м... не исключено.

– Какое там «не исключено»? Абсолютно точно.

– Миледи, позвольте мне предложить вам взятку.

– И большую? С шиком прожить остаток бренной своей жизни в Рио – на это же ой-ой сколько денег надо.

– Ну... я, конечно, победнее, чем «Ассошиэйтед Пресс» или там «Рейтер». Сотню?

– Молодой человек, за кого вы меня принимаете?

– Это мы уже выяснили, теперь остается договориться о цене. Полторы?

– Будь так добр, налей мне еще бокал и поищи в справочнике номер «Ассошиэйтед Пресс».

– Капитолий десять-девять тысяч ровно. Джилл, выходи за меня замуж. Это самое большее, что я могу тебе предложить.

– Чего это ты там сказал? – ошеломленно переспросила она.

– Выходи за меня замуж. В каком случае я встречу тебя у городской черты, сниму с упомянутой жердины, отскребу и отмою. Ты придешь в эту вот квартиру, будешь прохлаждать свои ножки в моей траве – в нашей траве – и быстро позабудешь свой позор и бесчестие. Только не забывай о главном – сперва тебе придется провести меня в больничную палату.

– Что-то я не понимаю, ты что, всерьез? А я вот возьму сейчас и вызову сюда Честного Свидетеля. Ты и тогда повторишь?

– Ох, Джилл, упорная ты женщина. Вызывай своего Свидетеля, – вздохнул Какстон.

– Не бойся, Бен, – вставая, негромко сказала она, взлохматив ему волосы и поцеловала. – Я не буду ловить тебя на слове. Но на будущее учти – не стоит шутить со старой девой о замужестве. Плохие это шутки.

– Я не шутил.

– Не знаю, не знаю, и вопрос этот лучше замнем. Сотри со лба улику, потом я расскажу тебе все, что знаю, и мы подумаем, как бы сэкономить нашим согражданам смолу, перья и труды. Хорошо?

– Хорошо.

– И я уверена, что он не на транквилизаторах, – добавила Джилл, закончив подробное описание своей партизанской вылазки. – Ровно так же я уверена в его здравом рассудке, уж не знаю почему – разговаривает этот марсианин странновато, а некоторые из его вопросов вообще ни в какие ворота не лезут. Но я точно знаю, что он не псих.

– Знаешь, было бы очень странно, если бы он *не* говорил странно.

– Как это?

– А ты подумай как следует. О Марсе мы знаем мало, но нам известно, что Марс на Землю нисколько не похож, а марсиане – не люди, это абсолютно точно, как бы мало мы о них ни знали. Вот представь себе, что ты неожиданно угодила в джунгли, к самым примитивным дикарям, которые белой женщины в жизни не видели. Ну и как, сумеешь ты поддержать непринужденную светскую беседу? Или ты им странной покажешься? Между прочим, это весьма приблизительное сравнение. В данном случае те, среди кого жил Смит, на сорок миллионов миль более чужды нам, чем эти гипотетические дикари.

– Это мне понятно, – кивнула Джилл. – Потому-то я и не стала обращать внимания на его странные разговоры. Так что не считай меня за дуру.

– Умница ты, умница. Для женщины.

– Хочешь, я вылью картины на твою редешую шевелюру?

– Миль пардон. Женщины гораздо умнее мужчин, и жизнь ежесекундно эту истину подтверждает. А тебе там и выливать-то нечего, давай налью.

– Знаешь, Бен, – заметила Джилл, с великодушием победителя принимая стакан, – а ведь это полное идиотство, насчет не пускать женщин. Никакой он не маньяк.

– Они просто не хотят подвергать его слишком многим потрясениям сразу.

– Никакого потрясения и не было. Он просто... ну, заинтересовался. Он смотрел на меня совсем не так, как мужчины на баб.

– Неизвестно, чем бы все кончилось, удовлетвори ты его просьбу. Наверняка с инстинктами у него все в порядке, а вот сдерживать их он не умеет.

– Не думаю. Он, вероятно, слышал уже, что бывают мужчины, а бывают женщины, вот и захотел посмотреть, в чем же разница.

– *Vive la difference!*³ – возгласил Бен.

– Фу, мистер Какстон.

– А почему это «фу»? Я же со всем почтением. Возношу хвалу всем богам, что родился человеком, а не марсианином.

– Кончай треп.

– В жизни своей не говорил серьезнее.

– А тогда просто заткнись. Он вел бы себя тихо и благопристойно. Еще и торжественно поблагодарил бы. Ты не знаешь, ты не видел его лица, а я видела.

– И что же у него за лицо такое?

– Не знаю, как это и описать... – Джилл замялась. – А, знаю! Ну, вот ты, Бен, ты видел когда-нибудь ангела?

– Да, вот прямо сейчас и вижу. Других – не видел.

– И я тоже не видела, но если они есть, то выглядят в точности как он. Совершенно безмятежное, полное какой-то неземной непорочности лицо – и мудрые, древние глаза... – Джилл зябко поежилась.

– Неземной, – кивнул Бен. – Очень подходящее к случаю слово. Хотелось бы посмотреть.

– А для чего они его заперли? Он же и мухи не обидит.

Какстон задумчиво сложил кончики пальцев:

– Ну, во-первых, для его же защиты. Всю жизнь провести на Марсе – он же, небось, хилый, как цыпленок.

– Естественно. Это сразу видно. Хотя недоразвитая мускулатура – пустяки. Миастения гораздо опаснее, так и то врачи справляются.

– А еще, чтобы не подхватил какую-нибудь заразу. Он же вроде этих лабораторных кроликов из Пастеровского института, в жизни не видал ни одной здешней бактерии.

– Да, конечно. Никаких антител, никакого иммунитета. Только я слышала в столовой, что доктор Нельсон – врач с «Чемпиона» – с этим уже разобрался. По пути с Марса нашему лабораторному кролику сделали несколько переливаний, у него теперь почти вся кровь новая.

– Во, интересный факт. Хоть это-то можно использовать?

– Только на меня не ссылайся. И ему сделали кучу прививок, от всего, что бывает и не бывает, кроме разве что воды в колене. Да и где же это видано, чтобы автоматчики охраняли человека от микробов?

– М-м-м... Джилл, я нахватал тут кое-какую информацию, наверняка тебе не известную. Использовать ее я не могу – информанты больно трепетные, ну прямо как одна моя знакомая медсестра, – но тебе, если хочешь, расскажу. Только – чтоб никому.

– Никому так никому.

– Рассказ будет длинный. Налить?

---

³ Да здравствует различие! (*фр.*)

– Нет, сперва стейк. Где там кнопка?

– Вот тут.

– Так нажми.

– Я? Это же ты готовишь ужин. Ты же у нас скаут.

– Мистер Какстон, да я скорее лягу тут в траве и умру с голоду, чем буду вставать и нажимать кнопку, расположенную в шести дюймах от вашего правого указательного пальца.

– Ну, как знаешь. – Упомянутый палец ткнул упомянутую кнопку, переводя плиту в заранее заданный режим. – Только не забывай, кто приготовил ужин. Так вот, насчет Валентайна Майкла Смита. Во-первых, неизвестно еще, Смит он или не Смит; на этот счет существуют очень серьезные сомнения.

– Как это?

– А вот так. Твой дружок-приятель – первый в истории межпланетный ублюдок. То есть плод космического прелюбодеяния.

– Брешешь!

– Фу, как говорит одна моя знакомая. Ты помнишь что-нибудь насчет «Посланника»? Четыре семейные пары, в их числе капитан Брант с супругой и доктор Смит с супругой. А твой марсианин с ангельским личиком появился на свет в результате, так сказать, перекрестного опыления. Сын миссис Смит от капитана Бранта.

– Да откуда твои информанты это знают? Они что, со свечкой стояли? И кому какое дело, чей он там сын? – возмутилась Джилл. – Дикое все-таки паскудство рассказывать сплетни про давно умерших людей.

– Отвечаем по порядку: сперва – насчет «откуда». Думаю, ты и сама сообразишь. Полная биохимия крови, цвет волос, цвет глаз, все, какие есть, генетические заморочки – да ты в этом лучше меня разбираешься. И вот, по всему выходит, что его мать – Мэри Джейн Лайл Смит, а отец – Майкл Брант. О каждом из экипажа «Посланника» существует полнейшая информация в открытом доступе. Никто еще в истории не был так подробно обследован и описан, как эти четыре парочки. Отличная, кстати, у парня наследственность: у отца ай-кью сто шестьдесят три, у матери – аж сто семьдесят, и тот и другая – выдающиеся специалисты... Теперь насчет «кому какое дело». Заинтересованных тут очень много, а потом, когда все выплывет на свет божий, станет еще больше. Ты слышала такое название – «лайловский двигатель»?

– Конечно. Они стоят на «Чемпионе».

– И на «Чемпионе», и на всех современных кораблях. И кто же, ты думаешь, его изобрел?

– Не знаю... Подожди-ка, подожди... Это что, она...

– Молодец, возьми с полки пирожок. Именно она, доктор Мэри Джейн Лайл Смит. Она так и не увидела свое детище в железе, однако успела запатентовать все основные элементы конструкции, вложила эти патенты в специально организованный траст – самый настоящий, не какой-нибудь там благотворительный, некоммерческий – и передала контроль над трастом вместе с текущими доходами Научному фонду. В конечном итоге контроль перешел к правительству, но принадлежит траст твоему драгоценному дружку, и стоит он многие миллионы, может быть – сотни миллионов, точно уж и не знаю.

Ужин был готов. Чтобы не портить лужайку, Какстон пользовался столиками, подвешенными к потолку; один из них он опустил на нормальную высоту, а другой – совсем низко, чтобы Джилл могла сидеть на траве.

– Ну и как? – поинтересовался хлебосольный хозяин.

– Феикаепно!

– Благодарю. И не забывай, что готовил я.

– Бен, – сказала Джилл, прожевав и проглотив очередной кусок, – так что же насчет этой, ну, незаконнорожденности Смита? Он что, теперь и не наследник?

– Он очень даже законнорожденный. Доктор Мэри Джейн жила в Беркли, а калифорнийские законы не признают понятия «незаконнорожденный», твой биологический потомок автоматически является твоим законным потомком. Капитан Брант – новозеландец, у них законы точно такие же. А вот в том штате, где повезло родиться доктору Уорду Смит, мужу Мэри Джейн, считается, что ребенок, родившийся у замужней женщины, – законный потомок ее мужа, никакие тебе биологии-генетики в расчет не идут. Так что, Джилл, марсианин этот – самый что ни на есть законнорожденный сын трех родителей враз.

– Как это? Подожди, Бен, тут какая-то ерунда. Так не бывает. Либо законный, либо незаконный. Конечно же, я не юрист, но все равно...

– Вот оно и видно, что не юрист, их-то такой мелочью не смутишь. С юридической точки зрения Смит – вполне законнорожденный, с той, правда, пикантной особенностью, что где-то у него один комплект законных родителей, а где-то – другой. Ну а по здравому смыслу он, конечно же, бастард, что не имеет ни малейшего значения: дела о наследстве решают юристы, решают по своим законам, а не по какому-то там здравому смыслу. Так вот, о наследстве. Как я уже говорил, мать оставила ему колоссальное состояние, но ведь и оба его папаши были далеко не нищими. Работая на лунной трассе, Брант получал просто непристойное жалованье и все его вкладывал в «Лунар энтерпрайзес». Ты слышала, наверное, как взлетели эти акции, – компания только что объявила о выплате очередных дивидендов. Был у Бранта грешок, азартные игры; так ведь он не проигрывал, а регулярно выигрывал – и выигрыши тоже вкладывал в ЛЭ. С Уордом Смитом дело проще – старые семейные деньги, ну а медицина – по зову сердца. И твой марсианин – наследник всех троих.

– Да-а!

– Но и это, лапуля, только половина дела. Смит – наследник всей команды.

– У него что, четыре папаши?

– Шутки шутками, но все восемь членов экипажа «Посланника» подписали своего рода джентльменское соглашение искателей приключений, согласно которому выжившие становятся наследниками погибших. Выжившие и *дети* – каковых детей у них до рождения Валентайна Майкла Смита не было. Составлен контракт весьма тщательно, в полном соответствии с лучшими образцами договоров, написанных еще в шестнадцатом и семнадцатом веках, которые выдержали не только проверку временем, но и все попытки опротестовать их по суду. Вдобавок все члены экипажа были людьми состоятельными. Еще две семейные пары скупили уйму акций «Лунар энтерпрайзес», так что в сумме Смит может оказаться если не владельцем контрольного пакета, то уж точно мажоритарным акционером.

Джилл подумала о младенчески невинном существе, превратившем глоток воды из стакана в трогательную церемонию, и почувствовала укол жалости.

– Вот бы заглянуть в вахтенный журнал «Посланника», – продолжал Какстон. – Ведь его нашли, но вряд ли кому покажут.

– А что там такого, Бен?

– Жуткая история. Кое-что я узнал, но потом информант протрезвел, пожалел о своем длинном языке и заглох. Доктор Уорд Смит сделал своей жене кесарево сечение, и она умерла на операционном столе. Судя по всему, наш хирург знал расклад – не теряя ни минуты, он тем же самым скальпелем перерезал горло капитану Бранту, а затем и себе. Вот так-то, малышка. Прошу прощения.

Джилл зябко поежилась:

– Я медсестра, у меня к таким вещам иммунитет.

– Врунья ты моя, вот ты кто. Знаешь, Джилл, я целых три года работал в отделе криминальной хроники и все равно не сумел к такому привыкнуть.

– А что произошло с остальными?

– Понятия не имею. Может статься, мы никогда этого не узнаем – если не вырвем вахтенный журнал из цепких лап бюрократов. Вырвать его необходимо, во всяком случае так считает сидящий перед тобой молодой, полный романтического идеализма газетчик. Секретность – мать тираннии.

– Бен, а может, и лучше будет, если это жулье отнимет у него наследство. Он же такой... ну, не от мира сего.

– Во-во, опять очень точное и к месту слово. Да ему, в общем, не шибко-то и нужны все эти деньги, уж как-нибудь Человек с Марса без куска хлеба не останется. Любое правительство, тысячи университетов и прочих организаций с восторгом возьмут его на свое обеспечение.

– Ну вот, видишь. Так что лучше ему подписать отказ, и дело с концом, и голова не болит.

– Если бы с концом. Джилл, ты слыхала о знаменитом процессе «„Дженерал атомикс“ против Ларкина и прочих»?

– Это что, Ларкинское решение? Конечно знаю, ты что, считаешь, я и в школе не училась? Только при чем тут Смит?

– А ты вспомни, как все было. Первый корабль на Луну послали русские, и он разбился. Второй, который послали мы вместе с Канадой, сел успешно, но никого на Луне не оставил. И вот, пока Соединенные Штаты и Британское Содружество готовились – якобы при спонсорстве Федерации – послать корабль с колонистами, а Россия занималась тем же самым в одиночку, всех их обогнала «Дженерал атомикс», арендовавшая для старта один из принадлежавших Эквадору островов. Одним словом, когда на Луну сел корабль Федерации – а чуть не сразу за ним и русский, – ребята из «Дженерал атомикс» успели там уютно обосноваться. А затем эта компания, зарегистрированная в Швейцарии, но находящаяся под американским контролем, набралась наглости объявить Луну своей собственностью. И ведь Федерация никак не могла сказать им: Луна наша, а вы идите куда подальше – обязательно вмешались бы русские. Тогда Верховный Суд мудро решил, что такое абстрактное понятие, как «юридическое лицо», не может владеть небесным телом и настоящие собственники Луны – люди, ее колонизовавшие, то есть Ларкин и его товарищи. Вот их-то и признали суверенной нацией и приняли в Федерацию, члены Федерации получили обещание доли в будущих доходах, а «Дженерал атомикс» и ее филиал «Лунар энтерпрайзес» – концессии. Многие страны недовольно морщились, к тому же в те времена Верховный Суд Федерации не был еще таким всемогущим, как сейчас, однако ничего лучшего никто не придумал. Побочным результатом стали законы колонизации планет, долженствующие прекратить кровавые разборки; все эти законы базируются на Ларкинском решении. И ведь они работали – Третья мировая не была связана с космическими спорами. Так что Ларкинское решение имеет силу закона и вполне применимо к Смигу.

– Что-то не улавливаю связи, – недоуменно покачала головой Джилл. – Ты меня споил.

– Думай, Джилл, думай. Согласно Ларкинскому решению, Смит – суверенная нация и единоличный владелец планеты Марс.

5

– Я мартини перебрала, – пожаловалась Джилл. – Мне послышалось или ты и впрямь сказал, что наш пациент – владелец Марса?

– Сказал. Так оно и есть. Он провел на Марсе, без посторонней помощи, законодательно определенный промежуток времени. А значит, в юридическом смысле Смит – *вся* планета Марс. Король Марса, президент, народ – как тебе больше нравится. Если бы «Чемпион» не оставил колонистов, права Смита на пустующую планету стали бы спорными, но теперь он все тот же король, только в отлучке. И Смит совсем не обязан чем-то делиться с новопоселенцами, они – всего лишь иммигранты, твой пациент может даровать им гражданство, а может и подумывать.

– Невероятно!

– Зато – вполне законно. Теперь ты, лапуля, понимаешь, почему все так интересуются Смитом. И почему правительство запрятало его подальше. То, что они делают, – вопиющий произвол. Ко всему прочему Смит – гражданин Соединенных Штатов и Федерации, а никто не имеет права лишать гражданина Федерации внешних контактов – будь этот гражданин хоть сто раз осужденным преступником. Это сразу после Третьей мировой узаконили. Правда, вряд ли Смит об этом известно. Кроме того, запирают прибывшего с визитом монарха – каковым является Смит – на ключ, не давая ему встретиться с людьми, особенно с журналистами – каковым являюсь я, – всегда считалось недружественным актом. Ну как, проведешь меня под видом монтера-неумехи?

– Что? Да теперь я еще больше боюсь. Слушай, Бен, а вот если бы меня сегодня утром застукали, что бы со мной сделали?

– М-м-м... думаю, ничего особенно страшного. Заперли бы в психушку по диагнозу, подписанному тремя медицинскими светилами, и разрешили бы переписку, по одному письму в каждый второй високосный год. Ну, в общем, особо расстраиваться бы не стали. Интереснее другое – что они *с ним* сделают?

– А что они могут сделать?

– Ну, вдруг он умрет... Скажем, от непривычно высокого тяготения. Правительству это будет на руку.

– Ты хочешь сказать – его *убьют*?

– Тише, тише, зачем такие грубые слова. Нет, вряд ли твоего ангелочка убьют, ведь он – кладезь ценной информации, это даже обыватели понимают. Он наверняка важнее, чем Ньютон, Эдисон, Эйнштейн и еще десяток великих умов, вместе взятых. А может быть, и нет. В общем, пока в этом досконально не разберутся, его никто не тронет. Кроме того, он – связующее звено между нами и единственной известной нам цивилизованной расой. Своего рода посланник и уникальный переводчик. И это тоже важно, только пока не ясно, насколько. Как там у тебя с классикой? Читала «Войну миров» Уэллса?

– Давно, еще в школе.

– Вот представь себе, что марсиане за что-нибудь на нас озлятся, объявят нам войну – и победят. Все может быть, мы ведь силы их не знаем. Тогда Смит может оказаться посредником, миротворцем, который предотвратит Первую Межпланетную войну. Вариант, конечно же, сомнительный, но правительство обязано его учитывать. Ведь там и по сию пору не могут разобраться, к каким политическим последствиям ведет открытие разумной жизни на Марсе.

– По-твоему, он в безопасности?

– На какое-то время. Генеральный секретарь не может позволить себе опрометчивых решений, его правительство – как хорошо тебе известно – висит на волоске.

– Никогда не интересовалась политикой.

– И очень зря. Следить за ней почти так же важно, как за собственным пульсом.

– А я и за ним не слежу.

– Не мешай моему красноречию. Возглавляемая Дугласом правящая коалиция трещит по швам. Пакистан, как трепетная лань, готов рвануть в кусты от любого чиха. А тогда после первого же голосования о доверии и последующих выборов мистер генеральный секретарь Дуглас вернется к жалкому существованию грошового адвокатишки. Человек с Марса может укрепить его положение – а может и выбить у него из-под ног табуретку. Так ты меня проведешь?

– Ни за что. Уйду-ка я в монастырь. Кофе у тебя есть?

– Сейчас погляжу.

Они встали.

– Бедные мои старые косточки, – по-кошачьи потянулась Джилл. – Ладно, Бен, бог с ним, с кофе, завтра у меня трудный день – пациенты ворчливые, ординаторы приставучие. Отвези

меня домой. Или нет, лучше просто прогони меня, так будет безопаснее. Вызови мне такси, пожалуйста.

– О'кей, хотя время, собственно, совсем еще детское. – Бен вышел в спальню и быстро вернулся, сжимая что-то в кулаке. – Еще раз спрашиваю – ты меня проведешь?

– Честное слово, Бен, я бы и сама очень хотела, но...

– Ладно, нет так нет. Опасность действительно есть, и не только для твоей карьеры. Но хоть жучка-то ты можешь подсадить? – Он показал ей некий предмет размером с обыкновенную зажигалку.

– Да? А что это такое?

– Величайшее изобретение со времени снотворных порошков, лучшее подспорье для шпионов и бракоразводных адвокатов. Микромагнитофон. Протяжка на пружинном заводе, наводок от моторчика нет, и ни один прибор его не обнаружит. Внутри всякие транзисторы, резисторы, конденсаторы и прочие штуки. Удароустойчивая пластмасса, хоть из вертолета скидывай. Питается от радиоактивного источника, как обычные часы, но экранировка идеальная, наружу ничего не светит. Пишет на микропроволоку, кассета на двадцать четыре часа, затем меняешь, но пружину при этом заводить не надо, у новой кассеты – новая пружина.

– А оно не взорвется? – опасливо поинтересовалась Джилл.

– Да ты что, при желании его можно запечь в пирог.

– Бен, ты своими разговорчиками совсем меня запугал, я теперь побоюсь входить в его палату.

– Ну а в соседнюю, пустую эту комнату, туда-то ты можешь войти?

– Да, наверное.

– У этой штуки длинные уши. Вот, видишь тут углубление? Прикрепи этой стороной к стенке – лейкопластырем, например, – и машинка услышит все, что происходит в соседней комнате. Там стенной шкаф есть?

Джилл задумалась.

– Если я начну ежедневно шастать в эту комнату, кто-нибудь обязательно заметит. А вдруг ее займут? Слушай, Бен, палата Смита сообщается через стенку с другой, из соседнего коридора. Может, оттуда?

– Отлично. Ну так что, сделаешь?

– М-м-м... ты дай эту штуку мне, а я еще подумаю.

Перед тем как передать магнитофон Джилл, Какстон тщательно протер его носовым платком.

– И делай все в перчатках.

– Зачем?

– Просто иметь такую штуку, без всяких отягчающих, и то тянет на хорошие каникулы за решеткой. Так что не забывай о перчатках и, ради бога, не попадись.

– Красивые перспективы ты мне рисуешь!

– Так что, отказываешься?

– Нет, – обреченно вздохнула Джилл. – Всю жизнь мечтала стать преступницей. Ты меня еще бандитскому жаргону обучи...

– Смелая ты девица! – Над дверью мигнула лампочка. – А вот и твое такси, я вызвал, пока за жучком ходил.

– Весьма любезно с вашей стороны. Ты не посмотришь, где там мои туфли? И не ходи на крышу, чем меньше видят нас вместе, тем лучше.

– Как знаешь. – Он начал надевать Джилл туфли.

Когда он разогнулся, Джилл взяла его за уши и поцеловала.

– Так вот, Бен, послушай. Ничего хорошего из этого не выйдет, и я очень удивлена, что тебя заносит на уголовщину, но, с другой стороны, ты – отличный повар. При том, конечно

же, условии, что программу набираю я. Так что можно подумать и о замужестве, если удастся еще раз поймать тебя на слове.

– Предложение в силе.

– Неужели бандиты женятся на своих биксах? Или как там нужно говорить – марухах? Лампочка снова мигнула, и Джилл выскочила за дверь.

Дебют медсестры в роли шпионки прошел без сучка без задоринки; Джилл и прежде часто забегала в палату из соседнего коридора поболтать со скучавшей там лежащей пациенткой. Она прилепила жучка в стенном шкафу над верхней полкой, непрерывно тараторя при этом, что теперешние уборщицы ну вообще никогда не протирают полки.

Достаточно просто прошла и первая замена кассеты – пациентка спала. Однако не успела Джилл слезть со стула, как миссис Фритшли проснулась, пришлось отвлекать ее внимание сочной больничной сплетней.

Справедливо считая, что почтовая система значительно безопаснее всяких шпионских исхищрений, Джилл послала кассету по почте. Однако вторая попытка сменить кассету окончилась полным провалом. Дождавшись наконец, когда пациентка уснула, Джилл пробралась в палату, встала на стул – и тут же услышала за спиной:

– О! Здравствуйте, мисс Бордман!

Джилл окаменела.

– Здравствуйте, миссис Фритшли, – с трудом выдавила она. – Хорошо поспали?

– Да так, ничего, – капризно откликнулась пациентка. – Спина у меня болит.

– Давайте я разотру.

– Мне ничто не помогает. А что это вы всегда роетесь в шкафу? Там что, что-нибудь не в порядке?

Сердце Джилл колотилось как бешеное, желудок свернулся в болезненный комок.

– Мыши, – объяснила она.

– Мыши? Я требую, чтобы меня перевели в другую палату!

Джилл отодрала шедевр шпионской техники, сунула его в карман и спрыгнула на пол.

– Да нет, миссис Фритшли, что вы. Я просто проверяла, нет ли там дырок. Все в порядке.

– Вы хорошо проверили?

– Конечно. Там нет ни щелочки. А теперь спинку. Перевернитесь, только осторожно.

Оставалось одно – попытать счастья в пустой комнате, примыкающей к палате Человека с Марса. Свободная минутка выдалась лишь в конце смены. Джилл вернулась к своему столику и достала ключ.

Но ключ не потребовался – в комнате успели обосноваться двое морских пехотинцев. Охрану, получалось, удвоили.

– Ищите кого-нибудь? – оглянулся один из героев.

– Нет. Но вы бы, ребята, встали с кровати, – ледяным голосом процедила Джилл. – Если вам разрешается сидеть во время дежурства – побеспокойтесь принести себе стулья.

Охранники неохотно поднялись, а Джилл ушла, изо всех сил стараясь не стучать зубами.

Теперь жучок стал напрасной обузой, даже уликой, – уходя после дежурства, Джилл переложила его в карман и дрожала до того самого момента, когда такси оторвалось от больничной крыши и устремилось к дому Бена. С дороги она позвонила.

– Какстон слушает.

– Бен, это я. Ты один? Нужно встретиться.

– Мысль неожиданная, – заметил Бен. – И вряд ли разумная.

– Бен, мне очень надо. Я уже лечу к тебе.

– Ну что ж, надо так надо.

– Да ты, смотри, просто горишь энтузиазмом.

– Джилл, ты только не подумай, что я...

– Пока!

По здравом размышлении Джилл успокоилась и решила не держать зла на Бена – обстановка действительно сложная, медсестра и молодой журналист опрометчиво схватились с противником, явно превосходящим их силой. Нет, ей точно не надо было в это лезть. И дернул же черт вляпаться в политику!

В объятиях Бена ей стало чуть лучше. Все-таки Бен – симпатяга, может, и вправду выйти за него? Первая же попытка Джилл заговорить была решительно пресечена.

– Тс-с-с, – прошептал Бен, закрывая ей рот ладонью. – И никаких имен не упоминай. Болтай о пустяках. Здесь могут подслушивать.

Она кивнула. Бен провел ее в гостиную, и Джилл молча сунула ему магнитофон. Главный организатор шпионской акции недоуменно поднял брови, однако от комментариев воздержался, а только вручил ей вечернее издание «Пост».

– Видела газету? – поинтересовался он самым безразличным тоном. – Посмотри, пока я посуду мою.

– Спасибо.

Уходя из гостиной, Бен ткнул пальцем в одну из статей – в собственную свою ежедневную колонку под гордым названием «ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ».

Сообщает Бен Какстон

Как вам хорошо известно, тюрьмы и больницы объединяет одна общая черта – оттуда порой очень трудно выкарабкаться. В некотором смысле заключенный даже меньше отрезан от окружающего мира, чем пациент: заключенный может позвать к себе адвоката, потребовать присутствия Честного Свидетеля, может апеллировать к *habeas corpus* и добиться рассмотрения своего дела в открытом суде.

И в то же самое время по обычаям нашего племени мумбо-юмбо вполне достаточно, чтобы кто-нибудь из шаманов-лекарей вывесил табличку «ПОСЕТИТЕЛИ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ», и несчастный узник больницы будет отрезан от мира с большей тщательностью, чем когда-то – Железная Маска.

Ближних родственников так просто не отвадишь, их придется пустить – беда только в том, что у Человека с Марса, похоже, нет близких родственников. Злосчастная команда «Посланника» имела крайне мало связей с остальным населением нашей планеты; если у Человека в Железной Маске – пардон, Человека, Родившегося на Марсе, – даже и есть какие-либо родственники, способные встать на защиту его интересов, целая армия репортеров (в их числе и ваш покорный слуга) все еще не сумела их отыскать.

Так кто же защищает интересы Человека с Марса? Кто приказал окружить его автоматчиками? Что у него за жуткая такая болезнь, что никому не позволено с ним поговорить, да что там поговорить, хотя бы его увидеть? Я обращаю эти вопросы к вам, господин генеральный секретарь. Не надо считать наших сограждан полными идиотами, никто из них не поверит объяснениям насчет «физической слабости» и «непривычного тяготения» – будь это так, хрупкая медсестричка справилась бы с делом ничем не хуже, чем до зубов вооруженный мордоворот.

А не может ли статья, что природа загадочного недуга имеет чисто финансовый характер? Или даже (скажем шепотом) политический?

И так далее, и тому подобное. Совершенно очевидная наглость, преследующая столь же очевидную цель: не дать правительству возможности отмолчаться. Джилл не понимала, чего

именно он добивается, поскольку не разбиралась ни в политике, ни в финансах, хотя и чувствовала, что Бен крупно рискует, бросая вызов властям. Впрочем, она не имела никакого представления ни о подлинном масштабе этого риска, ни о возможных ответных действиях.

Она просмотрела остальные страницы газеты: «Чемпион», «Чемпион» и еще раз «Чемпион». Интервью капитана ван Тромпа, интервью чуть не каждого члена его команды, фотография: генеральный секретарь Дуглас украшает орденом героическую грудь одного из героических членов, снимки марсиан и марсианских городов. И почти ничего о Смите – только короткий медицинский бюллетень: медленно, но верно поправляется после тягот пути.

– Ты вот эту газету посмотри. – Заглянувший в гостиную Бен уронил ей на колени стопку листов тонкой желтоватой бумаги.

«Газета» оказалась стенограммой первой – по всей видимости – кассеты. Собеседники значились как «Первый голос», «Второй голос» и так далее, однако в тех случаях, когда Бен сумел отождествить эти голоса, он подписал от руки фамилии. По верху первого листа шло примечание: «Все голоса – мужские».

Большая часть записей свидетельствовала, что Смита кормили, умывали, массажировали, что он дважды в день гулял по палате под наблюдением «доктора Нельсона» и «второго врача». Джилл решила, что это доктор Таддеус.

А вот тут – нечто совсем другое. Джилл вернулась к началу эпизода и принялась читать внимательно.

Доктор Нельсон: Ну, парень, как ты себя чувствуешь? Хватит сил на разговор?

Смит: Да.

Д-р Нельсон: Тут один человек хочет с тобой побеседовать.

Пауза.

Смит: Кто? *(От руки, почерком Какстона: перед каждой своей репликой Смит делает паузу, иногда небольшую, иногда продолжительную.)*

Д-р Нельсон: Этот человек – наш великий *(непонятное гортанное слово – марсианское?)*. Он старейший из наших стариков. Ты будешь с ним говорить?

Смит *(после очень долгой паузы)*: Я преисполнен счастья. Старик будет говорить, я буду слушать и расти.

Д-р Нельсон: Нет, ты не так понял! Он хочет задать тебе несколько вопросов.

Смит: Я не достоин учить старика.

Д-р Нельсон: Этого хочет старик. Ты выслушаешь его вопросы?

Смит: Да.

(Неопределенные звуки.)

Д-р Нельсон: Сюда, пожалуйста. Я привел доктора Махмуда, он в соседней комнате, на случай, если потребует переводить.

Следующий абзац начинался словами «Новый голос»; Какстон зачеркнул их и подписал: «Генеральный секретарь Дуглас!!!»

Генеральный секретарь: А зачем он? Вы же говорили, Смит понимает по-английски.

Д-р Нельсон: Ну, как сказать... и да, и нет, ваше превосходительство. У него приличный словарный запас, однако, как выражается Махмуд, он полностью лишен культурного контекста, необходимого для правильного понимания и употребления этих слов. Так что разговоры бывают довольно сумбурные.

Генеральный секретарь: Ничего, я уверен, что мы прекрасно поймем друг друга. В молодости я исколесил автостопом всю Бразилию, хотя поначалу не знал ни слова по-португальски. Так что будьте добры представить нас друг другу, а потом можете отдохнуть от нашего общества.

Д-р Нельсон: Сэр? Я бы предпочел остаться со своим пациентом.

Генеральный секретарь: Вы бы предпочли? Боюсь, мне придется настаивать. Вы уж меня извините.

Д-р Нельсон: Боюсь, это *мне* придется настаивать. Извините, сэр, но врачебная этика...

Генеральный секретарь (*прерывает его*): Не забывайте, что я – юрист и понимаю кое-что в медицинской юриспруденции – так что не вешайте мне лапшу насчет этой своей «врачебной этики». Этот пациент лично выбрал вас своим лечащим врачом?

Д-р Нельсон: Ну, не то чтобы, но однако...

Генеральный секретарь: Так я и думал. Да была ли у него вообще такая возможность – свободно выбрать себе врача? Сильно сомневаюсь. Он находится под опекой государства, так что я выступаю в роли ближайшего родственника *de facto* и – в чем вы скоро убедитесь – *de jure*. Я хочу поговорить с ним один на один.

Д-р Нельсон (*долгая пауза, голос звучит сухо и чопорно*): При такой постановке вопроса, ваше превосходительство, я считаю себя вынужденным отказаться от пациента.

Генеральный секретарь: Да что же вы, доктор, так вот сразу с бухты-барахты. Я же ни на вот столько не сомневаюсь в ваших методах лечения. Но ведь вы не стали бы мешать матери побеседовать со своим сыном один на один, не стали бы, верно? Вы что, боитесь, я его съем?

Д-р Нельсон: Нет, но только...

Генеральный секретарь: Так в чем же тогда проблема? Бросьте, доктор, представьте нас друг другу и займемся делом. Вся эта суета может вредно отразиться на вашем пациенте.

Д-р Нельсон: Что ж, ваше превосходительство, я вас представляю. Но затем вам придется выбирать другого врача для своего... своего подопечного.

Генеральный секретарь: Я очень сожалею, доктор, что все так неловко выходит, искренне сожалею. И я не могу принять ваши слова как окончательные – мы с вами об этом еще поговорим. Ну так, будьте любезны...

Д-р Нельсон: Встаньте, пожалуйста, сюда, сэр. Сынок, это – тот самый человек, который захотел с тобой встретиться. Величайший из наших стариков.

Смит: (*непонятно*).

Генеральный секретарь: Что он сказал?

Д-р Нельсон: Приветствие, очень уважительное. Махмуд переводит это как «Я – всего лишь яйцо». Ну, если и не так, то что-то в этом роде. Мне он это тоже говорил. Знак дружелюбия и уважения. Сынок, говори, пожалуйста, по-человечески.

Смит: Да.

Д-р Нельсон: Не сочтите мой последний совет за наглость, но постарайтесь говорить попроще.

Генеральный секретарь: Это я непременно.

Д-р Нельсон: Прощайте, ваше превосходительство. Прощай, сынок.

Генеральный секретарь: Спасибо за помощь, доктор. До скорого.

Генеральный секретарь (*продолжает*): Как вы себя чувствуете?

Смит: Я чувствую себя хорошо.

Генеральный секретарь: Вот и прекрасно. Если вам чего-нибудь не хватает – только спросите, все сразу будет. Мы хотим, чтобы вам было хорошо. Только я хочу, чтобы вы сделали для меня одну вещь. Вы писать умеете?

Смит: Писать? Что такое «писать»?

Генеральный секретарь: Ладно, сойдет и отпечаток пальца. Я сейчас прочитаю вам один документ. В этой юридической ахинее сам черт ногу сломит, но, говоря попросту, смысл сводится к тому, что, улетая с Марса, вы оставили – ну, то есть передали – все свои предполагаемые права на что бы то ни было марсианское. Вы передали их нашему правительству.

(*Очень долгая пауза.*)

Генеральный секретарь (*не дождавшись ответа*): Ну, давайте попробуем с другой стороны. Ведь Марс вам не принадлежит, верно?

Смит (*долгая пауза*): Я не понимаю.

Генеральный секретарь: М-м-м... ну ладно, попробуем еще раз. Ведь вы хотите остаться здесь, верно?

Смит: Я не знаю. Меня послали старики. (*Длинный, совершенно непонятный монолог. Звуки, словно лягушка-бык что-то не поделила с котом.*)

Генеральный секретарь: Кой хрен, неужели же столько времени нельзя было научить его говорить по-людски? Слушай, сынок, тут ровно не о чем беспокоиться. Давай просто поставим отпечаток твоего пальца внизу этой бумаги. Дай мне свою правую руку. Да ты что, чего это ты выкручиваешься? *Лежи спокойно!* Я не сделаю тебе больно... *Доктор!* Доктор Нельсон!

Второй врач: Да, сэр?

Генеральный секретарь: Где доктор Нельсон?

Второй врач: Доктор Нельсон? Он ушел, сэр. Сказал, что вы его отстранили.

Генеральный секретарь: Это Нельсон вам такое сказал? Вот же, мать его! Ну тогда вы – вы можете что-нибудь сделать? Искусственное дыхание, укол какой-нибудь? Да не стойте как пень – вы что, не видите, человек умирает?

Второй врач: Не думаю, сэр, что необходимо принимать какие-то меры. Просто оставить его в покое – и он выйдет из этого состояния. Доктор Нельсон всегда так делал.

Генеральный секретарь: Чтоб он сдох, ваш доктор Нельсон.

Голос генерального секретаря исчез, голос доктора Нельсона так и не появился; на этом, собственно, транскрипция почти и кончилась. Судя по последним словам врача, Смит снова впал в один из своих транс, о которых Джилл было известно из больничных сплетен. Было еще две записи. Первая: «Не надо шептать, он все равно ничего не слышит», вторая: «Да убери ты этот поднос. Очухается, тогда и покормим».

Джилл в третий раз перечитывала стенограмму, когда в гостиную вернулся Бен с еще одной стопкой желтоватых листков, но предлагать их для прочтения не стал, а просто спросил:

– Проголодалась?

С любопытством взглянув на ворох новых бумаг, Джилл ответила:

– Жутко. Готова съесть что угодно.

– Лапша устроит? На уши.

Он вызвал такси, молча вывел Джилл на крышу и весь путь до Александрии не произнес ни слова; здесь они пересели в другое такси, причем Бен выбрал машину с балтиморским номером.

– Вот теперь можно и поговорить, – облегченно вздохнул он, задав роботилоту адрес – Хагерстаун, штат Мэриленд.

– К чему вся эта таинственность?

– Миль пардон, мадам. Нервишки пошаливают, и совесть загрызла. Не то чтобы я *знал*, что квартиру прослушивают, но ведь если в такие игры могу играть я, кто же им-то помешает? Особенно теперь, когда я проявляю нездоровый интерес к тому, о чем власти упорно умалчивают. Ровно так же я, собственно, не думаю, чтобы в том, вызванном на дом, такси были уши, но чем черт не шутит – в Специальной службе ребята ушлые. Зато уж эта машина... – Он любовно похлопал по сиденью. – Ну не могут же они в каждое такси посадить по жучку. Выбирая случайным образом, обеспечиваешь себе почти полную безопасность.

Джилл поежилась:

– Бен, ты же не думаешь, что эти люди... – Она потерянно замолкла.

– Еще как думаю! Ты же читала мою колонку. Я сдал текст уже девять часов назад. Неужели наше драгоценное правительство так вот позволит лягать себя в брюхо – и не примет ответных мер?

– Да ты же всегда задирался с этим правительством.

– И кого это особенно колебало? Оппозиция – на то она и оппозиция, чтобы противостоять правящим силам. На этот раз все значительно серьезнее – я прямо обвинил наших красавцев, что они держат под замком политзаключенного. Да еще такого, который представляет изрядный интерес для общественности. Правительство, Джилл, это живой организм, и, подобно любому другому организму, оно обладает инстинктом самосохранения. Ты его лягнешь – оно тебя укусит. Все, что было раньше, это так, щекотка, а на этот раз я им действительно врезал. Не надо было только тебя впутывать, – понуро добавил он.

– А я ничего не боюсь. Во всяком случае с тех пор, как вернула тебе эту штуку.

– Ты близко связана со мной. Вполне достаточная причина для крупных неприятностей – если пойдет беспредел.

Джилл растерянно смолкла. Никогда прежде она не задумывалась о безмерной жестокости власти. Весь ее жизненный опыт сводился к уходу за больными и к веселым проказам партизанской войны полов, а в остальном Джилл была почти так же наивна, как Человек с Марса. Сама мысль, что она – она, Джилл Бордман, в жизни своей не испытывавшая ничего худшего, чем родительский шлепок или случайно оброненное резкое слово, – подвергается самой настоящей опасности, мысль эта казалась дикой, невероятной. Конечно же, работая в больнице, она насмотрелась на последствия жестокости и насилия – но разве может такое случиться с *ней*, с ней самой?

Машина пошла на посадку.

– Бен? – нарушила молчание Джилл. – Ну а если он умрет? Что тогда будет?

– Как? – нахмурился Бен. – Очень хороший вопрос. Хорошо, что ты спросила, – значит, проявляешь интерес. Если других вопросов нет, урок закончен, можете идти домой.

– Перестань, Бен, я же не шучу.

– Хм-м... Знаешь, Джилл, я ведь из-за этого вопроса даже о тебе грезить перестал, ночами не сплю, все ответ ищу. Тут проблема двоякая: политическая и финансовая. В общем, вот до чего я додумался: после смерти Смита все его права на Марс исчезнут. Возможно, колонисты, привезенные «Чемпионом», заявят свои права – правительство наверняка договорилось с ними на этот счет заранее. «Чемпион» принадлежит Федерации, однако не исключено, что по смыслу заключенной с колонистами сделки все ниточки окажутся в руках нашего славного защитника прав человека, генерального секретаря Дугласа лично. Это поможет ему удержаться у власти, и надолго. Второй, столь же возможный вариант – смерть Смита ровно ничего не изменит.

– Как это? Почему?

– Мы исходили из применимости Ларкинского решения, а ведь это еще бабушка надвое сказала. Луна была необитаема, а Марс – обитаем. Конечно же, в юридическом смысле марсиане все равно что не существуют, но это – пока. Верховный Суд присмотрится к политической ситуации, поскребет свою коллегияльную лысину, а потом возьмет да и решит, что прилет людей на обитаемую планету не влечет никаких правовых последствий. В каковом случае обо всех марсианских правах нужно будет договариваться с марсианами.

– Бен, но ведь так оно и есть, иначе и быть не может. Сама мысль, чтобы одному человеку принадлежала целая планета... бред какой-то.

– Только не говори этого адвокату; в программу каждого юрфака входит обязательный курс по оцепиванию комаров и поглощению верблюдов. Кроме того, есть прецедент. В пятнадцатом веке папа римский передал все Западное полушарие Испании и Португалии, нимало не заботясь, что упомянутая недвижимость была уже занята индейцами, у которых, как ни кинь,

были свои традиции, законы и имущественные права. И ведь это щедрое дарение не оказалось фикцией. Ты посмотри на карту, в каких странах говорят по-испански, а в каких – по-португальски. И сколько земель индейцам досталось.

– Да, но... Бен, сейчас же не пятнадцатый век.

– А юристам это до лампочки. Они сошлутся на Блэкуэлла, Наполеона или даже на Юстиниана. Поверь, если Верховный Суд решит, что здесь применим прецедент Ларкина, Смит получит возможность раздавать концессии стоимостью во многие миллионы, а скорее – во многие миллиарды. Ну а если он передаст свои права правительству, тут уж порезвится генеральный секретарь Дуглас. Чего Дуглас и добивается. Ты же читала стенограмму.

– Не понимаю, Бен, зачем человеку такая огромная власть?

– Ты спроси еще, зачем мотылек летит на пламя. Жажда власти сильнее похоти, и так же необъяснима. Но, как я и говорил, проблема здесь двоякая. Личное состояние Смита важно почти так же, как его положение самодержца марсианского. А может, и еще важнее. Видишь ли, его сквоттерские права еще нуждаются в подтверждении Верховным Судом, но вряд ли кто-либо может отобрать у него патенты по лайловскому двигателю и тот самый пакет акций «Лунар энтерпрайзес» – все восемь завещаний оформлены по всем правилам и должным образом зарегистрированы, а в трех случаях он – абсолютный наследник. И что же будет, если Смит умрет? Не знаю. Конечно же, набегит сразу мильён дальних родственников, но Научный фонд уже двадцать лет успешно гоняет этих жадных паразитов. Так что если Смит умрет, не оставив завещания, его деньги достанутся правительству.

– Какому? Федерации или Соединенных Штатов?

– Еще один отличный вопрос без очевидного ответа. Биологические родители Смита происходят из двух различных стран Федерации, сам он родился вне ее территории... а ведь для некоторых очень важно, кто именно будет голосовать этими акциями, кто будет выдавать лицензии по патентам. И это не будет Смит, ни в коем разе, ведь ему не отличить доверенность на голосование от проездного билета. Скорее всего, все права достанутся тому, кто сумеет первым зацепить твоего марсианина и не выпустить его из рук. Вряд ли «Ллойд» застрахует его жизнь, слишком большой риск.

– Несмышлениш он несчастный. Ох, бедняжка!

6

Хагерстаунский ресторан располагался «на природе» – столики, разбросанные по сбегаящей к озеру лужайке, еще несколько столиков в кронах трех исполинских деревьев. Саму лужайку накрывал купол защитного поля – в любую погоду, даже в снег и в дождь, в ресторане стояло вечное лето.

Джилл загорелась поужинать на дереве, но Бен сунул метрдотелю в лапу, попросил перетащить один из столиков к самой воде и поставить рядом с ним стереоящик.

– Бен, – надулась Джилл, – ну чего, спрашивается, платить здешние дикие цены, если мы не полезем на дерево, да к тому же еще будем терпеть соседство этой жуткой говорилки?

– Терпение, малышка, терпение. Столики на деревьях оборудованы микрофонами – по необходимости, чтобы делать заказ. А наш – безо всяких хитростей, официант вытащил его из общей кучи. Что касается второй твоей претензии, питаться в тишине – очень не по-американски. Кроме того, этот галдеж затруднит работу с направленным микрофоном – в случае, если нас все-таки выследили легавые мистера Дугласа. В чем я не сомневаюсь.

– Ты что, серьезно этого боишься? – Джилл поежилась. – Знаешь, Бен, я все больше убеждаюсь, что не создана для преступной жизни.

– Чушь, она же по совместительству плешь. Когда я занимался скандалом с «Дженерал синтетикс», то никогда не спал две ночи подряд в одном месте. Да что там, я даже не ел ничего,

кроме консервов и яиц вкрутую, которые сам покупал и варил. Стерпится, слюбится. К тому же такая обстановка стимулирует обмен веществ.

– Не нужно мне никакой стимуляции. Все, что мне нужно, это один-единственный пожилой и богатый пациент.

– Так ты что, не выйдешь за меня?

– Выйду, когда будущий мой муж откинет копыта. А может, я настолько разбогатею, что попросту возьму тебя в дом, вроде как драного помоечного кота.

– Во, мысль. Давай прямо сегодня и начнем.

– Сперва пусть он откинет копыта.

Неожиданно ящик, немилосердно молотивший по их барабанным перепонкам, заглох.

– Телекомпания «Нью уорлд нетуоркс», – провозгласила заполнившая весь его объем голова ведущего, – и наш спонсор, компания «Мальтузианские пастилки „Умница“» имеют честь предложить вашему вниманию историческое сообщение правительства Федерации. Не забывайте, друзья, что каждая умница пользуется «Умницей». Всегда при себе, приятна на вкус, стопроцентная гарантия результата, или, точнее, – ха-ха-ха – отсутствия результата. Отпускается без рецепта в соответствии с законом тысяча триста двенадцать. К чему рисковать, применяя допотопные, антиэстетичные, ненадежные способы? Зачем терять его любовь и уважение? – Смазливый, с волчьей ухмылочкой ведущий скопился куда-то в сторону и торопливо закончил: – Счастлив представить вам Умницу, которая в свою очередь уступит место генеральному секретарю.

В ящике появилась девица, в трехмерном изображении, настолько чувственная и соблазнительная, настолько млекопитающая, что сравнение этого высокого артистизма с жалкой местной самодеятельностью неизбежно должно было вызвать у любого мужчины приступ острой зависти.

– А вот я, – постельным голосом сообщила Умница, – только «Умницей» и пользуюсь.

Она томно потянулась, еще сильнее обозначив самые умные свои части, вильнула частью сообразительной и растворилась. Оркестр грянул «Да здравствует мир во всем мире».

– А вот *ты*, – поинтересовался Бен, – ты пользуешься «Умницей»?

– Не твое собачье дело, – ошетинулась Джилл. – Эти пастилки – знахарское снадобье, – добавила она. – И с чего ты вдруг решил, что я в чем-нибудь таком нуждаюсь?

Какстон не успел ответить, в ящике возникла по-отечески благодушная физиономия генерального секретаря Дугласа.

– Друзья мои, – начал он, – дорогие мои сограждане. Сегодня на мою долю выпала величайшая честь. Такое бывает только раз в жизни. Триумфальное возвращение «Чемпиона», проторившего широкую дорогу к далеким...

Далее граждане Земли были поздравлены на предмет первого успешного контакта с другой планетой, другой разумной расой. Из пространной речи Дугласа неким неявным образом вытекало, что контакт этот – личное достижение каждого из зрителей, что возглавить экспедицию мог любой из них, не будь он зритель позарез занят другой, ничуть не менее важной работой. И что сам он, генеральный секретарь Дуглас, – не более чем скромный исполнитель воли своих сограждан. Ничто из этого не говорилось прямо, в лоб, но общий смысл речи сводился к тому, что ты, драгоценный слушатель, ничем не хуже любого из окружающих и даже лучше многих из них – и что старина Джо Дуглас олицетворяет собой такого вот заурядного человека с улицы вроде тебя. Сбитый на сторону галстук, малость всклокоченные волосы – все это явно свидетельствовало о близости к народу.

Интересно, думал Бен, кто же ему все это написал? Ведь не иначе Джим Санфорт – он лучший в Дугласовой команде специалист по подбору эмоционально заряженных прилагательных, способных одновременно и приятно щекотать самолюбие зрителей, и приводить их в умиротворенное состояние. Прежде чем удариться в политику, Джим делал рекламные ролики,

так что угрызений совести у него не бывает – нечему там угрызаться. Ну вот этот пассаж насчет «руки, что качает колыбель» – это точно его работа. Джим способен конфеткой заманить малолетнюю девчонку в кусты.

– Да выключи ты, ради бога, – взмолилась Джилл.

– Тише, лапуля, тише. Это стоит послушать.

– ...таким образом, друзья мои, я имею честь представить вашему вниманию еще одного нашего гражданина, Валентайна Майкла Смита, Человека с Марса. Майкл, мы все знаем, что ты устал и чувствуешь себя неважно, но все-таки – не откажешься ли ты сказать пару слов миллионам своих друзей?

Теперь перед зрителями предстал человек, сидящий в инвалидном кресле. С одной стороны над ним заботливым дядюшкой навис Дуглас, с другой стояла медсестра – чопорная, накрахмаленная и весьма фотогеничная.

Джилл ахнула.

– Да тише ты, – зашикал Бен. – А то самое интересное пропустим.

Интервью было кратким. Гладкое, младенческое лицо человека расплылось в робкой улыбке; он посмотрел прямо на зрителей и сказал:

– Привет, ребята. Вы извините, что я не встаю, сил еще мало.

Говорил человек с заметным трудом, в какой-то момент медсестра нагнулась и пощупала его пульс.

Отвечая на вопросы Дугласа, он выразил свое восхищение капитаном ван Тромпом и его героическим экипажем, поблагодарил за свое спасение всех, в нем участвовавших – а заодно и не участвовавших, сообщил, что весь марсианский народ в восторге от контакта с землянами и что сам он, Смит, надеется внести свой скромный вклад в установление прочных и дружественных отношений между двумя в равной степени родными ему планетами.

Тут вмешалась сестра, но Дуглас ласково ее отодвинул и сказал:

– Майк, а хватит у тебя сил ответить еще на один вопрос?

– Конечно, мистер Дуглас, если только я сумею на него ответить.

– Майк, а тебе нравятся наши, земные девушки?

– *Aga!*

На младенческом лице отразились экстаз и благоговение, оно заметно порозовело. Теперь в кадре снова появились голова и плечи генерального секретаря.

– Майк просил меня передать, – голос Дугласа звучал мягко, по-отечески, – что он скоро встретится с вами опять – при первой же возможности. Сами понимаете, нужно человеку подкачать мышцы. Для него сила притяжения Земли все равно что для нас – сила притяжения на Юпитере. Может быть, на той неделе, если врачи позволят.

На этой оптимистической ноте передача закончилась, дальше пошла реклама все тех же пастилок «Умница». Из развития сюжета ясно следовало, что у девушки, которая ими не пользуется, голова хрящом поросла, а в постели она – колода бесчувственная. Встретив такую на улице, мужчины шарахаются на другую сторону, не считаясь с риском для собственной жизни.

Бен переключил канал, повернулся к Джилл и уныло произнес:

– Ну что ж, подготовленную на завтра колонку можно выкинуть. А сегодняшнюю все на смех поднимут. Дуглас его во как держит.

– Бен!

– Чего еще?

– Это не Смит!

– Да? И ты в этом уверена?

– Еще как. С виду, конечно же, похож. Сходство неимоверное. Даже голос такой же. Но все равно это не тот человек, которого я видела в охраняемой палате.

Бен возразил, что Смит видели уже десятки людей – охранники, врачи, санитары и фельдшеры, капитан ван Тромп и вся его команда, да мало ли кто еще. Совершенно неизбежно многие из этих людей смотрели сегодня передачу – правительство должно было считаться с возможностью, что кто-то догадается о подмене. Если, конечно, была подмена. Они не могли действовать так грубо и нагло – слишком велик риск.

Джилл не оспаривала эти аргументы, она просто надула губы и стояла на своем: это не тот человек, который был в палате. В конце концов она раздраженно махнула рукой:

– Ну и оставайся при своем драгоценном мнении! *Мужчины!* Раз я не могу ничего доказать, значит я неправа, да?

– Джилл, ну что ты...

– Отвези меня, пожалуйста, домой.

Бен уныло поплелся за такси. Он взял машину не около ресторана, а через улицу, на посадочной площадке гостиницы, хотя больше и не ожидал за собой слежки. От Джилл веяло холодом, как из погребца. После нескольких безуспешных попыток завязать разговор Бен вытащил стенограммы подслушанных разговоров и углубился в их чтение. Потом он задумался и осторожно окликнул:

– Джилл?

– Я вас слушаю, мистер Какстон.

– Я тебе такого «мистера» дам! Слышь, Джилл, я должен извиниться. Ты совершенно права.

– И что же подвигло тебя на такое гениальное умозаключение?

– Вот это. – Бен хлопнул по ладони свернутыми в трубочку листками. – Да и не мог Смит так измениться за один какой-то день. Во время этого телевизионного разговорчика он неизбежно должен был сорваться... ну а потом, как это у него принято, – транс.

– Я очень рада, что ты узрел-таки то, что прямо в глаза лезло.

– Джилл, ударь меня, если хочешь, только не нуди, пожалуйста. Нет, ты понимаешь, что все это значит?

– Это значит, что его подменили актером. Я тебе об этом битый час твержу.

– Да, конечно. Актер, и вполне приличный. Великолепно загримированный и обученный. Но дело не в этом. Тут, насколько я понимаю, возникают две возможности. Первая: Смит нет в живых, и тогда...

– Нет в живых! – На мгновение Джилл словно вернулась в ту палату, снова пережила забавную церемонию испития воды, снова ощутила странное, теплое и какое-то не от мира сего обаяние Смита – ощутила со жгучей, непереносимой тоской.

– Ты не вскидывайся, я только перебираю варианты. Если Смит умер, этот его дублер останется «в живых» на то время, пока в нем будет необходимость. Затем «Смит» «умрет», а дублера увезут куда подальше, подвергнув такому мощному гипнотическому кодированию, что при первой же попытке болтать чего не следует он задохнется от астмы. А то и вообще сделают ему лоботомию. Но этот вариант малоинтересен; если Смит и вправду умер, мы никогда ничего не докажем. Так что будем считать, что он жив.

– Ой, я так на это надеюсь!

– Что ты Гекубе, что тебе Гекуба? – переврал Шекспира Какстон. – Если он жив, вполне возможно, что в сегодняшнем спектакле нет ничего зловещего. В конце концов, многие политики пользуются услугами дублеров для некоторых выступлений. А зрителям это нравится, потому что когда какой-нибудь чурбан замечает подмену, то мнит себя чрезвычайно проницательным, мол, и я не хуже других, тоже отличаюсь умом и сообразительностью. Может, власти решили пойти навстречу требованиям широкой общественности и явили публике искомого Человека с Марса. Пройдет две-три недели, наш общий друг Смит окрепнет, врачи решат, что

он в состоянии лично появиться на люди, – ну и запустят по телевизору его настоящего. Только сильно я в этом сумлеваюсь.

– Почему?

– Ты что, не понимаешь? Досточтимому Дугласу нужна подпись Смита, нужна позарез. Кавалерийский наскок не удался, так что теперь наш генеральный секретарь предпримет более серьезные меры. Запрячет Смита так глубоко, что мы его больше не увидим.

– Неужели его убьют? – Глаза Джилл испуганно расширились.

– Ну зачем уж так сразу. Скорее всего, просто запихнут в какую-нибудь частную лечебницу, чтобы никогда не научился жизни среди людей и никогда не узнал, что он, пожалуй, самый богатый на Земле человек. Может, его уже из Бетесды тайком куда-то увезли.

– Господи, Бен, неужели ничего нельзя сделать?

Какстон помрачнел и, поразмыслив, сказал:

– Ну, плана у меня пока нет. Они играют своей крапленой колодой, да к тому же сами придумывают правила. Но все равно я попробую. Прихвачу с собой Честного Свидетеля и адвоката покруче, заявлюсь в вашу больницу и потребую встречи со Смитом. Возможно, мне и удастся вытащить эти веселые забавы на свет божий.

– Я тоже с вами пойду.

– Вот уж фиг я тебе позволю. Нечего тебе в это соваться. Как было отмечено ранее, это погубит твою карьеру.

– А кто же тогда его опознает?

– Отличить человека, воспитанного марсианами, от актера – с таким делом я как-нибудь и сам справлюсь. А вот если что-нибудь пойдет не так, ты будешь моим запасным козырем – ты и знаешь про все это жульничество, и имеешь свободный доступ в Бетесдинскую больницу. Так что, лапуля, если я вдруг исчезну, все в твоих руках, действуй сама.

– Бен, они что, могут сделать что-нибудь *с тобой*?

– На этот раз, красавица, я дерусь не в своей весовой категории. Так что гарантий никаких.

– Не нравится мне это все. Слушай, а если ты и вправду к нему прорвешься – что ты тогда сделаешь?

– Спрошу, хочет он покинуть ваше богоугодное заведение или нет. Если да, то увезу его – в присутствии Честного Свидетеля нас никто не остановит. Больница не тюрьма, насильно удерживать его никто права не имеет.

– Н-ну... а потом? Смигу нужен уход, он неспособен о себе заботиться.

– Вот это-то меня и мучит, – снова нахмурился Какстон. – Сам я не смогу сидеть при нем нянькой. Вот ты б могла, если бы подходящие условия создать... Можно поселить его в моей квартире...

– ...а нянькой буду я. Точно, Бен, так и сделаем.

– Тише, тише, не ликуй. Я уже об этом думал. Дуглас наверняка отколет еще какой-нибудь номер – за ним ведь не заржавеет – и Смит снова окажется в каталажке. А заодно и мы с тобой. Есть, пожалуй, только один человек, – добавил Бен после долгого раздумья, – которому умыкание марсианина может сойти с рук.

– Кто это?

– Джубал Харшоу, слыхала о таком?

– Да кто же не слышал!

– И это – огромное его преимущество; на человека, о котором все слышали, не очень-то нажмешь, а если он – доктор медицины и юрист одновременно, то и тем более. Но самое главное, Джубал Харшоу – закоренелый индивидуалист, готовый выйти с перочинным ножиком в руках хоть против всей Федерации, и такая смелость увеличивает его силы десятикратно. Мы познакомились во время процессов о разжигании недовольства, и я вполне могу рассчитывать

на него как на друга. Если удастся вытянуть Смита из больницы, я сразу отвезу его в Поконские горы, к Харшоу – и пусть тогда кто-нибудь попробует хоть близко к нам подойти. Моя колонка да драчливый характер Харшоу – этим раздолбаям гарантирована веселенькая жизнь.

7

Хотя Джилл легла спать поздно, на утреннее дежурство она заступила десятью минутами раньше положенного. Следуя указаниям Бена, она даже не пыталась пробраться к Смиту, однако хотела все время быть поблизости – на случай, если журналисту потребуется подкрепление.

Охранники куда-то исчезли. Подносы с едой, лекарства, подготовка двух пациентов к операции – первые два часа у Джилл не было ни минуты продыха, она только и успела, что попробовать дверь палаты К-12. Дверь оказалась запертой, дверь пустующей гостиной – тоже. Теперь, когда охрану сняли, можно было безо всякого риска проскользнуть в палату через эту гостиную, но работа никак не позволяла отвлечься. Самое большое, что могла сделать Джилл, это внимательно следить, кто приходит на этаж.

Бен не появлялся; пара вопросов, осторожно, словно невзначай заданных санитару, сидевшему у коммутатора, уверили Джилл, что ни Бен, ни кто другой не проходил к Человеку с Марса, пока она сама была где-нибудь в отлучке. Ситуация становилась странной и тревожной – хотя никакого «часа икс» не было назначено, Бен намеревался броситься на штурм крепости с самого утра.

В конце концов Джилл решила прибегнуть к элементарному подглядыванию: улучив свободную минуту, постучала в дверь вахтенной комнаты и, не дожидаясь ответа, сунула туда голову.

– Ой! Доброе утро, доктор, – пропела она с деланным удивлением. – А я думала, тут не вы, а доктор Фрейм.

Врач оторвался от изучения показаний приборов, окинул неожиданную гостью оценивающим взглядом и улыбнулся:

– Я его даже и не видел. Меня зовут доктор Браш. Чем могу быть полезен?

Столкнувшись с до боли знакомой мужской реакцией на свою внешность, Джилл позволила себе расслабиться.

– Да мне, собственно, ничего и не надо. Я из чистого любопытства заглянула. Как там наш Человек с Марса?

– А?

– Не бойтесь, доктор, – хитро подмигнула ему Джилл. – Весь персонал об этом знает. Ваш пациент... – Она указала на дверь в палату.

– Как? – На лице врача было полное изумление. – Это что, он *здесь* лежал?

– А разве сейчас его там нет?

– Да ровно ничего похожего. Миссис Роза Банкерсон, пациентка доктора Гарнера. С утра пораньше поступила.

– Да? А где же Человек с Марса?

– Не имею ни малейшего понятия. Послушайте, сестричка, так это что же, я Валентайна Майкла Смита прозевал?

– Ну да, он был в этой самой палате, еще вчера.

– И доктор Фрейм его наблюдал? Везет же некоторым. А у меня что? Вот, полюбуйтесь.

Словоохотливый врач нажал на кнопку; Джилл увидела на экране водяную кровать, а в ней – крошечную, иссохшую старушку. Похоже, спящую.

– Что с ней такое?

– М-м-м... Знаете, сестра, не будь миссис Банкерсон до неприличия богата, я назвал бы ее болезнь старческим слабоумием, а так – она, может считаться, нуждается в отдыхе и обследовании.

Стоя в дверях, Джилл поболтала еще немного, затем выглянула в коридор и заторопилась, якобы на вызов. Журнал дежурства подтвердил сказанное Брашем: *В. М. Смит, К-12, – переведен. Дальше следовало: миссис Роза С. Банкерсон – поступ. К-12 (диетстол назн. д-р Гарнер – заказов не пост. – деж. не отв.).*

К счастью, присматривать за богатой старушенцией Джилл не поручили. Она задумалась о Валентайне Майкле Смите. А вот с миссис Банкерсон явно что-то не так, понять бы, что именно... Джилл не стала маяться поиском объяснений и задумалась о том, что волновало ее гораздо больше. Почему Смита перевели не днем, а ночью? Наверное, чтобы избежать лишних свидетелей. И куда же его засунули? В нормальной обстановке Джилл позвонила бы в регистратуру, но сейчас у нее не шли из головы липовая телепередача и устрашающие разговорчики Бена. Лучше не торопиться и послушать, о чем чешут языком другие сестрички.

Но сперва Джилл направилась к телефону-автомату, позвонила Бену в редакцию – и услышала ошеломляющую новость: мистер Какстон на несколько дней уехал из города. С трудом взяв себя в руки, она попросила передать мистеру Какстону, чтобы тот позвонил сразу, как вернется.

Затем Джилл набрала его домашний номер. Бена не было и здесь, пришлось еще раз повторять ту же самую просьбу, на этот раз – автоответчику.

Бен Какстон не тратил времени даром. Он выдал задаток Джеймсу Оливеру Кавендишу. Сошел бы, конечно, и любой другой Честный Свидетель, однако реноме Кавендиша стояло так высоко, что приглашение адвоката превращалось в чистую формальность – престарелый джентльмен неоднократно свидетельствовал перед Верховным Судом Федерации; если верить слухам, в его голове хранились завещания стоимостью во многие миллиарды. Кавендиш обучался полному запоминанию у великого доктора Сэмюэла Реншоу, а гипнотическому кодированию – в Исследовательском центре Райна. Его гонорар за день, а точнее – за несколько часов работы намного превышал недельный заработок Бена, однако Бен намеревался представить счет своей газете – в таком ответственном деле смешно скупиться по мелочам.

Сперва Какстон заехал за младшим Фрисби из адвокатской конторы «Биддл, Фрисби, Фрисби, Биддл и Рид» – юридических консультантов издательского синдиката, в который входила и редакция газеты «Пост»; уже вместе они направились к Свидетелю Кавендишу. По дороге Бен рассказал Марку Фрисби о своих намерениях (причем Фрисби заметил, что намерения намерениями, но вот прав у него нет никаких). Говорить приходилось торопливо – правила запрещали обсуждать в присутствии Честного Свидетеля то, что тому предстоит увидеть и услышать. Мистер Кавендиш поджидал их на посадочной площадке своего дома; длинная, сухопарая фигура, облаченная в белую мантию (знак профессиональной принадлежности), чем-то неуловимо напоминала Статую Свободы и почти так же бросалась в глаза.

С крыши Бетесдинского медицинского центра они спустились в приемную директора: Бен положил на стол свою визитную карточку и выразил желание встретиться с директором.

Царственного вида секретарша хорошо поставленным окултуренным голосом спросила, была ли встреча оговорена заранее, на что Бен со вздохом признался, что нет, не была.

– В таком случае я очень сомневаюсь в ваших шансах увидеть доктора Бренера. Вы бы не могли изложить вкратце свое дело?

– Сообщите ему, – Бен говорил громко, так, чтобы слышали все люди, находящиеся в приемной, – что Какстон, ведущий в «Пост» колонку «Впередсмотрящий», а также приглашенные им адвокат и Честный Свидетель хотят встретиться с Валентайном Майклом Смитом, Человеком с Марса.

Замешательство хранительницы начальственного покоя продолжалось не более секунды.
– Я сообщу о вас доктору Бренеру, – процедила она ледяным голосом. – Посидите, пожалуйста.

– Спасибо, я постою.

Фрисби выудил из кармана сигару, Кавендиш сохранял невозмутимое спокойствие человека, повидавшего за свою жизнь все возможные проявления добра и зла, Какстон с трудом сдерживал нетерпение и покусывал ногти.

Дверь кабинета открылась.

– Вас примет мистер Берквист, – объявила снежная королева.

– Берквист? Это Гил, что ли, Берквист?

– Насколько мне известно, мистера Берквиста зовут Гильберт.

Какстон на мгновение задумался. Тоже мне собеседник – Гил Берквист, шестерка Дугласа, один из его так называемых «помощников по особым поручениям». В его обязанности обычно входило сопровождение высокопоставленных особ.

– Мне не нужен Берквист, я требую, чтобы меня принял директор.

Но из-за спины секретарши уже вынырнул Берквист с протянутой рукой и доброжелательней улыбкой на физиономии.

– Бенни Какстон! Вот уж кого сто лет не видел! Ну и как ты там, все той же писаниной пробавляешься? – Он, не меняя восторженного выражения лица, покосился на Честного Свидетеля.

– Пробавляюсь все той же писаниной. А ты-то что тут делаешь?

– Как я мечтаю уйти с этой треклятой государственной службы! Пристроюсь, как ты, вести где-нибудь колонку и заживу по-настоящему. Наговоришь по телефону тысячу слов собранных по городу сплетен – и свободен, иди себе груши околачивай. Завидую я тебе.

– Гил, я задал тебе вопрос. Я спросил, что ты тут делаешь. Я хочу увидеть сперва директора, а затем провести пять минут в обществе Человека с Марса. Никакими шуточками и разговорчиками ты от меня не отделаешься, и не надейся.

– Ну, ну, Бен, чего это ты так сразу и на дыбы? Я нахожусь здесь потому, что ваша журналистская братия совсем уже достала доктора Бренера. Меня прислал генеральный секретарь, чтобы хоть немного разгрузить этого бедолагу.

– О'кей. Я хочу встретиться со Смитом.

– Бен, старина, да кто же этого не хочет? Сюда рвется каждый репортер, каждый специальный корреспондент, комментатор, обозреватель, фрилансер, каждая тетка, пишущая слезливые истории для домохозяек. А уинчеллы вроде тебя – лишь капля в море. Если мы к нему всех желающих пускать начнем, бедняга за сутки загнется. Вот, всего двадцать минут назад заявила общая наша знакомая Полли Проныра. И знаешь, о чем она хотела допросить Смита? О любовной жизни марсиан! – В комичном страдании Берквист обреченно вскинул руки.

– Я хочу встретиться со Смитом. Получу я такую возможность или нет?

– Знаешь, Бен, найдем какое-нибудь спокойное место, где можно посидеть и выпить. Я отвечу тебе на любые твои вопросы.

– У меня нет к тебе никаких вопросов. Я хочу встретиться со Смитом. Это мой адвокат, Марк Фрисби. – Как и полагается, Бен не стал представлять Честного Свидетеля – все усиленно делали вид, что его нет.

– А мы знакомы, – весело откликнулся Берквист. – Как здоровье папы, Марк? Все еще мучается с гайморовыми полостями?

– Да, все как и прежде.

– Ничего не поделаешь, в Вашингтоне климат нездоровый. Пошли, Бен. И ты, Марк, тоже.

– Не мельтешишь, – остановил его Какстон. – Я хочу встретиться с Валентайном Майклом Смитом. Я – журналист, исполняю свои прямые обязанности, официально представляю синдикат «Пост», а косвенно – двести миллионов читателей. Так получу я такую возможность или нет? Если нет – так и скажи, громко и отчетливо. А потом объясни – на каком законном основании ты мне отказываешь.

– Марк, – вздохнул Берквист, – может, хоть ты сумеешь объяснить этому любителю подсматривать в замочную скважину, что нельзя, повторяю – нельзя, ни журналисту и никому другому вот так, ни с того ни с сего вламываться в спальню больного человека. Вчера Смит показался людям – так и то врачи возражали. Оставьте его в покое, пусть отдохнет и окрепнет – неужели он не имеет на это права? Вчерашнего интервью всем вполне достаточно. Больше, чем достаточно.

– Ходят слухи, – ровным голосом заметил Какстон, – что вчерашнее интервью – чистой воды липа.

Теперь Берквист больше не улыбался.

– Фрисби, – холодно сказал он, – у вас не возникает желания дать своему клиенту консультацию? Объясните ему закон о клевете.

– Ты бы, Бен, и вправду полегче.

– Я знаю закон о клевете, и не хуже твоего, Гил. Только кого я тут оклеветал? Человека с Марса? А может, кого-нибудь другого? Ты назови мне имя. Повторяю, – Бен заговорил еще громче, – согласно моим сведениям, человек, выступавший вчера по стереовидению, совсем не Смит. Я хочу спросить об этом самого Смита.

В переполненной приемной повисла тишина. Все посетители, не стесняясь, прислушивались к разговору. Берквист мельком взглянул на Честного Свидетеля, взял себя в руки и очаровательно улыбнулся:

– Ну что ж, Бен, ты, пожалуй, обеспечил себе интервью – а заодно и судебный иск. Подожди секунду.

Дугласов прихвостень исчез, но почти сразу же вернулся.

– Устроил я все, устроил, – устало сказал он, – хотя ты, Бен, того и не заслуживаешь. Пошли. Но только – ты прости, Марк, – но уж толпой-то туда нельзя никак: Смит плохо себя чувствует.

– Нет, – отрезал Какстон.

– А что, собственно?

– Или все трое, или вообще никто.

– Не глупи, Бен, ты и так получаешь огромную привилегию. Или вот как – Марк пойдет с нами, но постоит за дверью. Но уж он-то, – Берквист кивнул в сторону Кавендиша, который словно не видел и не слышал ничего происходящего, – тебе ни за чем не нужен.

– Возможно, и нет. Только тогда я сегодня же напишу в своей колонке, что правительственные чиновники не допустили к Человеку с Марса Честного Свидетеля.

– Ладно, Бен, – пожал плечами Берквист, – пошли. Ну и схлопочешь же ты по этому иску о клевете. Небо с овчинку покажется.

Из почтения к возрасту Кавендиша они спустились не пневмоподъемником, а на лифте, а затем скользящая дорожка повезла их мимо лабораторий, мимо физиотерапевтических кабинетов, мимо соляриев, мимо бесконечных палат. Неизбежный охранник что-то сказал в трубку телефона, и только после этого перед ними открылась дверь помещения, битком набитого оборудованием, применяемым обычно для наблюдения за кандидатами на тот свет.

– Познакомьтесь, доктор Таннер, – объявил Берквист. – Доктор, это мистер Какстон и мистер Фрисби.

Кавендиша он, естественно, не представил.

На лице Таннера появилось беспокойство.

– Хотелось бы сразу предупредить вас, господа, я вас впускаю исключительно по настоятельной просьбе директора. Мой пациент находится в крайне невротическом состоянии, поэтому, ради всего святого, не говорите ничего такого, что могло бы возбудить его еще больше. Иначе он мгновенно провалится в состояние патологического отключения от действительности, выражаясь иными словами – впадет в транс.

– Эпилепсия? – поинтересовался Бен.

– Симптомы весьма схожи – на взгляд непрофессионала; я бы назвал это катаlepsией, но на своем диагнозе не настаиваю. К сожалению, клинических прецедентов этого нет.

– А вы, доктор, в какой области медицины специализируетесь? Не в психиатрии, случайно?

Таннер взглянул на Берквиста и подтвердил:

– Да, моя специальность – психиатрия.

– И где вы проходили ординатуру?

– Бен, – вмешался Берквист, – ты же вроде хотел увидеть Смита. А если хочется допросить доктора Таннера – займись этим потом.

– О'кей.

Таннер изучил свои шкалы, включил телекамеру, несколько секунд посозерцал экран, а затем открыл запертую на ключ дверь и провел всю компанию в палату, предостерегающе прижимая палец к губам.

Здесь царил полумрак.

– Его глаза непривычны к яркому свету, – шепотом объяснил Таннер, направляясь к водяной кровати, воздвигнутой в самом центре палаты. – Майк, я привел друзей, они хотели с тобой встретиться.

Какстон подошел ближе. Наполовину упрятанный глубоко просевшей пленкой, до подмышек накрытый простыней, в кровати лежал молодой человек. Он смотрел на пришедших и молчал.

Насколько мог судить Бен, именно это круглое, младенчески гладкое, бесстрастное лицо и красовалось вчера на стереозэкране. Неужели Джилл ошиблась и подбросила ему считай что гранату с выдернутой чекой – заранее проигранное дело о клевете?

– Вы – Валентайн Майкл Смит?

– Да.

– Человек с Марса?

– Да.

– Вы выступали вчера по стереовидению?

Человек молчал.

– Он не понимает, – вмешался Таннер. – Вспомните, Майк, чем занимались вы вчера? Вместе с мистером Дугласом.

На младенческом лице появилось нечто вроде обиды:

– Яркий свет. Больно.

– Да, свет резал вам глаза. Мистер Дуглас попросил вас поприветствовать людей.

– Долго ехал в кресле, – слегка улыбнулся пациент.

– О'кей, – кивнул Какстон. – Дальше я сам. Скажите, Майк, с вами хорошо обращаются?

– Да.

– Ведь вы не обязаны здесь оставаться. Вы способны ходить?

– Но послушайте, мистер Какстон... – торопливо заговорил Таннер и тут же смолк – на его плечо опустилась рука Берквиста.

– Я могу ходить... немного. Быстро устаю.

– Ничего, можно воспользоваться инвалидным креслом. Майк, если вы не хотите здесь оставаться, я заберу вас и отвезу в любое, по вашему желанию, место.

– Послушайте, вы! – Таннер раздраженно стряхнул со своего плеча руку Берквиста. – Это мой пациент, и я не позволю вам его беспокоить.

– Но ведь он – свободный человек, не правда ли? – настаивал Какстон. – Или вы считаете его не пациентом, а заключенным?

– Конечно же свободный, – ухмыльнулся Берквист. – А вы, доктор, потерпите немного. Пусть этот кретин сам выроет себе яму.

– Спасибо, Гил. Вы слышали, Майк, что он сказал? Вы свободны идти куда угодно.

– Нет! – Теперь пациент смотрел на одного Таннера, его лицо выражало мольбу и ужас. – Нет, нет, нет!

– Ладно, ладно, успокойтесь.

– Мистер Берквист, – резко произнес Таннер, – вам не кажется, что пора прекратить эту безобразную сцену? Вы же видите, пациент разволновался.

– Пожалуй, что и так, доктор. Хватит, Бен, достаточно.

– Э-э... еще один вопрос.

Ну что же еще спросить? С какой стороны подойти? Получается, что Джилл ошиблась, – но ведь она была *совершенно права*! Или это только так показалось? Нет, здесь явно крылся какой-то подвох, только вот в чем?

– Ладно, – неохотно кивнул Берквист. – Последний, один-единственный вопрос.

– Благодарю. Э-э... Майк, вчера мистер Дуглас задавал вам всякие вопросы. – Пациент молчал. – В частности, он спросил, нравятся ли вам здешние, земные девушки, верно?

Розовое гладкое лицо расплылось в широкой улыбке.

– Ага!

– Да, конечно. Майк... а где вы их видели, этих самых девушек?

Улыбки словно не бывало. Пациент скосился на Таннера, закатил глаза, судорожно напрягся и застыл в позе эмбриона – колени подтянуты к животу, голова опущена, руки сложены на груди.

– Убирайтесь отсюда! – крикнул Таннер, бросаясь к кровати; он схватил запястье пациента и начал нащупывать пульс.

– А вот это уже выходит за всякие рамки, – с ненавистью процедил Берквист. – Да уйдешь ты отсюда наконец или мне позвать охрану?

– Уходим, уходим, – охотно согласился Какстон.

Все, кроме врача, покинули палату, и Берквист плотно прикрыл дверь.

– Ты не мог бы, Гил, объяснить мне один момент. – В голосе Какстона звучало еле сдерживаемое торжество. – Вы же держали его под замком – так где же все-таки он увидел девушек?

– А? Я тебя что-то не понимаю. Он видел уйму девушек – медсестры, санитарки, лаборантки... Сам же знаешь, в больнице их навалом.

– Ничего такого я не знаю. Насколько мне известно, со Смитом работал исключительно мужской персонал, женщин к нему и на пушечный выстрел не подпускали.

– Че-го? Не говори ерунду. – Тревога, мелькнувшая было на лице Берквиста, тут же сменилась ухмылкой. – Ты что, не смотрел вчера ящик? Даже там при нем была сестра.

– О! Да, конечно.

Какстон и его спутники молча поднялись на крышу, молча сели в такси.

– Знаешь, Бен, – заметил Фрисби, когда больница осталась уже далеко позади, – по моему, если ты не напишешь статью, то генеральный секретарь не станет возбуждать иск. И все-таки, если ты знаешь источник этого слуха, подготовь доказательства – так, на всякий случай.

– Ерунда, Марк, не станет он со мной судиться. – Бен мрачно глядел в пол. – И все равно – откуда нам знать, что это и вправду Человек с Марса?

– Что? Да хватит тебе, Бен.

– Откуда нам *знать*? Ну – увидели мы на больничной кровати парня примерно нужного возраста. Единственное наше доказательство – слово Берквиста, а этот тип начал свою политическую карьеру с почти очевидных лжесвидетельств. Так что ему веры нет. Еще мы увидели какого-то незнакомого мужика, который представился психиатром, но завилал и ушел в кусты при первой попытке выяснить, где он получил степень. Вот вы, мистер Кавендиш, вы убедились, что этот тип – Человек с Марса?

– Составлять мнение – не моя прерогатива, – чопорно вскинул голову Кавендиш. – Я вижу, я слышу – но и только.

– Извините.

– Вы уже кончили? Вам больше не нужны мои профессиональные услуги?

– Что? Да, конечно. Огромное вам спасибо.

– Это я должен поблагодарить вас, сэр. Весьма интересное задание.

Престарелый джентльмен снял белую мантию, делавшую его отличным от простых смертных, – и сразу заметно смягчился, расслабился. Он вытащил сигары, предложил их спутникам. Фрисби взял сигару, начал раскуривать.

– При исполнении обязанностей я не курю, – пояснил Кавендиш, выпуская облако дыма. – Курение нарушает оптимальный режим работы органов чувств.

– Если бы я мог привести с собой кого-нибудь из команды «Чемпиона», – продолжил Какстон. – Вот тогда-то мы бы точно разобрались. Но я надеялся, что сумею отличить подмену.

– Должен признать, – заметил Кавендиш, – меня очень удивило, что вы не сделали одну простую вещь.

– Да? А что такое я прогляпил?

– Мозоли.

– Мозоли?

– Ну конечно же. По мозолям можно прочесть всю биографию человека, я даже написал когда-то о них статью для «Альманаха Свидетелей», нечто вроде знаменитой монографии Шерлока Холмса о разновидностях табачного пепла. Этот молодой человек с Марса, он же никогда не носил нашей обуви, всю жизнь прожил при тяготении в три раза меньше нашего – мозоли на его ногах неизбежно должны соответствовать этим условиям жизни, а не нашим. И даже время, проведенное в космосе, должно было оставить на нем свой отпечаток. Да, очень любопытно.

– Ну вот же, мать его! А вы-то, мистер Кавендиш, чего столько времени молчали?

– Сэр! – возмущенно раздул ноздри старик. – Не забывайте, сэр, что я – Честный Свидетель, а никак не участник вашего расследования. Вы же знаете, за такой проступок меня могут лишиться звания.

– Извините, бога ради. – Какстон задумчиво нахмурился. – Тогда давайте так – вернемся и взглянем на пятки этого типа. А если нас не пустят, я разберу их лавочку по кирпичику.

– Вам придется найти себе другого Свидетеля – этим разговором я нарушил полную свою невовлеченность.

– Да, я понимаю, – еще больше помрачнел Какстон.

– Не возникал бы ты, Бен, – посоветовал Фрисби, – и так вляпался по это самое место. Я вот лично не сомневаюсь, что мы видели настоящего Человека с Марса. Бритва Оккама, принцип достаточного основания, и вообще – элементарный здравый смысл.

Какстон развез их по домам, а затем велел машине зависнуть в воздухе и начал думать. Немного погодя он задал роботопилоту адрес Бетесдинского медицинского центра.

На полпути к Бетесде он сообразил, что погорячился. Ну, прилетит он, и что потом? Дальше Берквиста все равно не попасть. Его уже пустили раз – в сопровождении адвоката и Честного Свидетеля. Попытка повидаться со Смитом второй раз, и буквально через час,

выглядит, мягко говоря, нагло, так что Берквист попросту пошлет его, ничем при этом не рискуя. Вдобавок, из безрассудного поступка материала для статьи не выжмешь.

Но Бен не привык быстро сдаваться – иначе, собственно говоря, у него и не было бы персональной колонки в газете. Так что же делать-то? Прорываться.

Дело хорошее, только вот как? Ну ладно, теперь хотя бы известно, где они держат своего так называемого «Человека с Марса». Известно, а дальше что? Монтером вырядиться? Или уборщиком? Нет, их и к доктору Таннеру-то не подпустят, не говоря уж о его «пациенте».

Можно подумать, Таннер – «доктор». Врачи, даже самые никудышные, стараются не впутываться в жульнические махинации, противоречащие их кодексу поведения. Вот, скажем, Нельсон – отказался от пациента, вышел из игры, и все лишь потому, что... Се-кун-до-чку! Да ведь доктор Нельсон легко отличит, Человек это с Марса или просто хрен с горы, и без никаких там мозолей. Какстон потянулся к пульта, велел такси зависнуть над стоянкой и начал розыски Нельсона.

Как связаться с врачом «Чемпиона» напрямую, Бен не знал и попытался выяснить это через свою газету. Помощник Бена, Осберт Килгаллен, тоже не знал, где Нельсон, но отыскать его оказалось легче легкого, и даже с просьбами об одолжении ни к кому обращаться не пришлось: справочное бюро синдиката «Пост» сразу назвало гостиницу «Нью-Мэйфлауэр». Через несколько минут доктор Нельсон уже беседовал с Какстоном.

Разговор не задался. Нет, доктор Нельсон не видел передачу. Да, он о ней слышал. Нет, у него нет оснований думать, что она сфальсифицирована. Знает ли Нельсон о том, что были уже попытки заставить Смита отказаться от прав, принадлежащих ему согласно Ларкинскому решению? Нет, и его даже не интересует, правда это или нет. Это же чушь собачья, считать, что Марс принадлежит кому-то там из людей: Марс принадлежит марсианам. Вы так думаете? Ну а если задаться гипотетическим вопросом: что, если кто-нибудь захочет... Доктор Нельсон оборвал разговор; все попытки Какстона восстановить его кончались одинаково – бесстрастный голос автомата повторял: «Абонент временно недоступен. Если вы хотите оставить сообщение...»

Какстон разразился дурацкими предположениями, касавшимися происхождения Нельсона, а также интимных привычек его родителей. Следующий поступок журналиста был не менее дурацким – он позвонил во Дворец Правительства и потребовал, чтобы его соединили с генеральным секретарем.

Этот шаг Бен Какстон предпринял инстинктивно, не задумываясь. За долгие годы своей профессиональной деятельности, в бытность сначала репортером, а потом липпманом, он пришел к убеждению, что один из лучших способов раскрывать секреты – это идти сразу на самый верх и там вести себя, как тот знаменитый зануда из анекдота, которому проще отдаться, чем отказать. Конечно же, тигр не телка, крутить ему хвост крайне опасно; Бен знал психопатологические вывихи власти лучше любого врача и уж конечно лучше Джилл Бордман, которая о них и вовсе не подозревала, однако же надеялся на свое сравнительно безопасное положение под защитой четвертого сословия – того самого, которого повсеместно боятся и стараются задобрить все власть имущие.

Вот только он не учел, что звонит во Дворец из такси, то есть без свидетелей.

Разумеется, с генеральным секретарем его не соединили, да он этого и не ожидал. Начались бесконечные переговоры с секретаршами, вторыми заместителями, девятыми помощниками и прочими прихлебателями; Какстон все больше раскалялся – и не заметил за делом, что машина уже не парит над одним местом, а куда-то летит.

А когда заметил, было поздно, робопилот не реагировал на его приказания. Бен с горечью осознал, что попался как маленький, такой глупости не сморозил бы и самый тупой бандит, – кто-то там быстро выяснил, откуда поступил вызов, а затем управление машины было переве-

дено на полицейскую радиочастоту. Так что везут его сейчас, тихо и без всяких свидетелей... Куда везут? А туда, куда им надо.

Больше всего он жалел, что отпустил Честного Свидетеля Кавендиша, но тут уж ничего не поделаешь. Бен прервал бесполезный разговор с Дворцом Правительства и начал звонить адвокату.

И продолжал эти попытки до того самого момента, когда машина опустилась в глубокий двор-колодец, откуда сигнал явно не мог вырваться наружу. Выйти из машины не удалось, дверца не открывалась, и Бен почти не удивился, почувствовав, что теряет сознание.

8

Ничего особенного, сказала себе Джилл, просто Бен увлекся каким-то другим следом и забыл сообщить об этом ей. Сказала – и сама не поверила. Как бы Бен ни был занят, он всегда со скрупулезнейшим вниманием относился к человеческому фактору, иначе ему просто не удалось бы достичь такого положения в профессии. Он помнил все дни рождения и скорее замотал бы карточный долг, чем забыл написать письмо с благодарностью за помощь или гостеприимство. И неважно, куда там Бен направлялся и как он спешил, – у него нашлось бы, обязательно нашлось бы время, чтобы позвонить Джилл домой, на работу или в крайнем случае записать на автоответчик пару слов объяснения. Именно эта обаятельная и обезоруживающая черта его характера и заставляла забыть о многих его недостатках.

Не мог он сделать иначе! В обеденный перерыв Джилл позвонила Бену на работу и поговорила с Осбертом Килгалленом. Тот клялся и божился, что никаких сообщений для мисс Бордман Бен не оставлял, хотя недавно выходил на связь.

На экране телефона Джилл заметила, что народу в редакции много, и сообразила, что о Человеке с Марса сейчас лучше не упоминать.

– Он сказал, когда вернется?

– Нет. На такие случаи у нас всегда есть готовые статьи, которые можно поставить в номер, если задержится свежий материал.

– Ну... А откуда он звонил? Ох, не считите за назойливость, но...

– Да нет, мисс Бордман, что вы. Только он не звонил, это был факс, отправленный со станции Паоли в Филадельфии.

Пришлось этим и удовольствоваться. В столовой Джилл еле притронулась к еде. Ну чего тут волноваться, уговаривала она себя. Ничего там такого не случилось... да и вообще, не втюрилась же ты в этого дурачка?

– Джилл, очнись! Ты слушаешь меня или нет?

Джилл подняла глаза и обнаружила рядом с собой Молли Уилпрайт, диетолога отделения.

– Извини. Я задумалась.

– Так я говорю, с каких это пор на вашем этаже пациентов из богадельни размещают в палатах-люкс?

– С чего ты это взяла?

– А разве Ка-двенадцать не на вашем этаже?

– Ка-двенадцатая? Да о какой же ты благотворительности? Старушка, которую туда положили, настолько богата, что позволила себе заказать круглосуточное дежурство личного врача.

– Чуть! Или на нее вдруг свалилось огромное наследство. Последние семнадцать месяцев она провела в психиатрической клинике бесплатного дома для престарелых.

– Путаница тут какая-то.

– Только не моя, в своем хозяйстве я не допускаю никакой путаницы. У этой пациентки были очень хитрые указания – полное отсутствие жиров, потому что ей удалили желчный пузырь, длинный список продуктов, к которым у нее аллергия, да плюс еще лекарства, скры-

тые в пище. Ты уж мне поверь, каждый диетический стол так же индивидуален и неповторим, как отпечатки пальцев. Ну, пока, девчонки. – Мисс Уилрайт встала. – Мне пора. Эх, жаль, не дают мне в нашей столовой развернуться. Прямо свинарник здесь устроили.

– О чем это Молли? – поинтересовалась одна из медсестер.

– Да так, ерунда. Она все перепутала.

Мелькнувшую было мысль, а не поискать ли Смита по назначенной ему диете, Джилл сразу же отбросила – быстрее, чем за сутки, все кухни не обследовать. Бетесдинский медицинский центр начинался с флотского госпиталя, в те незапамятные времена, когда основной театр военных действий разворачивался в океанских просторах; уже в те годы больничный комплекс был огромен, а потом, после передачи Министерству здравоохранения, образования и социального обеспечения, расширился еще больше. Теперь же медицинский центр принадлежал Федерации и превратился в нечто похожее на средних размеров город.

А с миссис Банкерсон и вправду что-то не так. В медицинском центре лечились пациенты всех сортов – правительственные, частные и благотворительные, но этаж, на котором работала Джилл, принимал обычно только сенаторов Федерации и прочих важных чиновников, которых обслуживали по высочайшему классу; частный пациент был тут в диковинку.

Может быть, миссис Банкерсон сунули к ним просто потому, что часть больницы, отведенная для платных пациентов, полна под завязку? Да, наверное.

Но вскоре все эти мысли вылетели из головы Джилл – надо было оформлять и размещать новых пациентов, бегать приходилось не переставая, а тут еще потребовалась кровать с электроприводом. Можно было, конечно, заказать по телефону, но пока там что доставят из подвального склада, расположенного в противоположном конце корпуса. Неожиданно Джилл вспомнила, что как раз такая кровать, приписанная к палате К-12, стоит в соседней пустующей комнате, на ней еще охранники сидели. Судя по всему, кровать вынесли из палаты, когда для Смита потребовалась водяная.

Возможно, она так там и стоит без дела, пыль собирает, хотя за ее аренду отделение должно платить. Кроватей с электроприводом вечно не хватало, а стоили они в шесть раз больше обычных больничных коек. Вообще-то, о рациональном использовании оборудования должен заботиться завхоз, но Джилл не любила напрасной расточительности и старалась без нужды не увеличивать накладные расходы своего отделения. К тому же, не нужно будет тратить времени на ожидание.

Но дверь комнаты не только оказалась запертой, но еще и не поддавалась ключу; сделав в уме заметку сказать слесарю, чтобы починил замок, Джилл направилась в вахтенную клетушку.

Сегодня здесь сидел тот же самый, что и вчера, доктор Браш – не штатный работник больницы и не интерн, он был, по его же собственным словам, приглашен доктором Гарнером специально для наблюдения за миссис Банкерсон.

– Мисс Бордман! – обрадовался доктор Браш. – Вот вас-то мне и надо!

– А почему же вы не позвонили? Как там ваша пациентка?

– В полном порядке. – Врач мельком взглянул на экран. – Это я не совсем в порядке.

– Что с вами?

– Да так, ерунда, просто нужно минут на пять отлучиться. А моего сменщика пока нет. Сестра, сделайте одолжение, посидите тут за меня, только чтобы об этом никто не знал. Очень вас прошу.

– Конечно. Дайте только я позвоню своей напарнице и скажу, где меня при случае искать.

– Нет, нет! – обеспокоенно замотал головой врач. – Просто запритесь здесь и не открывайте, пока я не постучу «Дай закурить».

– Хорошо, сэр. – Все это вызвало в Джилл некоторое сомнение. – А что делать с вашей пациенткой?

– Ровно ничего, просто сидите здесь и смотрите на экран. Не нужно ее беспокоить.

– А если с ней что-нибудь произойдет, где тогда вас искать? В курилке?

– Нет, мне бы до ближайшего туалета поскорее добраться. Так вы посидите, да?

Он велел Джилл запереть дверь на ключ и выскочил из комнаты. Джилл посмотрела на телевизионное изображение спящей старушки, а затем пробежала глазами по шкалам приборов. Все в полном порядке – и пульс, и дыхание, и давление, и что угодно. А дежурство – словно при умирающей, и зачем это, спрашивается?

А не посмотреть ли самой, стоит в гостиной эта кровать или не стоит? Конечно же, такая самодеятельность резко противоречит указаниям Браша, но Джилл была уверена, что не разбудит пациентку, годы работы в медицине научили ее ходить абсолютно бесшумно. И эти же годы научили: совсем не обязательно так уж беспрекословно слушаться врачей, главное, чтобы они ничего не знали.

Осторожно открытая дверь даже не скрипнула. Миссис Банкерсон спала типичным глубоким сном очень старого, близкого к маразму человека. С кошачьей бесшумностью Джилл пересекла палату и подошла к ведущей в гостиную двери; слава богу, хоть этот замок исправен.

Кровать стояла на прежнем месте, но Джилл сразу про нее забыла – против всяких ожиданий, в комнате находился человек.

Сидевший в кресле Смит поднял голову, отложил большую детскую книжку с картинками и расплылся в лучезарной младенческой улыбке.

У Джилл подкосились ноги. Валентайн Смит – *здесь*? Как же так, его же перевели, в журнале есть четкая, недвусмысленная запись.

И сразу – вихрь воспоминаний и кошмарных догадок... липовый «Человек с Марса» на стереоэкране... старушка, каждую секунду готовая умереть, а тем временем иссохшим своим телом прикрывающая никому не известный факт, что тут есть и второй пациент... наружная дверь гостиной, не поддающаяся ключу... Дальше все понятно: глубокая ночь, накрытая простыней тележка, и кто там догадается, что в морг увозят не один труп, а два?

А потом Джилл охватил парализующий волю ужас: сама того не желая, она узнала смертельно опасный секрет.

– Брат по воде! – радостно сказал Смит, неловко поднимаясь из кресла и протягивая ей руки.

– Здравствуйте. Э-э... как вы себя чувствуете?

– Очень хорошо. Я очень счастлив. – Он издал еще какие-то странные сдавленные, кашляющие звуки, умолк, поразмыслил и медленно произнес: – Ты здесь, мой брат. Тебя не было. А теперь ты здесь. Я пью тебя глубоко.

Джилл стояла в полной растерянности; странное, размягчающее душу тепло, исходившее от этого человека, мешалось с леденящим ужасом – а что, если *они* узнают? Смит ничего этого не замечал.

– Видишь? Я хожу! Я стал крепче. – Он прошел несколько шагов, а затем остановился, обессиленный, но торжествующий.

Джилл заставила себя улыбнуться.

– Ах, какие мы молодцы! Так и надо, набирайся сил. А мне пора – я на секунду забежала, поздороваться.

– Не уходи! – обеспокоился Смит.

– Но я очень спешу!

Теперь на лице Смита было уже не беспокойство, а самая настоящая скорбь.

– Я тебя обидел. Я нечаянно.

– Обидел? Да нет, ничего подобного, просто мне нужно уходить – и как можно скорее.

Смит мгновенно успокоился.

– Брат, возьми меня с собой, – попросил он, и даже не попросил, а сказал как о чем-то уже решенном.

– Что? Нет, я никак не могу. И мне нужно уходить. Послушай, не говори никому, что я была здесь.

– Никому не говорить, что здесь был мой брат по воде?

– Да. Не говори *никому*. Я... я еще приду. Честное слово. А ты будешь молодцом и никому ничего не скажешь.

Несколько секунд Смит молчал, по всей видимости переваривая непонятную просьбу «брата».

– Я буду ждать. – Он говорил серьезно, почти торжественно. – Я не буду рассказывать.

– Вот и хорошо.

«Обещать-то просто, – подумала Джилл, – только как же я это сделаю?» Вернуться к Смицу будет нелегко; вряд ли доктора Браша еще раз понос проберет. Теперь было ясно, что «испорченный» замок совсем не испорчен. Она посмотрела на выходящую в коридор дверь и увидела самый обыкновенный засов. По заведенному в больнице порядку любая дверь – в ванную, туалет или еще куда, – за которой мог закрыться пациент, открывалась снаружи мастер-ключом, здесь же замок не позволял Смицу выйти наружу, а засов не допускал в комнату сотрудников больницы, даже тех, у кого есть мастер-ключ.

Джилл отодвинула засов.

– Жди. Я еще приду.

– Буду ждать.

Уже пересекая палату, где все так же мирно похрапывала миссис Банкерсон, она услышала: *Тук-тук! Тук! Тук! Тук!* – и стремглав бросилась открывать дверь.

Браш буквально ворвался в дежурку.

– Где это вы были, сестра? Я уже в третий раз стучу. – Его взгляд метнулся к ведущей в палату двери.

– Я увидела, как пациентка перевернулась, – без запинки соврала Джилл. – Нужно было поправить ей подушку.

– Кой черт, я же говорил, чтобы вы сидели тут и никуда не совались!

Видя, что врач напуган до полусмерти – и не без причины, – Джилл перешла в контрнаступление.

– Конечно же, доктор, я сделала вам одолжение, – произнесла она ледяным голосом. – Главная ответственность за пациентку лежит на вас. Однако вы передоверили ее мне, и я была вправе поступать так, как считала необходимым. Если это вызывает какие-то сомнения – хорошо, сходим к заведующему отделением и поговорим.

– Что? Нет, нет, давайте забудем.

– Нет, сэр. Я не люблю, когда мою компетентность ставят под сомнение. Как вам известно, старая и слабая пациентка может попросту задохнуться в водяной кровати. Я поступила по всем правилам. Я не из тех медсестер, которые готовы покорно сносить любые попреки врача. Давайте сходим к заведующему.

– Зачем это? Послушайте, мисс Бордман, я понимаю, что раскричался на вас совершенно напрасно, и готов извиниться.

– Хорошо, доктор, – сухо кивнула Джилл. – Вам нужно от меня что-нибудь еще?

– Как? Нет, большое спасибо, вы меня очень выручили. Только, знаете, не говорите, пожалуйста, об этом никому, ладно?

– Никому я ничего не собираюсь говорить.

Вот уж в этом-то ты можешь быть уверен! Только что же теперь делать? Господи, ну почему Бена нет в городе! Джилл вернулась к своему столу и притворилась, что изучает бумаги. Затем она вспомнила про злополучную кровать и позвонила на склад, а еще чуть позднее услала свою напарницу к тому самому пациенту, которому требовалась кровать с электроприводом, и попыталась собраться с мыслями.

Так где же все-таки Бен? Будь он в досягаемости, можно было бы отлучиться на пару минут, позвонить и переложить все тревоги и беспокойства на его широкие плечи. Но только Бен этот чертов шляется невесть где и – фактически – сам свалил на нее неприятную эту историю.

Шляется? Сомнение, которое Джилл изо всех сил старалась загнать куда-нибудь поглубже, в подсознание, все-таки вырвалось на поверхность. Бен не уехал бы из города, не сообщив ей, чем кончилась попытка увидеть Человека с Марса. Участница заговора, она имела полное право узнать – Бен всегда играл честно.

Джилл вспомнила его слова по дороге из Хагерстауна: «Если что-нибудь пойдет не так, ты будешь моим запасным козырем... так что, лапуля, если я вдруг исчезну – все в твоих руках, действуй сама».

Тогда она почти не обратила на это внимания – просто не поверила, что с Беном может что-нибудь случиться. А вот теперь – задумалась, продолжая машинально выполнять свою работу. В жизни каждого человека наступает момент, когда ему – или ей – нужно решать, поставить или нет на кон «жизнь, состояние и незапятнанную честь», не имея никакой уверенности в благополучном исходе. Те, кто уклоняется от этого выбора, – как малые дети, которые никогда не повзрослеют. В тот самый день – а если уж точнее, то в три часа сорок семь минут пополудни того самого дня – Джилл Бордман почти без колебаний приняла вызов судьбы, одновременно объясняя посетителю, что с собаками к больным нельзя ни в коем случае, даже если и удалось пробраться мимо дежурной в вестибюле. И даже если о свидании с любимым псом просит сам пациент.

Джилл ушла, и Человек с Марса снова сел в кресло. Он больше не читал книгу, а просто ждал, ждал «терпеливо» – выражение, не совсем подходящее, но в человеческих языках отсутствуют слова, которыми можно было бы описать отношение марсиан к жизни. Он сидел совершенно неподвижно, в тихой радости – ведь брат обещал вернуться. Он был готов ждать – вот так, ничего не делая, без единого движения – целые годы.

Смит не очень ясно представлял себе, сколько времени прошло с тех пор, как они с этим братом разделили воду, и дело не только в том, что пространство и время этого места странным образом искривлены, и даже не во все еще не грокнутых последовательностях звуков и видов. Культура его гнезда, и это самое главное, воспринимает время совершенно иначе, чем культура человеческая. И разница тут не в большей продолжительности жизни марсиан, а именно в ином *отношении* ко времени.

«Сейчас позднее, чем ты думаешь» – этого просто нельзя сказать по-марсиански, ровно как и «тише едешь – дальше будешь», хотя и по совершенно различным причинам: первая из этих фраз описывает ситуацию невозможную, даже невообразимую с марсианской точки зрения, в то время как вторая, с той же самой точки зрения, несет в себе не больше смысла, чем, скажем, обращенный к рыбам призыв купаться по утрам и вечерам. С другой стороны, фраза «Как было в начале, так ныне, и присно, и во веки веков» настолько близка марсианам по духу, что перевести ее гораздо легче, чем «дважды два четыре» (последнее, кстати сказать, для обитателей Марса далеко не самоочевидно).

Смит ждал.

Он не шелохнулся и тогда, когда вошел Браш. Браш понаблюдал некоторое время за окаменелой фигурой и удалился.

Услышав, как в скважину вставляется ключ, Смит вспомнил, что такой же звук предвещал последний приход брата по воде; в расчете на повторение той же последовательности событий он ускорил свой метаболизм – и все равно был несказанно поражен, когда в комнату проскользнула Джилл; ему и в голову не приходило, что наружная дверь – тоже дверь. Мгновенно грокнув ситуацию, он отдался радостной полноте существования, наступающей исклю-

чительно в присутствии согнездников, братьев по воде и (при определенных обстоятельствах) – в присутствии Стариков.

Радость эта несколько притуплялась осознанием, что брат ее не разделяет. У кого-либо из прежних, марсианских братьев подобная нервная озабоченность могла бы свидетельствовать об одном: он совершил какую-то постыдную ошибку и готовится к скорому развоплощению, однако Смит успел уже усвоить, что эти другие, хотя и чем-то похожие на него создания, способны без особого риска для жизни переносить совершенно невероятные эмоции. Брат Махмуд переживал духовную агонию по пять раз на дню и не только не умирал, но и, похоже, относился к этим мукам как к чему-то полезному, необходимому. С братом капитаном ван Тромпом случались совершенно непредсказуемые спазматические приступы, любой из которых – по марсианским понятиям – должен был бы привести к немедленной утрате телесности, однако и этот брат пребывает, насколько известно Смицу, во плоти.

Поэтому Смит не испугался возбужденного состояния брата.

Джилл сунула ему какой-то сверток.

– Вот, надень все это, и поскорее.

Смит принял сверток и замер в нерешительности.

– О господи ты мой! – сокрушенно воскликнула, глядя на него, Джилл. – Ну ладно, раздевайся, я тебе помогу.

И раздевать его и одевать пришлось ей. На Смите были больничная пижама, купальный халат и шлепанцы; так его одели, не дожидаясь просьбы и не спрашивая согласия. Он научился уже справляться со всем этим хозяйством, но очень медленно и неловко; Джилл раздела его буквально в секунду. Никакая несвоевременная стыдливость их не задерживала – Смит вообще не знал, что это такое, а Джилл проработала медсестрой не один уже год. Наибольший восторг Смита вызвали тонкие псевдошкурки для ног; не давая ему времени вдосталь повосхищаться чулками, Джилл, за неимением пояса с подвязками, закрепила их лейкопластырем. Она одевала Человека с Марса в форму больничной медсестры – не свою, а позаимствованную у подружки повыше ростом, якобы для кухни, которой сегодня идти на карнавал. Пелерина скрывала наиболее очевидные признаки пола (вернее – их отсутствие) – во всяком случае, Джилл на это надеялась. Труднее оказалось с туфлями, они были сильно не по ноге, а Смит и босиком-то ходил с большим трудом.

В качестве завершающего штриха Джилл приколотла ему на голову сестринскую шапочку.

– Волосы коротковаты, – озабоченно заметила она, – но сейчас многие девушки стригутся еще короче, так что сойдет.

Смит не очень понял услышанное; он попытался отрастить себе волосы подлиннее, но быстро понял, что за несколько секунд этого не сделаешь.

– А теперь, – сказала Джилл, – слушай внимательно. Что бы там ни произошло – молчи. Даже рта не открывай. Ты меня понимаешь?

– Молчать. Я буду молчать.

– Просто иди куда я веду – и все. Я буду держать тебя за руку. А ты ничего не говори. Ну, если знаешь какие-нибудь молитвы – *молись*.

– Молись?

– Ладно, проехали. Главное – иди за мной и не разговаривай.

Она открыла дверь, взглянула направо, налево и вывела новоявленную медсестру в коридор.

На них не обращали внимания. Изобилие странных, непонятных структур повергло Смита в полное замешательство, он не мог разглядеть их отчетливо и безвольно шагал вслед за Джилл, почти отключив зрение и остальные чувства, чтобы спасти себя от неожиданно разверзшегося хаоса.

В конце коридора Джилл встала на движущуюся в поперечном направлении дорожку; Смит шагнул, споткнулся и наверняка упал бы, не поддержи его Джилл. Заметив удивленный взгляд какой-то санитарки, она сквозь зубы выругалась, а затем, сходя с дорожки, постаралась помочь своему спутнику по возможности незаметно.

На крышу они поднялись лифтом, Джилл не была уверена, что сумеет справиться с Человеком с Марса в пневмоподъемнике.

И вот тут они нарвались на неожиданную неприятность, хотя Смит, естественно, даже и не подозревал об этом. Последний раз он видел небо еще на Марсе, перед отлетом «Чемпиона», и сейчас испытал острый восторг. Небо было яркое, многоцветное и радостное (типичный для Вашингтона хмурый, пасмурный день). Джилл в отчаянии озираясь по сторонам. Как она и надеялась, на крыше никого не было – сестры, окончившие смену вместе с ней четверть часа назад, уже разошлись по домам, послеобеденный час для посетителей тоже давно закончился. Но не было и такси, ни одного, а садиться в аэробус – об этом и мысли быть не могло.

Джилл совсем уже собралась сделать телефонный вызов, когда заметила машину, идущую на посадку.

– Джек, – окликнула она смотрителя стоянки, – это такси по заказу?

– Да, я вызвал его для доктора Фиппса.

– Жалость-то какая! Джек, а может, ты еще одно вызовешь? Они ж быстро прилетают. Познакомься, это моя двоюродная сестренка Мадж – она в южном крыле работает; у нее ларингит, и ей нельзя долго на таком ветре.

– Ну... – задумчиво почесал голову смотритель, – разве только для вас, мисс Бордман. Забирайте эту машину, а доктору Фиппсу я закажу другую.

– Ой, Джек, какой же ты пусечка! А ты, Мадж, молчи, я сама его поблагодарю. У Мадж совсем голос пропал, но ничего, прополошу ей горло горячим ромом, и все пройдет.

– Должно помочь, обязательно должно. Старые средства – самые надежные, моя мама всегда так говорила.

Джек открыл дверцу, по памяти набрал на автомате адрес Джилл, а затем попытался помочь сестричкам сесть в машину. Джилл пришлось заслонить собой Смита, чтобы скрыть его незнакомство с галантными церемониями.

– Спасибо, Джек, огромное спасибо.

Машина поднялась в воздух, и Джилл шумно, с облегчением вздохнула.

– Ну, теперь можешь говорить.

– А что я должен говорить?

– Как? Да все что хочешь.

Смит задумался. Столь масштабное предложение требовало масштабного же и ответа – ответа, достойного общения двух братьев. Многие варианты приходилось – с сожалением – отбросить из-за полной их непереводаемости. В конце концов он остановился на фразе, которая – даже на этом чужом, бесцветном языке – хотя бы отчасти передавала теплое чувство братского возвращения близости.

– Пусть наши яйца разделят одно гнездо.

– Что? – ошарашенно повернулась Джилл. – Как ты сказал?

Совершенно ясно, что ответ получился неудачным; Смит не знал, куда деться от отчаяния. Раз за разом все его попытки достичь с этими странными существами единения возбуждают их до крайнего предела. Внимательно перебрав весь свой – небогатый еще – словарь, он попытался выразить основную мысль иначе:

– Мое гнездо – твое, а твое гнездо – мое.

На этот раз Джилл улыбнулась:

– Как мило сказано! Знаешь, дорогуша, я, конечно, не очень тебя понимаю, но это – самое очаровательное предложение, какое я когда-нибудь получала. Только вот в настоящий момент мы вляпались по самые уши, так что не будем торопиться, ладно?

Смит понял Джилл не лучше, чем она его, однако уловил, что брат по воде доволен и просит подождать. Ожидание не представляло никаких проблем – удовлетворенный тем, что отношения с братом наладились, он откинулся на спинку сиденья и предался созерцанию. Со всех сторон, куда ни кинь взгляд, – потрясающее изобилие новых, еще не грокнувших вещей. Смит впервые видел земной пейзаж и, почти против своей воли, вспомнил, что средства передвижения, используемые дома, не дают возможности видеть то, что расположено между начальными и конечными пунктами. Он почти уже сделал сравнение, неблагоприятное для марсианских методов, но в испуге отшатнулся от такого еретического посягательства на авторитет Стариков.

А Джилл пыталась думать. Такси уже заходило на посадку, когда ее вдруг осенило, что домой идти никак нельзя: разберутся, кто именно умыкнул Человека с Марса, – сразу туда и прибегут. А разберутся очень скоро – в комнате Смита наверняка остались отпечатки ее пальцев, найдутся свидетели, видевшие странную «сестричку Мадж». Джилл где-то слышала, что не представляет никакого труда прочитать память автопилота такси и выяснить, куда летела машина и когда.

Она решительно ударила по клавиатуре и аннулировала набранный услужливым Джеком адрес. Неизвестно, удален он из памяти такси или нет, однако нет смысла соваться туда, где почти наверняка их уже дожидается полиция.

Почти коснувшаяся земли машина снова взмыла и зависла в воздухе. Так куда же податься-то? Ну где, спрашивается, в этом огромном шумном городе спрячешь взрослого человека, абсолютно беспомощного, не умеющего даже одеться? Да еще когда этот человек – самая, пожалуй, популярная личность на всем земном шаре. Вот если бы здесь был Бен! Бен... *где же ты?*

Джилл взялась за телефон и – безо всякой, собственно, надежды – набрала номер Бена. Мгновенный всплеск радости столь же мгновенно сменился унынием, когда стало ясно, что звучащий в трубке голос принадлежит не Бену, а его помощнику.

– Извините, ради бога, мистер Килгаллен. Это опять Джилл Бордман, я думала, что звоню мистери Какстону домой.

– Вы не ошиблись, просто когда мистер Какстон отсутствует более суток, все его звонки переводятся на редакцию.

– Так он еще не появлялся?

– Нет. Не могу ли я помочь вам?

– Н-нет. Послушайте, мистер Килгаллен, а вам не кажется странным, что Бен так вот взял и исчез. У вас не появляется опасений?

– Что? Нет, никоим образом. В присланном факсе говорилось, что он и сам не знает, сколько времени будет отсутствовать.

– Но ведь это *странно*.

– Ничего странного, такая у него работа.

– Ну... А вот у меня это отсутствие вызывает большое беспокойство. Мне кажется, вам следовало бы сообщить в полицию. А заодно и всем репортерским агентствам страны, да что там страны – мира.

Даже и не видя Осберта Килгаллена, Джилл почувствовала, как тот чопорно выпрямился.

– А вам не кажется, мисс Бордман, что я способен разобраться в указаниях шефа без посторонней помощи? Не сочтите за обиду, но буквально каждый раз, когда мистера Какстона нет на месте, его упорно домогается кто-либо из «хороших знакомых».

Ясенько, подумала Джилл, то одна стерва старается его захомутать, то другая. А этот болван надутый решил, что я – очередная такая охотница. Потеряв всякое желание просить Килгаллена о чем бы то ни было, она положила трубку.

Так куда же все-таки идти? И тут у нее мелькнула неожиданная мысль: если Бен исчез и власти, скорее всего, приложили к этому свою руку, то кто же станет искать пропавшего Смита в его квартире? Правда, если они знают про ее знакомство с Беном... ну, уж это-то очень сомнительно.

Там можно будет поесть – наверняка у Бена в холодильнике найдется еда, главное, на дом ничего не заказывать, вдруг знают, что хозяин в отъезде, – да и одежда какая-нибудь для этого великовозрастного младенца отыщется. Джилл набрала адрес Бена, машина радостно рванулась и через несколько минут села на нужной улице.

– *Carthago delenda est*⁴, – сообщила Джилл акустическому замку.

Никакой реакции. Вот же черт, выругалась она, этот красавчик успел изменить пароль. Едва держась на подгибающихся от ужаса ногах, Джилл старалась, чтобы Смит не видел ее лица. Взяв себя немного в руки, она сделала еще одну безнадежную попытку – на случай, если Бен успел за эти минуты вернуться домой (один и тот же микрофон и открывал рейтеоновский замок, и работал в переговорном устройстве).

– Бен, это Джилл.

Дверь скользнула в сторону.

А затем, когда они вошли в квартиру, снова закрылась. Джилл подумала было, что Бен дома, но никто их не встречал; судя по всему, ей просто повезло угадать новый пароль. Задумано, нужно понимать, в виде приятного для нее сюрприза, только лучше бы уж без сюрпризов – а заодно и без отчаянного ужаса перед не желающей открываться дверью.

Смит замер на краю лужайки, поросшей густой, высокой травой. Ему здесь очень понравилось, хотя быстро грохнуть столь новое и необычное место было совершенно невозможно. То, движущееся место, где они только что находились, захватывало и потрясало, зато это больше подходило, чтобы объять себя.

Смит никогда не видел окна и даже не был знаком с таким понятием, – корпус Бетесдинского центра, куда его положили, имел новомодные глухие стены. Немудрено, что панорамное окно он принял за «живую картину», вроде как дома, на Марсе, – и искренне восхитился глубиной и живостью изображения. Очевидно, работа великого художника. До этого момента ничто не указывало, что у этих существ есть искусство; новое познание послужило углублению и расширению гроканья; Смит преисполнился теплым чувством.

Краем глаза уловив движение, он повернулся и увидел, что новый брат снимает с ног фальшивые шкурки и обувь.

Блаженно вздохнув, Джилл погрузила босые ступни в зеленую, прохладную траву.

– Господи, до чего же ноги-то устали! – Она подняла голову и встретила взгляд Смита – младенческий, но в то же самое время чем-то встревоженный. – Ты тоже разуйся и походи, тебе понравится.

– Как разуться? – недоуменно моргнул Смит.

– Вот же, все время забываю. Иди сюда, я помогу.

Джилл сняла с него сперва туфли, а затем – предварительно отлепив лейкопластырь – и чулки.

– Ну как, приятно ведь?

Смит неуверенно ощупал ногой траву, а затем робко поинтересовался:

– Но ведь они *живые*?

---

⁴ Карфаген должен быть разрушен (*лат.*).

– Можешь не сомневаться, это – самая настоящая трава, Бен угрожал на нее не знаю какие деньги. Да тут одно специальное освещение стоит больше, чем я зарабатываю за месяц. Так что погуляй по травке, получи удовольствие.

Смит не понял почти ничего – только то, что травинки – живые существа и что ему предлагают по ним ходить.

– Ходить по живым существам? – Он не верил своим ушам.

– Чего? А почему и не ходить? Этой траве ничего не будет, она специальная, для таких вот домашних газонов.

Это, напомнил себе Смит, мой брат по воде, а брат никогда не посоветует плохого, ведущего ко злу.

Он позволил провести себя по лужайке – и обнаружил, что ему самому это нравится, а живые существа ничуть не протестуют. Он обострил свою чувствительность до крайнего предела – все верно, брат конечно же прав. Они привыкли, что по ним ходят, это – их естественное состояние. Решение объять и восхвалить новый факт, принятое Смитом, по мужеству и самоотверженности было сравнимо разве что с попыткой рядового земного горожанина оценить по достоинству все прелести каннибализма (обычая, по мнению Смита, вполне естественного и достойного).

– Ну ладно, – вздохнула Джилл, – побалдели, и хватит. Я ведь даже не знаю, насколько – и надолго ли – мы здесь в безопасности.

– В безопасности?

– Нам нельзя здесь задерживаться. Вполне возможно, они сейчас проверяют каждую машину, покидавшую Центр.

Она сосредоточенно нахмурилась. Домой нельзя, здесь оставаться нельзя... к тому же Бен собирался отвезти Смита к Джубалу Харшоу. Но она-то сама не была знакома с Харшоу, не знала даже толком, где тот живет, – Бен вроде говорил, что где-то в Поконских горах. Ну что ж, не знаем, так узнаем – деваться больше некуда...

– Почему ты несчастлив, брат?

Резко выдернутая из раздумий, Джилл взглянула на Смита. Да ведь это бедное дите знать не знает, ведать не ведает о каких-то там бедах и опасностях. Она попыталась взглянуть на происходящее с его точки зрения – и не сумела. Ясно одно, Смит даже не подозревает, что они в бегах... а от кого, собственно? От копов? От больничной администрации? Джилл не очень себе представляла, что за проступок она совершила, какие законы нарушила, – она просто понимала, что встала на пути больших шишек, высокого начальства.

Ну и как прикажете объяснить несчастному младенцу, против кого им приходится бороться, если она и сама этого не знает? Вот, скажем, полиция – да есть ли у них на Марсе полицейские? У этого – разве у него узнаешь? Говорить с ним – все равно что кричать в кадку для дождевой воды.

Да есть ли на этом самом Марсе кадки для дождевой воды? Или хотя бы дождь?

– Не будем вдаваться, – отмахнулась она. – Просто делай, что я скажу, – вот и все.

– Да.

Безграничное приятие, вечное и бесконечное «да». Джилл неожиданно подумала, что Смит по первому ее слову прыгнет из окна, – и ничуть не ошиблась. Он действительно прыгнул бы, восторженно впитал бы в себя каждую секунду падения с двадцатого этажа, а при заключительном ударе об асфальт принял бы развоплощение без тени удивления или сожаления. И не то чтобы он не знал, что падение ведет к смерти, он просто не понимал, что это такое – страх смерти. Если бы брат по воде избрал для него такую странную методику развоплощения – Смит воспринял бы ее, восхвалил и постарался, по возможности, грохнуть.

– Ладно, хватит так стоять, надо по-быстрому поест, переодеть тебя и убираться отсюда, пока не поздно. Ты раздевайся, а я тут пошарю.

Подобрав из Бенова гардероба дорожный костюм, берет, рубашку, исподнее и ботинки, Джилл вернулась в гостиную. Сейчас Смит напоминал котенка, игравшего-игравшего с клубком, да и запутавшегося в нитках. Одна его рука была прижата к телу и не могла пошевелиться, юбка намоталась на голову. Он начал снимать платье, даже и не подумав о пелерине.

– Господи боже, – безнадежно пробормотала Джилл, бросаясь на помощь.

Выпутав Смита из одежек, она засунула их в утилизатор – совершенно ни к чему, чтобы это хозяйство попадалось на глаза полиции, а с Эттой Шир, медсестрой, уж как-нибудь расплатимся.

– Тебя, милый, в больнице совсем запустили, так что прими-ка ты ванну, прежде чем надевать чистое.

Как медсестра, Джилл относилась к не очень приятным ароматам, исходящим от человеческого тела, с полным безразличием, однако – опять же, как медсестра – она была яркой фанатичкой мыла и мочалки... а этого пациента, похоже, так ни разу и не удосужились выкупать. Не то чтобы от Смита воняло, просто от него пахло, как от лошади в жаркий день.

Зрелище воды, льющейся в ванну, преисполнило Человека с Марса восторгом. В туалетной комнате палаты К-12 была ванна, но он не знал, что это такое и зачем. Его обмывали прямо в кровати, да и то не очень часто – мешали поминутные уходы в транс.

Джилл потрогала воду:

– Ну вот. Залезай.

На лице Смита отразилось полное недоумение.

– Да быстрее ты, – прикрикнула Джилл. – Забирайся в воду.

Все слова были знакомыми, порядок их тоже не оставлял места для сомнений. Брат хочет, чтобы он погрузил *все свое тело* в воду жизни! Его никогда не удостаивали подобной чести – более того, насколько он знал, такая привилегия не предлагалась *никому и никогда*. Смит уже начал понимать, что эти другие ближе знакомы с первоосновой жизни, – факт, далеко еще не грокнутый, однако не вызывающий сомнений.

Он ступил в ванну одной, дрожащей от волнения, ногой, другой, а затем погрузился в воду полностью, с головой.

– Да ты что! – закричала Джилл, хватая Смита за волосы, – и с ужасом обнаружила, что вытаскивает из воды не живого человека, а самый натуральный труп. Господи, да не мог же он за какие-то две секунды захлебнуться! Мог – не мог, а все равно страшно.

– Эй, ты! – встряхнула она Смита. – Очнись! Кончай свои штучки!

Смит находился очень далеко, однако услышал зов своего брата и вернулся. Остекленевшие было глаза оживились, пульс ускорился, грудь начала мерно вздыматься и опадать.

– Как ты там, – все так же испуганно спросила Джилл, – в порядке?

– Я в порядке. Я очень счастливый. Мой брат.

– Ну и перепугал же ты меня. Слушай, не забирайся ты больше под воду. Вот как сейчас сидишь, так и сиди.

– Да, брат, – после чего Смит разразился серией хриплых – абсолютно для Джилл бессмысленных – звуков, набрал пригоршню воды, благоговейно, словно некую драгоценность, поднес ее ко рту, а затем протянул Джилл.

– Ты что, не надо пить из ванной! И я не хочу.

– Не пить?

В глазах Смита стояли беспомощная обида и недоумение. Секунду помедлив, Джилл махнула мысленно на все рукой, наклонила голову и прикоснулась к неожиданному подношению губами.

– Спасибо!

– Да не будешь ты испытывать жажду!

– Надеюсь, и ты не будешь испытывать жажду, никогда. Но пока что хватит. Если хочешь пить, я тебе принесу, а эту воду больше не пей.

Вполне удовлетворенный, Смит оставил дальнейшие попытки напиться из ванной; теперь он сидел совершенно неподвижно. Джилл уже поняла, что он никогда не принимал ванну и напроць не знает, как это делается. Можно бы, конечно, научить его, но сколько на это уйдет драгоценного времени...

Да было бы о чем говорить, вот буйных в психушке купать – это действительно работа. Вытаскивая Смита со дна, Джилл насквозь промочила свою кофточку, теперь она сняла ее и повесила сушиться. Уходя из больницы, она переделалась в короткую плиссированную юбку. М-м-да. Складки, конечно же, перманентные, но все равно – зачем мочить ее зазря? Джилл пожала плечами, дернула замок молнии и осталась в трусах и лифчике.

Смит взирал на все эти операции с откровенным любопытством; Джилл почувствовала, что краснеет, и очень этому удивилась. А ведь считала себя абсолютно свободной от унылого ханжества, именуемого стыдливостью, – господи, да мне же и шестнадцати не было, когда я первый раз пошла купаться голышом в смешанной компании. Однако младенческий взгляд этого странного типа повергал ее в полное смущение; посему Джилл не стала раздеваться дальше, заранее смирившись с перспективой промочить белье.

Приходилось скрывать свою растерянность за грубоватой суетой.

– Ну-ка, попробуем отскрести эту шкуру. – Встав рядом с ванной на колени, она облила Смита жидким мылом и начала взбивать пену.

Через некоторое время Смит протянул руку и потрогал ее правую грудь.

– Эй, – отшатнулась Джилл. – Только без этих штучек!

У Смита был такой вид, словно его ударили по лицу.

– Нет? – спросил он трагическим голосом.

– Нет, – решительно подтвердила Джилл, но затем посмотрела на него и добавила, уже несколько мягче: – Ничего страшного не случилось, но ты меня не отвлекай, я занята.

Для ускорения процесса Джилл спустила из ванной воду, велела Смицу встать и обмыла его из душа; затем она включила сушилку, а сама стала одеваться. Ошарашенный хлынувшими со всех сторон потоками теплого воздуха, Смит задрожал; Джилл терпеливо, как ребенка, успокоила его, посоветовала держаться за поручень, а сама стала одеваться.

Затем она помогла ему выбраться из ванной.

– Ну вот, после купания ты и пахнешь приятнее, и чувствуешь себя, готова поспорить, лучше.

– Я чувствую себя хорошо.

– Вот и прекрасно. А теперь одевайся.

В спальне перед Джилл встала сложная проблема: то ли надеть на Смита трусы, то ли объяснить ему, как это делается, то ли показать личным примером...

– НЕМЕДЛЕННО ОТКРОЙТЕ! – прогремел мужской голос.

Трусы выпали из пальцев Джилл. Она перепугалась до смерти, будто в операционной, когда у пациента под ножом хирурга внезапно останавливается дыхание, а давление падает до нуля. Ей снова пришла на помощь многолетняя выдержка медсестры. Они как, знают, что в квартире кто-то есть? Да, иначе бы не приехали. Ну, ясно, это чертово роботакси.

Так что, отвечать? Или затихариться?

Еще один повелительный окрик.

– *Сиди здесь!* – шепнула Джилл Смицу и вышла в гостиную. – Кто там? – Она изо всех сил старалась, чтобы голос звучал спокойно и непринужденно.

– Именем закона – откройте.

– Именем какого еще закона? Не порите чепуху. Говорите, кто вы такой и что вам надо, иначе я вызову полицию.

– Мы и есть полиция. Ваше имя Джиллиан Бордман?

– Как? Я Филлис О’Тул, и я жду тут мистера Какстона. Честное слово, я сейчас же позвоню в полицию и заявлю о попытке незаконного вторжения.

– Мисс Бордман, у нас есть ордер на ваш арест. Открывайте немедленно, вы только отягощаете свою вину.

– Никакая я вам не мисс Бордман, и я звоню в полицию.

Голос за дверью смолк; Джилл замерла, судорожно сглатывая и беспомощно ожидая, что же будет дальше.

Неожиданно в лицо ей пахнуло жаром, стальная пластинка замка занялась тусклым багровым светом, затем раскалилась добела; что-то громко хрустнуло, и дверь ушла вбок. Один из двух стоявших за ней мужчин переступил порог, ухмыльнулся и торжествующе объявил:

– Вот она, голубушка. Джонсон, осмотри квартиру, он где-то там.

– О’кей, мистер Берквист.

Джилл попыталась преградить им путь, но человек по фамилии Джонсон легко отодвинул ее в сторону и направился в спальню.

– Где ваш ордер? – срывающимся голосом выкрикнула Джилл. – Это полный произвол!

– Ну вот, ордер, ордер, – нежно улыбнулся Берквист. – Ты нам не нужна, мы за *ним* пришли. Не создавай нам трудностей, веди себя пайнкой – может, и отделаешься полегче.

Джилл пнула Берквиста в щиколотку, но тот ловко, без труда увернулся. Вдобавок, босой ногой сильно не ударишь.

– Фу, – укоризненно покачал он головой, – какая гадкая девочка. Джонсон! Так нашел ты его или нет?

– Тут он, мистер Берквист. В чем мать родила. И чем же это они, интересно, собирались заняться? Угадайте с трех раз.

– У тебя, Джонсон, грязное воображение. Тащи его сюда.

Из спальни показались сперва Смит, а потом Джонсон, заломивший ему руку за спину.

– Он, видите ли, не желал идти.

– Пойдет как миленький!

Увернувшись от Берквиста, Джилл отчаянно бросилась на Джонсона; тот резко отшвырнул ее в сторону:

– Ну, ты, стерва, без этих!

Лучше бы он этого не делал. Джонсон ударил Джилл не так сильно, как бил свою жену до того, как та его бросила, и уж во всяком случае не так, как заключенных, не очень расположенных к беседам. Вплоть до этого момента на лице Смита не отражалось ровно ничего; он молча подчинялся грубому принуждению, как щенок, который не желает гулять на поводке – вот и все. Он совершенно не понимал происходящего и старался не совершать никаких поступков.

Но теперь его брата ударили. Смит развернулся, вырвался – и достал.

И Джонсона не стало.

Нигде. Он исчез из комнаты. На том месте, где только что стояли широкие, массивные подошвы сапог, медленно распрямились травинки; Джилл смотрела на них и чувствовала, что сейчас шлепнется в обморок.

Берквист закрыл распахнувшийся от удивления рот, раскрыл его снова и повернулся к Джилл.

– Что вы с ним сделали? – с ненавистью прохрипел он.

– Я? Я не сделала *ничего*.

– Не строй невинные глазки. У вас там что, люк или что?

Но Джилл почти его не слышала.

– Куда он делся? – спросила она в свою очередь.

– Не знаю, – нервно облизнул губы Берквист. Он сунул руку под мышку и вытащил пистолет. – Только со мной такие штучки не пройдут. Оставайся здесь, а его я забираю.

Смит снова пребывал в пассивном, ожидающем состоянии. Не понимая происходящего, он ограничил свои действия крайним, необходимым минимумом. Однако он знал, что такое оружие, он видел его в руках прилетавших на Марс людей; теперь оружие было направлено на брата по воде, которому это явно не нравилось. И Смит грокнул, что его развитие подошло к одной из критических точек, в которой верное рассуждение должно привести к верному действию, за которым будет, возможно, дальнейшее развитие. И он начал действовать.

Старики обучили его многому и хорошо. Смит шагнул и встал напротив Берквиста; ствол пистолета описал дугу и уперся в его голую грудь. Смит достал – и Берквиста не стало. Смит повернулся к брату.

Джилл поднесла руку к губам и завопила.

Все это время лицо Смита оставалось бесстрастным, но теперь на нем отразилось полное, трагическое отчаяние: в критической точке было совершено ошибочное действие. Он умоляюще взглянул на Джилл, начал судорожно вздрагивать, а затем закатил глаза, медленно осел на пол, свернулся в клубок и замер.

Истерический припадок Джилл прекратился так же мгновенно, как и начался. Больной нуждался в помощи, времени на всякие там эмоции и размышления, куда же это подевались двое мужчин, попросту не было. Джилл упала на колени и бегло обследовала лежащее на полу тело.

Ни дыхания, ни пульса; прижав ухо к груди Смита, она сперва решила, что его сердце совсем остановилось, но потом различила чуть слышные и редкие – с промежутками по четыре, даже пять секунд – *тук-тук*.

Все это очень походило на шизоидный уход в себя, однако Джилл никогда не видела настолько глубокого транса, даже в школе на демонстрациях гипноанестезии. Она слышала о так называемом «самадхи», в которое впадают индийские факиры, но не особенно доверяла этим рассказам.

В нормальных обстоятельствах ни одна медсестра не стала бы пытаться вывести пациента из подобного состояния, а сразу позвала бы врача, но это – в *нормальных* обстоятельствах. Последние события ничуть не поколебали Джилл в решимости ни в коем случае не допустить, чтобы Смит снова попал в нежные объятия властей, а наоборот – укрепили. Решимость решимостью, однако уже через десять минут она убедилась в бесплодности всех своих попыток прервать транс, даже нажатие на чувствительный локтевой нерв ни к чему не привело.

В спальне Бена нашелся потрепанный чемодан, слишком большой, чтобы с ним пропустили в салон самолета, но все же не заслуживающий гордого наименования «кофр». Чемодан был набит битком – диктофон, туалетные принадлежности, одежда, даже аппарат – вполне законный, с разрешением, – позволявший входить в любую телефонную сеть. У Джилл мелькнула мысль, что уже все это хозяйство ясно показывает, что Килгаллен совершенно не прав насчет причин отсутствия Бена, но времени на раздумья не было, она просто выпотрошила чемодан и отнесла его в гостиную.

При всей своей худобе, Смит был тяжелее ее самой, однако Джилл приходилось иметь дело с пациентами и помассивнее. Чтобы запихнуть безжизненное тело в чемодан, пришлось сложить его на другой манер. Мышцы Смита сопротивлялись резким рывкам, однако без труда, словно воск, поддавались не очень сильному, но постоянному нажиму. Для мягкости Джилл забила пустые углы какими-то тряпками Бена. Прodelать дырки для воздуха не удалось – чемодан оказался стеклопластовым; секунду поколебавшись, Джилл махнула рукой – какой там ему воздух при почти полном отсутствии дыхания и, соответственно, нулевом обмене веществ.

Нести такой груз она бы не смогла – оторвать его от пола и то удавалось с большим трудом. К счастью, чемодан был снабжен колесиками; к тому времени, как ей удалось подтащить

его ко входной двери, на нормальный паркетный пол, драгоценная Бенова лужайка была перепажана глубокими уродливыми бороздами.

На крышу Джилл не поехала – только и не хватало для полного счастья, что связаться еще с одним роботакси-стукачом, – а вышла на улицу через полуподвал и черный ход. Молодой парень, проверявший доставленную по заказам жильцов еду, отодвинулся в сторону, давая выкатить чемодан на мостовую.

– Эй, сестренка, – окликнул он ее сзади, – что в коробчонке?

– Труп, – огрызнулась Джилл.

– Каков вопрос, – пожал плечами парень, – таков и ответ. Пора бы мне и усвоить.

Часть II

Его несуразное наследство

9

За последние сутки на третьей от Солнца планете стало двумястами тридцатью тысячами людей больше – прирост, не очень заметный на фоне пятимиллиардного населения. Южно-Африканское королевство, ассоциированный член Федерации, получило очередной вызов в Верховный Суд за преследование белого меньшинства. Совет властелинов моды, собравшийся в Рио, постановил удлинить юбки и прикрыть пупки. Три боевых спутника Федерации безмолвно бороздили небо, грозя смертью каждому, кто осмелится нарушить покой планеты; коммерческие спутники нарушали покой планеты непрерывным потоком рекламы. На побережье Гудзонова залива осело полумиллионом передвижных домов больше, чем к тому же самому дню в период прошлогодней миграции. По случаю начавшегося голода Ассамблея Федерации объявила рисовый пояс Китая зоной бедствия; Синтия Дюшес, известная как Богатейшая Девица Земли, откупилась от шестого мужа. Жизнь шла своим чередом.

Согласно заявлению преподобного доктора Дэниела Дигби, верховного епископа Церкви Нового Откровения (попросту говоря – фостеритов), он поручил ангелу Азраилу направлять сенатора Федерации Томаса Буна и ожидает не позже вечера получить Божественное подтверждение; зная веселенькие нравы фостеритов, неоднократно уже громивших газетные редакции, информационные агентства передали это сообщение без каких-либо комментариев. В детской лечебнице Цинциннати родился сын Гаррисона Кэмпбелла-шестого и супруги его. Выносила его и произвела на свет суррогатная мать, а счастливые родители развлекались тем временем в Перу. Доктор Гораций Квакенбуш, профессор свободных искусств Йельской школы богословия, призвал вернуться к вере и взращиванию духовных ценностей. Разразился грандиозный скандал, связанный с мошенничеством в спортивном тотализаторе; в нем оказались замешанными тренер и половина профессиональных игроков футбольной команды Вест-Пойнта. В Торонто трое химиков, специалистов по бактериологическому оружию, были отстранены от работы за эмоциональную неустойчивость; они заявили, что будут апеллировать к Верховному Суду Федерации. Верховный Суд отменил решение Верховного Суда Соединенных Штатов по делу «Рейнсберг против штата Миссури», связанному с пересмотром прав голосов на первичных выборах членов Ассамблеи Федерации.

Его превосходительство достопочтеннейший Джозеф Э. Дуглас, генеральный секретарь Всемирной Федерации Свободных Наций, апатично ковырялся в своем омлете, внутренне возмущаясь, неужели же человек не имеет права за завтраком выпить чашку приличного кофе. По экрану с оптимальной для чтения скоростью бежали строчки его персональной газеты, подготовленной ночной сменой информационного бюро. Сканер, разработанный компанией «Сперри», имел обратную связь, так что строчки двигались только тогда, когда на них смотрели; если читатель отворачивался, то бегущие строки замирали. Дуглас, собственно, не читал сейчас газету, а смотрел на экран только для того, чтобы не встретиться глазами со своей командиршей, сидевшей напротив. Миссис Дуглас вообще не читала газет, у нее были другие способы узнавать все существенное и необходимое.

– Джозеф.

Дуглас поднял глаза, и экран замер.

– Да, дорогая?

– У тебя какие-то неприятности?

– Что? А почему ты так думаешь, дорогая?

– Джозеф! Уже тридцать пять лет, как я штопаю твои носки, трясусь над тобой, как над малым ребенком, и оберегаю тебя от чего только можно, – так неужели же я не увижу, когда у тебя неприятности?

А ведь самое хреновое, признал про себя Дуглас, что она и вправду *видит*. Ну куда, спрашивается, глядели мои глаза, когда я подписывал с этой женщиной бессрочный брачный контракт? В старые добрые времена, когда Дуглас был всего лишь членом Законодательного собрания штата, нынешняя миссис Дуглас работала у него секретаршей. Их первый контракт – соглашение о сожительстве сроком на девяносто дней – заключался с единственной целью сэкономить предвыборный фонд, снимая в гостиницах один номер вместо двух. Оба они согласились тогда, что имеют исключительно деловые намерения, а «соительство» будет означать не более чем проживание под одной крышей; кстати сказать, она никогда – даже в те далекие времена – не штопала ему носки!

И как же это вышло, что все вдруг изменилось? В биографии миссис Дуглас «Тень величия: история одной женщины» утверждалось, что будущий супруг сделал ей предложение по окончании первых своих выборов, во время подсчета голосов, – и что его романтическую страсть не устраивал никакой вариант, кроме старомодного («пока смерть нас не разлучит») брака.

Ну что ж, кто же решится оспаривать официальную версию?

– Джо-зеф! Ты что, так вот и будешь молчать?

– А? Да нет, дорогая, ерунда. Просто я сегодня очень плохо спал.

– Знаю. Ты что, думаешь, я не знаю, когда тебя поднимают среди ночи?

– А откуда тебе, собственно, знать, если твои апартаменты в другом конце дворца, чуть не в пятидесяти ярдах от моих?

– Женская интуиция. И что же такое сообщил тебе Брэдли?

– Дорогая, оставим это, пожалуйста, – скоро мне идти на Совет, а нужно еще просмотреть новости.

– Джозеф Эджертон Дуглас, перестань увиливать.

Дуглас обреченно вздохнул:

– Мы проворонили этого придурочного Смита.

– Смита? Это что, Человек с Марса? Как это так – проворонили? Чушь какая-то!

– Чушь или не чушь, дорогая, только раньше он лежал в своей больничной палате, а теперь его там нет. Исчез вчера вечером.

– Ты говоришь нелепые вещи! Как он мог оттуда исчезнуть?

– Судя по всему, переоделся медсестрой.

– Но ведь... Ладно, ерунда. Смит исчез, и это главное. Ну и чего ж вы там напридумывали, чтобы его отловить?

– Его ищут надежные, проверенные люди. Берквист...

– Что? Этот пустоголовый кретин? В такой момент, когда необходимо использовать буквально все силы, от органов федеральной безопасности до школьных надзирателей, ты поручаешь дело Берквисту?

– Дорогая, ты не совсем понимаешь ситуацию. У нас *связаны руки*. Официально он никуда не исчезал. Ведь имеется еще... ну, этот, *другой* парень. Который, ну, «официальный» Человек с Марса.

– О! – Миссис Дуглас побарабанила пальцем по столу. – Ведь говорила я тебе, что ничего хорошего из этой подмены не выйдет.

– Но, дорогая, это же было сделано по твоему предложению.

– Ничего подобного я не предлагала. И не спорь, пожалуйста. М-м-м... вызови сюда Берквиста. Я сама с ним поговорю.

– Дело в том, что Берквист отправился по следу. И он еще не выходил на связь.

– Да? Твой Берквист уже на полпути к Занзибару. Он нас продал. Лично я никогда ему не доверяла. Помнишь, что я сказала, когда ты решил взять его на работу...

– Когда я решил взять его на работу?

– Не перебивай меня. Так вот, я сказала, что человек, продавший одного хозяина, продаст и второго. – Миссис Дуглас сосредоточенно нахмурилась. – Джозеф, за всем этим я вижу руку Восточной Коалиции. Можно ожидать, что на Ассамблее поставят вопрос о доверии.

– С чего бы это? Ведь никто ничего не знает.

– Даже слушать тошно такой младенческий лепет. Никто ничего! Уж Восточная-то Коалиция побеспокоится, скоро все всё узнают. Ты бы помолчал и дал мне подумать.

Дуглас вернулся к прерванному чтению. Городской совет Лос-Анджелеса просит Федерацию помочь в разрешении проблемы смога, Министерство здравоохранения так и не выделило им то да это. Нужно будет чего-нибудь подкинуть – фостериты выставляют там своего кандидата и у Чарли будут большие заморочки с переизбранием. К закрытию биржи акции «Лунар энтерпрайзес» поднялись еще на два пункта...

– Джозеф.

– Да, дорогая?

– Нет никакого Человека с Марса, кроме нашего. Тот, которого предъявит Восточная Коалиция, – самозванец. Вот так, и никак иначе.

– Сказать-то можно, дорогая, только кто же нам поверит?

– Что значит – кто же поверит? *Нужно* сделать, чтобы поверили.

– Но это же *невозможно*. Ученые мгновенно обнаружат подмену, а пустить их придется, они уже готовы брать больницу приступом.

– Ученые! – презрительно сморщилась миссис Дуглас.

– Да, ученые, и ты сама понимаешь, что они сразу все поймут.

– Ничего я не понимаю и понимать не хочу. Ученые, нашел о чем говорить. Половина их науки взята с потолка, а вторая половина – суеверие. Всех этих профессоров давно пора посадить под замок, а все их мудрствования – запретить. Ну сколько, Джозеф, можно вбивать тебе в голову, что есть только одна настоящая Наука – астрология.

– Не знаю, дорогая, не знаю. Я не хочу сказать ничего плохого об астрологии...

– Еще бы ты хотел! Да ты по гроб жизни должен быть благодарен этой науке!

– ...но все эти физики-математики, они тоже очень головастые ребята. Вот тут вчера один из них рассказывал мне про звезду, вещество которой в шесть тысяч раз тяжелее свинца. Или в шестьдесят тысяч? Как же он говорит...

– Чушь! Ну откуда, спрашивается, им знать, что там и сколько весит? И помолчи, пожалуйста, я тебе все расскажу. Мы ничего не признаем. Любой другой марсианин, кроме нашего, – самозванец. А тем временем отряды Спецслужбы приложат все усилия, чтобы его поймать, по возможности – до того, как Восточная Коалиция выступит с заявлением. Если потребуются применение решительных мер и этого Смита застрелят за сопротивление аресту или там при попытке к бегству – ничего страшного. От него с первых дней была одна морока.

– Агнес! Ты сама-то понимаешь, что ты мне сейчас предложила?

– Ничего я тебе не предлагала. А несчастные случаи происходят каждый божий день. С этим делом, Джозеф, нужно разобраться раз и навсегда. Наибольшее благо для наибольшего числа людей – ты же сам всегда к этому призываешь.

– Но я не хочу, чтобы с мальчонкой сделали что-нибудь плохое.

– А кто говорит, что с ним нужно что-то такое делать? Джозеф, ты обязан предпринять решительные меры, это твой долг. История тебя оправдает. Ведь что важнее: для блага пяти миллиардов людей сохранить стабильность обстановки – или сентиментальничать с одним-единственным парнем, который, если разобраться, даже и гражданином-то не является?

Дуглас уныло молчал.

– Ну ладно, – встала миссис Дуглас. – Я не могу разбрасываться своим временем на споры обо всякой ерунде. Мне давно уже пора к мадам Везант составлять новый гороскоп. Не для того я тратила лучшие годы своей жизни, трудилась как каторжная, выталкивая тебя вверх, чтобы из-за твоей бесхребетности все в одночасье пошло коту под хвост. Вытри желток с подбородка. – С этими словами она удалилась.

Глава исполнительной власти Земли выпил еще две чашки кофе и только тогда набрался духа идти на заседание Совета. Ох, Агнес, Агнес, никак на тебя не угодишь. Дуглас догадывался, что она давно в нем разочаровалась... а быть супругой генерального секретаря Федерации – это же кого угодно достанет. Ладно, хоть в безграничной преданности Агнес не придется сомневаться... что же касается недостатков – а у кого их нет, этих недостатков? Вполне возможно, что ее тошнит от своего муженька ничуть не меньше, чем его от нее, – ну и что?

Дуглас выпрямился. И все равно, он ни при каких обстоятельствах не позволит сделать Смиту что-нибудь плохое. От этого парня сплошная головная боль, тут уж кто бы спорил, но все равно он какой-то... трогательный, что ли? Вот посмотрела бы Агнес сама на эту детскую придурочную беззащитность, на то, как легко его испугать, – она бы так не говорила. В ней обязательно сыграл бы материнский инстинкт.

Только есть ли он у нее, этот самый материнский инстинкт? Посмотришь на эту физиономию с решительно выдвинутым подбородком, и появляются сильные сомнения. Хотя, кой черт, у каждой женщины есть материнский инстинкт, наука давно это доказала. Ведь и точно, вроде доказала?

И вообще – какого хрена, не позволю я собой помыкать. Каждую секунду тычет в нос, что это вроде бы она протолкнула меня наверх, но уж я-то знаю... да и бремя ответственности целиком на моих плечах.

Дуглас встал, расправил отягощенные бременем ответственности плечи, кое-как втянул живот и пошел на Совет.

Весь день он напряженно ждал, когда же упадет второй ботинок. Однако все было тихо; приходилось заключить, что, как это ни странно, никто, кроме ближайшего кружка доверенных лиц, так и не прознал про исчезновение Смита. Сейчас генеральный секретарь сильно напоминал подзалетевшую дуреху – больше всего ему хотелось закрыть глаза и чтобы вся эта мерзость как-нибудь сама собой рассосалась. Однако ни ход событий, ни собственная его жена не позволяли Дугласу расслабиться.

Агнес считала Эву Перон священным образцом для подражания и мнила, что даже внешне похожа на нее. Перед публикой она представляла исключительно в образе верной помощницы и неизменной спутницы великого государственного мужа, которого имела счастье именовать супругом; с этим обликом она настолько свыклась, что даже в одиночестве с ним не расставалась, поскольку, как Черная Королева, обладала счастливой способностью верить в то, что ей самой было угодно. Однако же, откровенно говоря (чего она никогда себе не позволяла) ее политические принципы заключались в следующем: мужчины повелевают миром, а женщины – мужчинами.

Ей никогда не приходило в голову, что все ее убеждения и поступки произрастают из неосознанной злобы на судьбу, волею которой она родилась женщиной; не сознавала она и того, что ее поведение объясняется как инстинктивной реакцией на несбывшееся отцовское желание о сыне, так и черной завистью к матери. Подобные гнусные мысли ее не посещали. Она обожала родителей и никогда не забывала приносить на их могилы живые цветы. Мужа она любила и о своей любви объявляла во всеуслышание; гордилась она и своей женственностью, о чем тоже упоминала неоднократно, а часто и объединяла эти два утверждения.

Агнес Дуглас не стала ждать, пока ее муж наконец раскачается и займется Человеком с Марса. Аппарат генерального секретаря подчинялся ей столь же охотно, как и своему офи-

циальному боссу, пожалуй – даже с большим рвением. Она вызвала к себе помощника по гражданской информации – так красиво именовался пресс-агент Дугласа, – а тем временем занялась делом еще более срочным: необходимо было немедленно составить гороскоп. Прямая скремблерная линия соединяла апартаменты генеральной секретарши с салоном мадам Везант; сдобная физиономия астролога появилась на экране буквально через секунду после вызова.

– Агнес? В чем дело, милочка? У меня клиент.

– Там не слышно, что я говорю?

– Слышно.

– Тогда гони его куда-нибудь, этого клиента. Дело срочное.

Мадам Александра Везант прикусила губу, но более ничем не выказала раздражения.

– Одну секунду.

Вместо ее лица на экране возникла надпись «Ждите». В кабинет без стука вошел молодой человек; миссис Дуглас подняла глаза и увидела Джеймса Санфорта, того самого информационного помощника.

– У вас есть новости от Берквиста? – спросила она.

– Чего? А я тут ни при чем, этим занимается Маккрэри.

Но миссис Дуглас не интересовалась такими мелочами.

– Позаботьтесь о его дискредитации, и поскорее, пока он не начал чесать языком.

– Вы думаете, Берквист нас продал?

– А то нет? Нужно было посоветоваться сперва со мной, а уж потом посылать его на такое дело.

– Я никуда его не посылал, это все Маккрэри.

– Но вы обязаны быть в курсе событий. Вот я...

На экране снова возникло лицо мадам Везант.

– Подождите, – отмахнулась от Санфорта миссис Дуглас. – Алли, милочка, – пропела она в микрофон, – нужны свежие гороскопы, и на Джозефа, и на меня. Очень срочно.

– Хорошо. – Служительница единственной точной науки немного помедлила. – Но было бы лучше, дорогая, если бы ты рассказала мне, что там такое произошло. Тогда я могла бы принести тебе большую пользу.

Мадам Дуглас побарабанила пальцами:

– Но ведь тебе не обязательно знать?

– Конечно же нет. Гороскоп может составить любой, имеющий некоторые математические способности, понимающий звезды и получивший соответствующую подготовку; для этого не нужно знать ровно ничего, кроме места и момента рождения субъекта. Ты и сама могла бы, если бы не все эти твои дела. Однако нужно учитывать, что звезды не принуждают, а лишь склоняют. У нас свобода воли. Чтобы провести подробный анализ и дать рекомендации по выходу из кризиса, мне нужно знать, какой именно астрологический дом к этому причастен. Что заботит тебя больше всего? Влияние Венеры? Или Марса? А может...

Миссис Дуглас наконец решилась.

– Марса, – прервала она разговорчивую собеседницу. – И еще, Алли, мне нужен третий гороскоп.

– Хорошо. А на кого?

– Э-э-э... Алли, я могу тебе довериться?

– Агнес, – оскорбленно вскинулась мадам Везант, – если ты мне не доверяешь – обратись за советом к кому-нибудь другому. Есть очень много людей, способных квалифицированно составить гороскоп, я совсем не единственный адепт древней мудрости. Вот, далеко не ходить, профессор фон Краузенмайер, у него отличная репутация, хотя он и склонен иногда...

– Алли, извини, пожалуйста! Мне и в голову не придет обратиться к кому-нибудь другому. А теперь... Нас никто не подслушает?

- Конечно же нет, милочка.
- Мне нужен гороскоп Валентайна Майкла Смита.
- Валентайн Майкл... Это что, Человек с Марса?
- Да, да. Алли, его похитили. *И нам необходимо его найти.*

Двумя часами позднее мадам Александра Везант отодвинулась от стола и устало вздохнула. Она сказала своей секретарше, что отменяет все назначенные на сегодня консультации; листы бумаги, испещренные цифрами и диаграммами, а также затрепанный навигационный справочник наглядно свидетельствовали о серьезности выполненной работы. В отличие от многих собратьев по профессии, Александра Везант вычисляла влияние светил на судьбы человеческие с помощью книги «Тайная наука беспристрастной астрологии, или Ключ к Соломонову Камню», доставшейся ей в наследство от покойного мужа, профессора Симона Магуса, крупного знатока древних тайн, зарабатывавшего хлеб своей насущный на эстраде фокусами, гипнозом и чтением мыслей.

Мадам Александра верила этой книге столь же истово, как в прошлом – ее первоначальному владельцу. В составлении гороскопов Симон не имел себе равных (пока был в трезвом состоянии), чаще всего он даже не нуждался во вспомогательной литературе. Его вдова честно признавалась себе, что никогда не достигнет такой квалификации, ей всегда требовались и книга, и навигационный справочник. Вычисления ее бывали, мягко скажем, не очень точны (она и банковский баланс в чековой книжке сводила с большим трудом); дело в том, что Бекки Визи (прежнее имя адепки древней мудрости) так никогда и не сумела осилить таблицу умножения, а кроме того, часто путала семерки с девятками.

Что ничуть не мешало делу. Гороскопы мадам Александры пользовались большим успехом, миссис Дуглас была далеко не единственной знаменитостью среди ее клиентов.

Поручение супруги генерального секретаря составить гороскоп на Человека с Марса повергло бедняжку Бекки в легкую панику – примерно так же чувствовала она себя на эстраде в тех случаях, когда какой-нибудь идиот из публики наново – и накрепко – завязывал ей глаза и приходилось отвечать на вопросы профессора действительно вслепую. Однако еще в те времена она обнаружила, что обладает талантом давать правильные ответы, а потому быстро укрощала свою панику и представление шло заданным чередом.

Сейчас она потребовала с Агнессы точные день, час и место рождения Смита – в почти полной уверенности, что никому это не известно.

И была неприятно удивлена, получив требуемые сведения буквально через несколько минут – все они содержались в бортовом журнале «Посланника». Но к этому времени мадам Везант успела уже взять себя в руки, а потому спокойно записала цифры и обещала, что сразу же по составлении гороскопов позвонит миссис Дуглас.

И вот после двух часов кропотливой арифметики она имела полные исходные данные для гороскопов супругов Дуглас – и ровно ничего по Смику. Мешало очень простое – и непреодолимое – обстоятельство: Смит родился не на Земле.

Ее астрологический талмуд не предусматривал подобного варианта, безвестный автор этой книжонки скончался задолго до первого полета на Луну. Мадам Везант пыталась найти выход; было естественно предположить, что основные принципы науки остаются неизблемыми и нужна всего лишь поправка на место. Но она тут же погрязла в путанице незнакомых связей, не было даже полной уверенности, что на Марсе те же самые знаки Зодиака – а как же можно работать без знаков Зодиака?

Одним словом – сплошной ужас, все равно что извлекать кубический корень (именно эта неразрешимая проблема заставила малютку Бекки расстаться со школой).

На столе появилась сберегаемая для трудных моментов бутылка того самого тонизирующего, коим несколько злоупотреблял покойный ее супруг. Мадам Александра быстро приняла одну дозу, налила вторую и задумалась, что бы сделал в подобной ситуации Симон. Через

несколько минут она буквально услышала ровный спокойный голос: «Уверенность, детка, и еще раз уверенность. Не теряй уверенности, и тогда лохи тоже в тебя поверят. И это – первейшая твоя перед ними обязанность».

Законная наследница мудрости древних почувствовала себя значительно бодрее и начала писать гороскопы Дугласов. С гороскопом Смита тоже не возникло никаких проблем – как и обычно, ее охватило ощущение, что лежащие на бумагу слова сами себя доказывают – они выглядели ошеломительно истинными. Работа подходила к концу, когда снова позвонила Агнес Дуглас.

– Алли? Ты уже все?

– Вот как раз дописываю последнюю строчку, – деловым голосом сообщила мадам Везант. – Ты должна понять, что составление гороскопа на Смита – задача для Науки трудная и необычная. Для человека, рожденного на другой планете, приходится пересчитывать все аспекты. Влияние Солнца уменьшается, влияние Дианы становится почти неощутимым, но зато Юпитер попадает в совершенно новый, я бы даже сказала – уникальный аспект. Да ты и сама все это понимаешь. Потребовались весьма длительные вычисления...

– Алли, не надо этих подробностей. Скажи только главное – ты знаешь ответы?

– Естественно.

– Ну, слава тебе господи. А то я уже боялась услышать, что задача оказалась неразрешимой.

– Я удивляюсь тебе, милочка, – оскорбленно откликнулась мадам Везант. – Ведь Наука никогда не меняется, меняются только конфигурации. Разве возможно поражение, когда ты вооружен методикой, предсказавшей час и место рождения Христа, предсказавшей момент и способ смерти Юлия Цезаря? Истина всегда есть Истина.

– Да, совершенно с тобой согласна.

– Ты приготовилась?

– Сейчас, я только включу запись... давай.

– Так вот, Агнес, настал самый критический период твоей жизни. Столь мощная конфигурация выстраивалась в небесах лишь дважды за всю историю человечества. В первую очередь ты должна сохранять спокойствие, избегать излишней поспешности, тщательно все обдумывать. В целом знамения благоприятны... при том условии, что ты не будешь им противиться и тебе удастся избежать необдуманных поступков. Старайся за внешними проявлениями видеть глубинную суть... – И так далее, и тому подобное.

Бекки Визи всегда давала хорошие советы, давала их весьма убежденно, а потому и убедительно. Уроки Симона научили ее, что даже при самом угрожающем расположении планет обязательно есть какой-нибудь выход, какой-нибудь аспект, благоприятный для клиента. Главное – обнаружить этот аспект и подробно его обрисовать.

Мало-помалу напряженное лицо Агнес смягчилось, она начала согласно кивать.

– Теперь ты видишь, – заключила мадам Везант, – что в свете трех ваших гороскопов исчезновение Смита по сути своей неизбежно. Но не нужно беспокоиться, он вернется – или даст о себе знать – в самое ближайшее время. Самое главное – не делать излишне резких движений. Сохраняй спокойствие.

– Да, понимаю.

– И еще одно. Аспект Венеры очень благоприятен и потенциально доминирует над аспектом Марса. Как ты понимаешь, Венера символизирует тебя самое, а Марс – это и твой муж и Смит, последний – в силу уникальных обстоятельств его рождения. На тебя ложится бремя двойной ответственности, и ты обязана принять этот вызов. Ты должна проявить специфически женские черты характера – спокойную мудрость и сдержанность. Ты должна поддержать своего мужа, провести его через бурные воды, успокоить его и утешить. Ты должна быть неис-

сякаемым родником незамутненной мудрости, это твой особый талант – так воспользуйся же им.

– Алли, – восхищенно вздохнула миссис Дуглас, – ты просто великолепна. Не знаю, как тебя и благодарить.

– Благодарю Древних Учителей, ведь я – всего лишь скромная их ученица.

– Их я отблагодарить не могу, так что отблагодарю тебя. Задаток был очень мал для такой работы, я сделаю тебе подарок.

– Нет, Агнес. Я рада оказать тебе услугу.

– А я рада отблагодарить за эту услугу. Молчи, Алли, больше ни слова.

Мадам Везант позволила себя уломать и закончила разговор, чувствуя приятное удовлетворение от честно выполненной работы, – ведь она *знала*, что ничуть не ошиблась в толковании небесных знамений. Бедняжка Агнес! Хорошая женщина, только терзается противоречивыми желаниями. Большая это честь – хоть немного выровнять ее путь, хоть самую малость облегчить ее бремя. Честь – и одновременно удовольствие.

Мадам Везант очень нравилось, что Агнес обращается с ней почти как с ровней; справедливости ради нужно добавить, что сама она была напрочь лишена снобизма и даже в мыслях не ставила себя на одну доску с супругой генерального секретаря. В молодости Бекки Визи была настолько серенькой и незаметной, что руководитель политической машины округа так никогда и не сумел запомнить ее имени – хотя и заинтересовался ее бюстом. Но Бекки Визи не обижалась. Бекки Визи любила людей. Она любила Агнес Дуглас.

Бекки Визи любила всех и каждого.

Она посидела еще немного, наслаждаясь теплым чувством удовлетворенности, выпила еще капельку своего тонизирующего – и все это время хваткий ее ум прокручивал обрывки полученных сведений. А затем она позвонила своему биржевому брокеру и приказала продавать «Лунар энтерпрайзес», без покрывтия.

– Алли, – фыркнул брокер, – ты бы, знаешь, не увлекалась так своей похудательной диетой. Мозги размягчатся.

– Не мешай мне, Эд. Когда акции опустятся на десять пунктов, прикрой меня, даже если они будут падать дальше. Когда поднимутся на три пункта – снова покупай, а вернется цена сегодняшнего закрытия – продай.

Последовало долгое молчание.

– Алли, ты что-то там разнюхала. Признайся дядюшке Эду.

– Мне сказали звезды.

Эд высказал желание сделать с «этими твоими звездами» нечто астрономически совершенно несурное.

– Ладно, не хочешь говорить, так не говори. М-м-м... ну что я за идиот такой, вечно вляпаюсь в какую-нибудь сомнительную историю. Ты не возражаешь, если я и от себя поиграю?

– Играй на здоровье, только не слишком крупно, чтобы не бросалось в глаза. Ситуация очень деликатная, Сатурн между Девой и Львом.

– Все как ты скажешь, Алли.

В полном восторге, что Алли подтвердила все ее догадки, миссис Дуглас с головой окунулась в дела. Она затребовала досье пропавшего Берквиста и приказала в кратчайшее время смешать его с грязью. Она вызвала Твитчелла, командира отряда Спецслужбы; тот покинул кабинет генеральной секретарши с совершенно убитым видом и сразу же сорвал злость на своем заместителе. Затем она поручила Санфорту запустить в эфир вторую серию спектакля «Человек с Марса», сопроводив ее слухом, что, «согласно источникам, близким к правительству», Смит в ближайшее время отправляется – а может быть, и уже отправился – в Анды, в высокогорный санаторий, чтобы отдохнуть в климате, максимально похожем на марсианский.

Оставался последний вопрос – как утихомирить Пакистан, заставить его голосовать нужным образом.

Напряженная умственная работа кончилась тем, что Агнес позвонила супругу и велела ему поддержать притязания Пакистана на львиную долю кашмирского тория. Дуглас и сам склонялся к этой мысли и был искренне возмущен, что Агнес почему-то уверена в обратном. «Ты что, совсем меня за идиота держишь?» – подумал он, но вслух ничего такого не сказал и кисло согласился. Разобравшись с высокой политикой, миссис Дуглас отправилась на собрание «Дочерей Второй Революции», чтобы произнести там речь «Материнство в Новом Свете».

10

Пока миссис Дуглас распинаясь перед аудиторией по вопросу, в котором она не смыслила ровно ничего, Джубал Харшоу, бакалавр юриспруденции, доктор медицины и доктор естественных наук, философ-неопессимист, сибарит, гурман и бонвиван, а заодно – сочинитель макулатурной беллетристики, сидел у себя дома в Поконских горах, поскребывал обросшую густым седым волосом грудь и созерцал сцену, разыгрывающуюся в плавательном бассейне. Там золотыми рыбками плескались три его секретарши, поразительно красивые и не менее поразительно эффективные в профессиональном своем качестве – полное соответствие законам архитектуры и дизайна, требующим гармонии декоративности с функциональностью.

Аппетитную блондинку звали Энн, гибкую как лиана брюнетку – Доркас, а рыжеволосую, с фигурой средних – если можно идеальные назвать «средними» – пропорций, – Мириам. Даже зная, что у них разброс по возрасту порядка пятнадцати лет, было невозможно угадать, кто тут старшая, а кто младшая. У них, разумеется, были и фамилии, но в доме Харшоу о таких мелочах не задумывались. Ходили слухи, что одна из секретарш – внучка Харшоу, но не существовало единого мнения, которая из них.

Харшоу был погружен в напряженную работу. Основная часть его сознания любовалась очаровательными девушками, очаровательно резвящимися в прозрачной, рассыпающей миллионы солнечных искр воде, но в некой маленькой, наглухо закрытой и звукоизолированной клетушке происходило сочинительство. Происходило оно, если дословно процитировать самого сочинителя, следующим образом: «Работая над книгой, я подключаю семенные железы в параллель с таламусом, а кору головного мозга – отключаю». Жизненные привычки Харшоу придавали невероятной этой теории некоторое вероятие.

Установленный на его столе микрофон соединялся с диктопринтером, но эта техника использовалась исключительно для заметок; при необходимости записать литературный текст Харшоу вызывал стенографистку и диктовал, внимательно следя за ее реакцией.

Вот и в данный момент он слегка потянулся и крикнул:

– К ноге!

– Сейчас «к ноге» Энн, – откликнулась Доркас. – Так что пока я за нее. Видишь круги по воде? Вот там она и есть.

– Нырни и вытащи. Я подожду.

Брюнетка исчезла под водой; через несколько секунд Энн вскарабкалась на бортик бассейна, завернулась в купальный халат, вытерла руки, подошла к столу и села, все это – без единого слова. Обладая абсолютной памятью, она не нуждалась для работы ни в бумаге, ни в карандаше.

Харшоу взял ведро льда, щедро политого бренди, и сделал глоток.

– Энн, я тут сочинил нечто душераздирающее. Про котенка, который под Рождество забрался в церковь погреться. Он потерял хозяев, умирает от голода и холода и – бог уж знает где и почему – поранил себе лапку. Так что – поехали. «Снег падал и падал...»

– А какой псевдоним?

– М-м-м... пусть снова будет Молли Вордсворт, история старомодная и чувствительная, так что – вполне в ее духе. Заголовок – «Шел по улице малютка». И – поехали.

Продолжая говорить, Харшоу пристально смотрел на Энн. Когда из-под опущенных – для сосредоточенности – век девушки выкатились две слезинки, он слегка улыбнулся и тоже закрыл глаза. К завершающим фразам и рассказчик, и его слушательница плакали чуть не навзрыд.

– Тридцать машинописных, – объявил Харшоу. – Вытри сопли. Отошли эту хрень в редакцию и, ради бога, не приноси мне ее на проверку.

– Джубал, а тебе бывает когда-нибудь стыдно?

– Нет.

– Знаешь, а ведь я однажды не выдержу и пну тебя за очередную такую вот сказочку прямо в толстое брюхо.

– Знаю. Ну не сестер же мне на панель отправлять: во-первых, стары они для этого, а во-вторых, их у меня нет. Ну, чеши домой, клади эти сладкие слюни на бумагу и отсылай поскорее, а то я и вправду застесняюсь и передумаю.

– Слушаюсь, начальник!

Проходя мимо Харшоу, Энн наклонилась и чмокнула его в лысую макушку.

– К ноге! – снова взревел плодовитый сочинитель; Мириам уже направилась к столу, но тут неожиданно ожил установленный на фасаде дома динамик:

– Начальник!

– ...! – бросил сквозь зубы Харшоу; Мириам укоризненно шикнула на него. – Да, Ларри? – добавил он, уже в полный голос.

– Тут у ворот некая дама, – сообщил динамик. – И при ней труп.

Харшоу на секунду задумался.

– А она как, хорошенькая?

– Ну-у... да, пожалуй.

– Так что ж ты там в носу ковыряешь? Веди ее сюда. – Харшоу устроился в кресле поудобнее. – И – поехали, – скомандовал он Мириам. – Городской пейзаж наплывом переходит в крупный план, снятый в интерьере. На жестком, с прямой спинкой стуле сидит полицейский, на нем нет фуражки, воротник расстегнут, лицо залито потом. В кадре есть и второй человек, он между нами и полицейским, виден только со спины. Человек поднимает руку, широко – почти за пределы кадра – размахивается и бьет полицейского. Тяжелый, смачный удар, звук записать отдельно. Дальше пойдем с этого места, – оборвал он себя.

По дорожке, ведущей к стоящему на холме дому, поднималась машина.

За рулем сидела Джилл, а рядом с ней – парень, который выскочил на асфальт, еле дождавшись, пока машина остановится. Было заметно, что ему не по себе.

– Вот она, Джубал. Получай.

– Вижу, вижу. Ну что ж, доброе утро, малышка. Ларри, а где там этот труп?

– Сзади, начальник. Под одеялом.

– Но это же совсем не труп, – возмутилась Джилл. – Это... Бен говорил, что вы... то есть я хочу сказать... – Она уронила голову на приборную доску и всхлипнула.

– Ну, ну, милая, – подбодрил ее Харшоу. – Очень редко бывает, чтобы труп стоял чьих-то слез. Доркас, Мириам, займитесь гостьей. Умойте, а потом налейте ей чего-нибудь.

Он подошел к заднему сиденью и поднял край одеяла.

– Вы должны меня выслушать, – пронзительно вскрикнула Джилл, стряхивая со своего плеча ладонь Мириам. – Он совсем не мертвый. Во всяком случае, я на это надеюсь. Он просто... ох, господи. – Из ее глаз снова брызнули слезы. – Я вся такая грязная... и я так боюсь!

– А вроде бы труп, – задумчиво констатировал Харшоу. – Температура, как я понимаю, равна температуре воздуха. Окочение только какое-то странное. Давно он умер?

– Да ничего он не умер! Нельзя его вытащить оттуда? Мне было жутко трудно в одиночку запихнуть его на сиденье.

– Сию секунду. Ларри, возьми с той стороны. Да кончай ты зеленеть, наблюдаешь – сам и подтирать будешь.

Они вынули Валентайна Майкла Смита из машины и уложили на траву, его тело так и осталось свернувшимся в клубок. Доркас, не дожидаясь распоряжений, принесла стетоскоп, поставила его на землю, включила его и вывела усиление на максимум.

Харшоу надел наушники и начал искать звуки пульса. Это продолжалось довольно долго.

– Боюсь, что вы ошибаетесь, – повернулся он наконец к Джилл. – Ему уже никто не поможет. А кто это такой?

Джилл глубоко вздохнула. Ее лицо не выражало ничего, кроме усталости, а голос звучал ровно, отрешенно:

– Это Человек с Марса. Я так старалась.

– Ну конечно же, вы сделали все... *Человек с Марса?*

– Да... Бен... Бен Какстон сказал, что, кроме вас, обратиться не к кому.

– Бен, говорите, Какстон? Я весьма польщен таким дове... *т-с-с!* – Харшоу предостерегающе махнул рукой, на его лице появилась растерянность, тут же сменившаяся радостным изумлением. – Бьется! У него бьется сердце! Это же кто бы в такое поверил? Доркас, наверх, в амбулаторию. Запертая часть холодильника, третий ящик, код «Блаженство снов». Принеси его целиком, и еще шприц на один кубик.

– Сию секунду!

– Доктор, только никаких стимуляторов.

– Что? – недоуменно повернулся Харшоу.

– Извините, сэр. Я только медсестра... но тут совсем особый случай. Я это *знаю*.

– М-м-м... вообще-то, теперь он – мой пациент. Но лет уже сорок тому назад отчетливо выяснилось, что я – не Господь всемогущий, а еще через десять лет – что даже и не Эскулап. Что вы хотите попробовать?

– Я попробую просто его разбудить. Если вы что-нибудь с ним сделаете, он только глубже уйдет в это свое состояние.

– Х-м-м... ваяйте. Только постарайтесь обойтись без топора. А потом попробуем мои методы.

– Хорошо, сэр.

Джилл опустилась на колени и начала распрямлять конечности Смита. Брови Харшоу удивленно поползли на лоб. Когда Смит принял нормальную позу, Джилл положила его голову к себе на колени.

– Проснись, – негромко сказала она. – Проснись, пожалуйста. Это я, твой *брат по воде*.

Непропорционально широкая грудь медленно приподнялась, Смит глубоко вздохнул и открыл глаза. При виде Джилл на его лице появилась детская, ликующая улыбка, тут же погасшая, как только он огляделся.

– Не бойся, – торопливо успокоила Джилл. – Это друзья.

– Друзья?

– Все они – твои друзья. Не волнуйся – и больше не уходи. Все в полном порядке.

Смит затих; спокойный и умиротворенный, словно кот, свернувшийся на коленях хозяйки, он лежал и – на этот раз без страха – рассматривал окружающих.

Двадцать пять минут спустя неожиданные гости уже лежали в постели. Прежде чем на Джилл действовало снотворное, Харшоу услышал от нее достаточно, чтобы понять: он попал в положение человека, ухватившего медведя за хвост. Бен Какстон исчез неизвестно куда; с юным Смитом ситуация, мягко говоря, щекотливая... ну, это стало понятно, как только выяс-

нилось, кто он такой. Что ж, похоже, теперь развлечений будет предостаточно – ну, ничего страшного, все лучше, чем маяться от скуки.

Он вышел во двор и осмотрел машину, на которой приехала Джилл. С каждого боку – сделанная по трафарету надпись: «РЕдингская аРЕНда – Вечнодвижущийся Наземный Транспорт – АРендуй у АРгентинца!»

– Ларри, забор под напряжением?

– Нет.

– Включи. Потом сотри с этой калоши все отпечатки пальцев. Когда стемнеет, отведи ее за Рединг – лучше подальше, к самому Ланкастеру, – и спихни в канаву. Затем отправляйся в Филадельфию, садись на скрантонский автобус, ну а из Скрантона домой как-нибудь доберешься.

– Будет сделано, Джубал. Слушай, а это что – *настоящий Человек с Марса*?

– Лучше бы нет. А если настоящий – в чем я, к сожалению, почти уверен – и тебя сцапают вместе с этой тачкой, дело может кончиться веселеньким вечером вопросов и ответов. С применением паяльной лампы.

– Усек. Слушай, не грабануть ли мне на обратном пути банк?

– Может, и стоит – для собственной безопасности.

– О'кей, начальник. – Ларри слегка задумался. – А ничего, если я переночую в Филли?

– Да бога ради. Одного не пойму – ну что, спрашивается, человеку делать ночью в Филадельфии?

– Ха, так ведь места знать надо.

– Ну, вольному воля. – Харшоу повернул голову в сторону дома и взревел: – К ноге!

Джилл проспала до ужина – который у Харшоу подавали в восемь вечера – и проснулась на удивление бодрой. Принюхавшись к воздуху, поступавшему из вентиляционной решетки, она решила, что доктор подавил действие снотворного стимулятором. Рваная, грязная одежда куда-то исчезла, на ее месте лежали белое вечернее платье и босоножки. Платье сидело вполне прилично, скорее всего, оно принадлежало рыжей секретарше, которая Мириам. Джилл приняла ванну, причесалась, подкрасилась и спустилась в гостиную, чувствуя себя совсем другой женщиной.

Уютно свернувшись в кресле, Доркас занималась вышиванием; небрежно, как одному из членов семьи, кивнув гостье, она вернулась к своей многотрудной работе. Харшоу перемешивал в запотевшем кувшине некую жидкость.

– Выпьете? – поинтересовался он.

– Да, буду очень благодарна.

Харшоу щедро, до краев наполнил два больших стакана и протянул один из них Джилл.

– А что это такое? – опасливо поинтересовалась она.

– Мой рецепт. Возьмите равные доли водки, соляной кислоты и дистиллированной воды, добавьте две щепотки соли, маринованных жуков – по вкусу.

– Выпей лучше чего попроще, – посоветовала Доркас.

– А тебя кто спрашивает? – обиделся Харшоу. – Соляная кислота способствует пищеварению, а от жуков – витамины с протеинами. – Он торжественно провозгласил: – За нас самих, любимых и драгоценных. Таких, как мы, и на свете-то почти не осталось. – Он чуть не одним глотком осушил стакан и тут же наполнил его снова.

Джилл опасливо попробовала, затем сделала глоток побольше. Жуки там или не жуки, но сейчас это зелье было, пожалуй, самым подходящим для нее напитком. Блаженная теплота, возникнув в желудке, постепенно растекалась по телу, заливала его целиком, до самых кончиков пальцев. Когда стакан оказался наполовину пуст, Харшоу долил его доверху.

– Заходили к нашему общему пациенту? – поинтересовался он.

– Нет, сэр. Я не знаю, куда его поместили.

– А я заходил, пару минут назад. Спит без задних ног; стоит, пожалуй, переименовать его в Лазаря. Как думаете, он не побрезгует поужинать в нашей компании?

Джилл задумалась.

– Даже и не знаю, доктор.

– Ладно, как только он проснется, я сразу узнаю. А тогда пусть выбирает – или с нами, или ему принесут ужин в комнату. У нас тут полная свобода, каждый делает что его левая нога пожелает. Ну, а если мне не понравится, что он делает, – я вышвырну его отсюда к чертовой бабушке. Кстати, насчет «не понравится». Я не люблю, когда меня называют «доктор».

– Сэр?

– Нет, вы только не подумайте, что это слово меня оскорбляет. Но когда пошли присуждать докторские степени за успехи в народных танцах и ловле рыбы на мормышку, я задрал свой – как видите, очень основательный – нос и прекратил пользоваться этим титулом. Я в рот не возьму разбавленного виски, и мне не нужны разбавленные ученые степени. Так что зови меня просто Джубал.

– Но степень по медицине пока еще не «разбавлена».

– Только лучше бы ее назвали как-нибудь по-другому, чтобы тебя не путали с воспитателем, который приглядывает за детишками, играющими в песочнице. Кстати, насчет игр: давно хотел спросить, откуда у тебя такой преувеличенный интерес к этому пациенту?

– А? Так я же уже все рассказывала, док... Джубал.

– Ты рассказала мне, *что* произошло, но не рассказала – *почему*. Джилл, я видел, как ты с ним говорила. У вас что, «любовь»?

Джилл, покосившись на Доркас, которая словно бы и не слышала разговора, возмущенно выдохнула:

– Господи, какая чушь!

– А чего же это так сразу и чушь? Ты – девушка, он – юноша, нормальный ход.

– Но... нет, Джубал, тут все совсем по-другому. Я... ну, его держали в заключении, и я подумала – а точнее, Бен подумал, – что ему угрожает опасность. Мы хотели, чтобы Смита не лишили его законных прав.

– М-м-м... знаешь, деточка, ты, конечно, можешь назвать меня старым циником, но вот не верю я в бескорыстный интерес, хоть тресни. Гормональный баланс у тебя вроде бы в норме, потому рискну предположить, что дело тут либо в Бене, либо в этом марсианине. И ты бы разобралась в своих мотивах, а уж потом принимала решение, как поступить дальше. В данный момент меня интересует вопрос: что, по твоему мнению, должен сделать я?

А действительно – что? С того времени, как Джилл сожгла за собой все мосты, она думала только об одном: как бы не попасться преследователям в лапы. Все ее планы ограничивались тем, что нужно найти Джубала Харшоу.

– Я... я не знаю.

– Как я и думал. Из твоего рассказа я понял, что ты без уважительной причины отсутствуешь на работе, взял на себя смелость предположить, что ты не хочешь терять свою лицензию, и организовал телеграмму в больницу – причем не отсюда, а из Монреаля – с просьбой двухнедельного отпуска за свой счет для ухода за внезапно заболевшей родственницей. Ну как, нет возражений?

У Джилл камень с сердца свалился. Настрого запретив себе даже вспоминать о загубленной профессиональной карьере, она не избавилась от этих мыслей совсем, а только загнала их далеко в подсознание.

– Ой, Джубал, огромное спасибо! – радостно вскрикнула девушка и тут же добавила: – Тогда получается, что даже прогула нет – сегодня у меня выходной.

– Прекрасно. Но что же ты намерена делать дальше?

– Я как-то не успела еще подумать. Ну, сперва нужно связаться с банком и взять оттуда деньги... – Джилл смолкла, пытаюсь вспомнить, сколько же там на счете. Совсем, наверное, немного, а если еще учесть, что она часто забывала...

– Вот-вот, – прервал ее размышления Джубал, – и как только ты свяжешься с банком, то через полчаса здесь будет больше полицейских, чем блох у бродячей собаки. Может, тебе лучше посидеть тихо и не высовываться, пока дела не придут в какой-то порядок?

– Спасибо, Джубал, но мне не хотелось бы злоупотреблять твоим...

– Поздно вспомнила. Да ты, девочка, не волнуйся, в этом доме всегда полным-полно нахлебников. Одна семья семнадцать месяцев здесь прожила, в полном составе. Никто не злоупотребляет моим гостеприимством, если я сам того не пожелаю, так что и на свой счет можешь быть спокойна. Теперь насчет нашего пациента; вы с Беном вроде бы хотели позаботиться о неких «его законных правах». Вы ожидали от меня помощи?

– Н-ну... Бен говорил... Бен думал, что ты поможешь.

– Бен может думать все, что ему угодно. Так называемые «права» этого парня не интересуют меня ни на вот столько. Право собственности на Марс родилось в воспаленном воображении так называемых юристов; я и сам – юрист, а посему совсем не обязан относиться к подобной чуши с уважением. Что же касается огромного состояния, которое считается принадлежащим твоему марсианину, так эта ситуация возникла благодаря трудам и страстям совсем других людей, а также – благодаря нашим странным племенным обычаям. Сам он и гроша ломаного не заработал. Надуют его – ну и слава богу, лично я настолько мало этим интересуюсь, что не стану даже читать в газете подробности. Так что если Бен рассчитывал найти здесь борца за «права» Смита – вы ошиблись адресом.

– Понимаю, – убито кивнула Джилл. – Нужно будет подумать, куда бы его перевезти.

– Нет, ни в коем случае! То есть – только если ты сама этого захочешь.

– Но ты же сказал...

– Я сказал, что не интересуюсь юридическими фикциями. Но человек, пользующийся моим гостеприимством, – совсем иное дело. Он может жить здесь сколько сам того пожелает. Я только хотел, чтобы ты отчетливо осознала: вы с Беном можете и не надеяться, чтобы из-за ваших романтических бредней я полез в политику. Милая моя, когда-то я и сам думал, что служу человечеству, и от мыслей таковых мне становилось теплее. А потом я обнаружил, что человечество совсем даже не желает, чтобы ему служили, более того, царапается и кусается при малейшей такой попытке. И теперь Джубал Харшоу делает исключительно то, что доставляет удовольствие Джубалу Харшоу. – Он повернулся к Доркас. – Пора бы вроде и ужинать. Как там, кто-нибудь пошевеливается?

– Мириам. – Доркас отложила свое вышивание и встала.

– Никогда не понимал, каким образом эти девицы разбираются, кто что когда будет делать.

– Да откуда же тебе, начальник, это понимать? Сам-то ты никогда ничего не делаешь. А вот чтобы обед пропустить, – Доркас похлопала Джубала по брюху, – такого за тобой еще не замечалось.

Прозвучал гонг, и они отправились в столовую. Надо думать, готовили в этом доме с помощью всевозможных современных изхищрений, во всяком случае Мириам ничуть не напоминала только что вырвавшуюся из кухни повариху; царственная и прекрасная, она восседала во главе стола. Откуда-то появился еще один парень, чуть постарше Ларри и откликавшийся на имя Дюк; он обращался с Джилл так, словно она всю жизнь жила в этом доме. Еще двоих, пожилую супружескую пару, ей и вовсе представлять не стали – они сели за стол, как в ресторане, поели и ушли, ни с кем не обменявшись ни словом.

Все остальные непринужденно болтали. Подавали еду механизмы (не андроидные, без всяких фокусов), которыми управляла все та же Мириам. Пища оказалась великолепной и – насколько могла судить Джилл – без малейшей примеси синтетики.

Харшоу капризничал, жаловался, что нож тупой, мясо жесткое и что Мириам кормит народ вчерашними обедками. Джилл чувствовала себя неловко и очень жалела Мириам, но остальные присутствующие не обращали на гневные вопли хозяина дома никакого внимания. После очередной его филиппики Энн отложила вилку.

– Он опять вспомнил, как готовила его мама, – констатировала она.

– Он, похоже, считает, что снова стал начальником, – поддержала ее Доркас.

– Сколько там дней прошло?

– Да вроде бы десять.

– Слишком много. – Энн посмотрела на Доркас, на Мириам, и они дружно встали. Дюк продолжал невозмутимо жевать.

– Девочки, – всполошился Харшоу, – ну нельзя же во время еды! Вы подождите, пока...

Девушки неумолимо надвигались на него с трех сторон; механический официант услужливо откатился, давая им дорогу. За руки и за ноги они вытащили негодующе визжащего Харшоу из комнаты.

Визги становились все громче и громче, затем последовал тяжелый всплеск, и все затихло.

Девушки вернулись ничуть не встрепанные и не усталые.

– Еще салату, Джилл? – спросила Мириам, вновь занимая свое место.

Через некоторое время вернулся Харшоу, но не в смокинге, как прежде, а в пижаме и халате.

– Как я уже говорил, – заметил он, начиная есть (на время вынужденного перерыва официант предусмотрительно прикрыл его тарелку крышкой), – женщина, не умеющая готовить, не стоит даже того, чтобы ее выпороли. Если я не смогу получить хоть мал-мала сносного обслуживания, то променяю всех вас троих на собаку, а собаку пристрелю. Мириам, что у нас сегодня на десерт?

– Клубничный торт.

– Ну вот, это уже на что-то похоже. Расстрел отложим до среды, а там по обстоятельствам.

Джиллиан сообразила, что разбираться в хозяйских порядках вовсе не обязательно. После ужина она пошла в гостиную с намерением посмотреть новости, а точнее – узнать, упоминается ли в этих новостях ее собственное имя. Но телевизора там не было – ни обычного, ни как у Бена, замаскированного. А ведь если вспомнить, то и нигде в доме нет телевизора. И газет тоже, хотя везде уйма книг и журналов.

Кроме нее самой, в гостиной не было ни души. Это сколько же сейчас времени? Свои часы Джилл оставила наверху, в спальне, а в гостиной таковых не наблюдалось. Снова покопавшись в памяти, она сообразила, что не видела в этом доме ни часов, ни календаря.

Ну ладно, чем сидеть тут без дела и в одиночестве, лучше уж пойти спать. Одна из стен была полностью уставлена книгами и кассетами; Джилл выбрала «Просто сказки» Киплинга в записи на пленку и пошла к себе.

В спальне ее ждал сюрприз. Кровать была оборудована по последнему писку – массажер, кофеварка, кондиционер и что там еще, но будильник странным образом отсутствовал – на его месте виднелась пустая панель. Ничего, подумала Джилл, залезая под одеяло, вряд ли я так уж сильно засплюсь. Она вставила кассету в проектор, легла на спину, стала следить глазами за бегущими по потолку строчками, но уже через несколько минут дистанционный пульт выскользнул из ее пальцев, и свет потух. Медсестра Джиллиан Бордман уснула.

А вот доктор Джубал Харшоу ругал себя последними словами и не мог уснуть. Первоначальное любопытство отчасти было удовлетворено, отчасти притупилось, и наступила неиз-

бежная реакция. Еще полвека тому назад он дал себе страшную клятву никогда больше не подбирать бродячих кошек – и вот, нате вам, пожалуйста, волею Венеры Прародительницы он подобрал, двух за раз... да нет, даже трех, если считать Какстона.

Что с того, что за упомянутые пятьдесят лет уважаемый доктор нарушил свою клятву уж никак не меньше пятидесяти раз, – он был не из тех ограниченных людишек, которые настаивают на последовательности в поведении. Джубала Харшоу ничуть не волновало появление в доме двух новых нахлебников – кем-кем, а уж крохобором-то он не был никогда. За чуть не сотню лет бурной своей жизни он много раз оказывался полным банкротом – и столько же, наверное, раз был богаче, чем в данный момент, а потому привык относиться к подобным вывертам судьбы спокойно, как к переменам погоды. И ни при каких условиях не считал копейки.

Другое дело, что вскоре сюда заявятся весьма малоприятные посетители, и тогда начнутся такие песни и пляски – не приведи господь. Ведь эта наивная девочка наверняка наследовала по пути, что твоя хромая королева.

Стало быть, в это блаженное убежище придут чужие, незнакомые люди, они будут задавать дурацкие вопросы, выдвигать дурацкие требования... и тогда придется что-то решать, как-то действовать. И это раздражало больше всего, поскольку Джубал Харшоу философически полагал любые действия тщетными.

Он совсем не ожидал от представителей рода человеческого разумного поведения; по большей части их стоило бы запереть под замок или даже увязать в смиренные рубашки, чтобы не вредили ни окружающим, ни самим себе. Но неужели они его-то не могут оставить в покое – все, кроме тех немногих, кого он сам выбрал себе в сотоварищи. Джубал Харшоу был искренне убежден, что, предоставленный собственным своим промыслам, он давно уже ушел бы в нирвану... нырнул бы в свой пуп и исчез с глаз потрясенных зрителей, вроде как эти индусские хохмачи. Непонятно, правда, откуда бы тогда взялись потрясенные зрители? Как бы там ни было, неужели нельзя оставить человека в покое?

Немного за полночь Харшоу раздавил в пепельнице двадцать седьмой окурков и сел; в спальне вспыхнул свет.

– К ноге! – крикнул он в прикроватный микрофон.

Через минуту на пороге появилась Доркас, в халате и шлепанцах. Она широко зевала.

– Да, начальник?

– Доркас, все последние двадцать, а то и тридцать лет я был мерзким, никчемным паразитом.

– Тоже мне новость, – еще раз зевнула Доркас.

– Обойдусь без твоих комплиментов. В жизни каждого человека наступает момент, когда он должен забыть о пресловутом «здоровом смысле» и грудью встать на защиту какого-то дела – бороться за свободу, сокрушать зло.

– М-м-м...

– Кончай зевать – этот момент настал!

Доркас посмотрела на свои шлепанцы:

– Может, мне сперва одеться?

– Одевайся. И разбуди остальных девиц – дела хватит всем. Облей Дюка холодной водой, пусть он затащит эту идиотскуюговорилку в кабинет и подключит.

Вот тут-то Доркас удивилась по-настоящему.

– Это что – телевизор?

– Не заставляй меня повторять. И скажи Дюку, если эта механизма не в порядке и он с ней не справится – может убираться отсюда на все двадцать четыре стороны. Ну, давай – на полусогнутых, ночь предстоит долгая и суматошная.

– Ладно, – неуверенно сказала Доркас. – Только я тебе сначала температуру померяю.

– Утихомирься, женщина!

Дюк установил стереовизор достаточно быстро, чтобы Харшоу успел посмотреть повтор еще одного интервью с липовым Смитом. В комментариях проскользнуло упоминание, что, по всей вероятности, «Человек с Марса» отбудет в Анды, где все совсем как на Марсе. Джубал мгновенно понял, что это означает, и до самого утра висел на телефоне, обзванивая каких-то людей. На рассвете Доркас принесла завтрак – шесть яиц, взбитых вместе с бренди. Новоявленный борец за правое дело с хлюпаньем выпил жутковатую эту смесь, попутно рассуждая, что старость – она, конечно, не радость, однако за долгую жизнь человек обрывает постепенно уймой знакомых, среди которых неизбежно оказываются и очень влиятельные люди. И он может позвонить им в любое время дня и ночи – весьма полезная, кстати сказать, возможность.

Джубал отвел подготовленной им бомбе роль чисто оборонительного оружия – никто не будет поджигать ее запал без крайней необходимости, то есть – пока власть предрешающие будут вести себя тихо и пристойно. Безусловно, правительство с легкостью может вторично изолировать Смита на основании его недееспособности – Харшоу в ней тоже не сомневался. Если подходить к несчастному парню с общепринятыми мерками, юристы без малейших колебаний объявят его невменяемым, а медики – психопатом, жертвой тяжелого и единственного в своем роде двойного ситуационного психоза: сперва его, человека, воспитали инопланетяне, а затем его, воспитанного инопланетянами, швырнули в чуждое и незнакомое человеческое общество.

Однако сам Харшоу считал, что в случае Смита как юридическое понятие «вменяемость», так и медицинское «психоз» не имеют никакого смысла. Данное существо человеческой природы, по всей видимости, сумело великолепно адаптироваться к не-человеческому обществу – попав в это общество податливым, с мягкой как воск психикой, младенцем. Сумеет ли то же самое существо адаптироваться к человеческому обществу, попав в него в достаточно зрелом возрасте, когда формирование привычек и образа мыслей, по существу, уже закончено? Именно это доктор Харшоу и намеревался выяснить. Впервые за несколько десятков лет у него снова появился живой интерес к медицине.

К тому же идея прищемить начальникам хвост приводила почтенного престарелого доктора в полный восторг. Расточительная природа двойной, а то и тройной мерой отпустила ему важное, имеющееся у каждого американца качество: склонность к анархии. Схватиться с планетарным правительством – заманчивая эта перспектива преисполнила Джубала Харшоу такой бодрости и энергии, каких он не ощущал многие уже годы.

11

На задворках заурадной галактики, вокруг более (менее?) чем заурадной звезды класса G, повинувшись гравитационному искривлению пространства, который уже миллиард лет вращались планеты. Четыре из них имели вполне пристойные – по планетарным масштабам – размеры, вполне возможно, что посторонний наблюдатель, случись таковой поблизости, сумел бы их даже различить. Все остальные – сор, мелкие камешки, одни из которых терялись в огненном сиянии центрального светила, а другие – в черных, холодных глубинах космоса. Как и обычно, все они были заражены так называемой жизнью – странной, болезненной формой энтропического нарушения. На третьей и четвертой планетах поверхностная температура колебалась где-то в районе точки затвердения окиси водорода, в результате там развились жизненные формы, способные – до определенной, во всяком случае, степени – к общению.

Древняя раса, обитавшая на Марсе, относилась к общению с землянами абсолютно равнодушно. Нимфы весело резвились на поверхности планеты, учились жить и – в восьми случаях из девяти – погибали в процессе обучения. Взрослые марсиане, бесконечно не похожие на нимф как телом, так и складом ума, обитали в поразительно гармоничных сказочных городах.

При всем своем внешнем спокойствии, они вели даже более активную и напряженную жизнь, чем непоседливые нимфы, – жизнь разума.

Под присмотром взрослых находилась целая планета, так что дела им хватало: наставлять растения, где и когда те должны расти, собирать в город прошедших испытание (а попросту – выживших) нимф, а затем взлелеивать их и оплодотворять. Чтобы появляющиеся в результате яйца зрели и развивались, их нужно взлелеивать и обдумывать, выполнившие свое назначение нимфы должны перейти во взрослую стадию, для этого нужно убедить их расстаться с детскими глупостями. Все перечисленные выше дела – человек мог бы назвать их «работой» – были необходимы, однако для марсиан они являлись элементом жизни ничуть не более значительным, чем ежеутренняя и ежевечерняя прогулка с собакой для человека, руководящего в промежутке между этими прогулками огромной промышленной корпорацией. Кстати сказать, обитатель Арктура-третьего вполне мог бы посчитать этого гипотетического магната рабом собаки, а упомянутые прогулки – основной его деятельностью.

И марсиане, и земляне – самоосознающие жизненные формы, однако развитие этих двух рас шло абсолютно разными путями. Все поведение человека, все его жизненные мотивации, все его страхи и надежды несут на себе отпечаток присущей ему схемы воспроизведения потомства, более того – находятся от этой трагичной и, странным образом, прекрасной схемы в полной зависимости. То же самое верно и в отношении марсиан, но, так сказать, с точностью до наоборот. Весьма эффективная – а потому широко распространенная в галактике – биполярная модель приняла у них форму настолько отличную от земной, что назвать ее двуполой решился бы разве что биолог, а уж человеческий психиатр ни в коем случае не обнаружил бы в ней ничего «сексуального». Все марсианские нимфы – существа женского пола, а взрослые особи – мужского.

Причем это касается только биологии, но никак не психологии. На Марсе полностью отсутствует бинарная оппозиция мужское – женское, структурирующая жизнь и поведение землян. Брак – бессмысленное, отсутствующее понятие. Взрослые огромны и чем-то напоминают – на человеческий, во всяком случае, взгляд – парусные яхты; при всей яркости и активности своей умственной жизни, физически они крайне пассивны, в то время как круглые, пушистые нимфы полны веселья и неистощимой, бездумной энергии. Между базисами человеческой и марсианской психологии просто невозможно проводить параллели. Сексуальная биполярность – это и главная – пожалуй, даже единственная – связующая сила человеческого общества, и одновременно основной движущий импульс всей человеческой деятельности, от сонетов до уравнений теоретической физики. И если кому-либо покажется, что это преувеличение, – пусть он пороется в патентных бюро, библиотеках и музеях, много ли там созданного евнухами.

Марс, чья жизнь совершенно отлична от земной, не обратил особого внимания ни на «Посланника», ни на «Чемпиона». Столь свежие события представляли собой очень малый интерес – выпускай марсиане газеты, им бы за глаза и за уши хватило одного номера в земное столетие. Контакт с инопланетной расой не представлял для них ничего необычного – такое случалось уже в прошлом и, без всякого сомнения, не раз случится в будущем. Когда новая раса будет подробно и всесторонне грокнута (на что потребуются земное тысячелетие или около этого), наступит время предпринимать какие-то действия – или не предпринимать.

А пока что все внимание марсиан занимало происшествие совершенно иного рода; бес- телесные Старик рассейно, между делом дали человеческому детенышу поручение грокнуть все, что уж он там сумеет на третьей планете, и сразу же вернулись к рассмотрению серьезной проблемы. Совсем незадолго до описываемых событий, приблизительно во времена земного цезаря Августа, некий марсианский художник работал над произведением искусства. Если хотите, можете назвать это произведение поэмой, или симфонией, или философским трактатом; оно представляло собой совокупность эмоций, организованных в трагической, логически

неизбежной последовательности. Человек способен наслаждаться подобным опусом ничуть не более, чем слепорожденный – великолепием заката солнца, а потому не стоит и пытаться подобрать точное жанровое определение. Главное тут в том, что упомянутый творец случайно развоплотился – не успев завершить своего творения.

Случайное развоплощение – вещь на Марсе почти невиданная; марсианам нравится, чтобы жизнь представляла собой завершенное, гармоничное целое, и биологическая смерть наступает у них в подобающий, заранее избранный момент. Художник, о котором мы повествуем, пал жертвой убийственного холода марсианской ночи, – погруженный в раздумья, он забыл вовремя вернуться в город; к тому времени, как его хватились, оставленная духом плоть не годилась даже в пищу. Сам же рассеянный творец так и продолжал увлеченно работать, не обратив ни малейшего внимания на собственную смерть.

Марсианское искусство имеет две разновидности: произведения живых авторов – темпераментные, новаторские и несколько примитивные, и работы Стариков – консервативные, крайне сложные и отличающиеся высочайшим техническим мастерством; эти разновидности никогда не смешиваются и оцениваются каждая по своим отдельным меркам.

Но по каким меркам следовало оценивать творение нашего художника, перекинувшее мост от телесного типа к бестелесному? Конечно же, окончательный вариант создан Стариком, однако, с другой стороны, Старик этот даже не знал, что он уже Старик, – с общей для всех творцов рассеянностью он не заметил изменения своего статуса и продолжал работать как телесный художник. А не следует ли считать, что перед нами – особый, отличный от прежних вид искусства? Нельзя ли создать новые его образцы – неожиданным образом развоплощая погруженных в работу художников? Текли столетия; Старики, находившиеся в непрерывном ментальном контакте, одну за другой обсуждали бесчисленные увлекательнейшие возможности, а телесные марсиане терпеливо ждали их вердикта.

Вопрос представлял тем больший интерес, что рассматриваемое произведение искусства имело религиозный (пользуясь земной терминологией) характер и было весьма эмоциональным: оно описывало контакт с народом пятой планеты; несмотря на всю свою незапамятную древность, событие это оставалось для марсиан живым и значительным – в том же примерно смысле, как распятие Христа, не теряющее своей значимости для людей и по прошествии двух тысяч лет. Марсианская раса познакомилась с существами, населявшими пятую планету, грокнула их во всей полноте и предприняла необходимые действия. Из осколков разрушенной планеты образовался астероидный пояс, а марсиане тысячелетие за тысячелетием продолжали любовно восхвалять ими же уничтоженный народ. Обсуждаемый нами художник предпринял одну из бесчисленных попыток глубоко и всесторонне грокнуть это прекрасное и замечательное событие в рамках одного опуса. Однако, прежде чем судить об удаче или неудаче его попытки, следовало грокнуть, как именно нужно о ней судить.

Удивительно красивая задача.

Недавний житель четвертой планеты Валентайн Майкл Смит абсолютно не интересовался животрепещущей этой проблемой и даже никогда о ней не слышал. И его марсианский опекун, и братья этого опекуна никогда не смущали своего воспитанника вещами, явно непосильными для его понимания. Он, конечно же, знал о разрушении пятой планеты, но только так, как земной школьник знает о Трое и Плимутском Камне, и ни разу не подвергался воздействию таких произведений искусства, которые не смог бы грокнуть. Он получил образование, единственное в своем роде, – несравненно более обширное, чем его согнезники, однако несравненно меньшее, чем любой из взрослых; дело в том, что опекун и Старики, к которым опекун этот обращался за советами, мимолетно заинтересовались вопросом, какой объем знаний сумеет воспринять чужой детеныш. Результаты эксперимента позволили им понять людей

лучше, чем те сами себя понимают, так как Смит с легкостью грокал вещи, неизвестные прежде ни одному человеку.

А в настоящий момент Смит радовался жизни. У него появился новый брат по воде – Джубал, появилась уйма новых друзей, а новые, восхитительные впечатления сменялись с такой калейдоскопической быстротой, что оставалось только запоминать эти впечатления, чтобы пережить их заново когда-нибудь потом, в свободное время.

Однажды брат Джубал заметил, что умение читать сильно ускорит гроканье странного и прекрасного мира Земли; пришлось посвятить обучению целый день, Джилл показывала в книге слова и говорила, как они произносятся. Никаких трудностей не возникало, если не считать необходимости отказаться на этот день от плавательного бассейна, что представлялось Смицу огромной жертвой – купание (когда ему сумели наконец вдолбить, что оно *позвоительно*) было для него не просто удовольствием, но источником почти невыносимого религиозного экстаза; только приказания Джилл и Джубала мешали ему пребывать в бассейне по двадцать четыре часа в сутки.

Купаться после наступления темноты не разрешалось, поэтому ночью Смит читал. Он глотал том за томом «Британской энциклопедии», закусывал литературой по медицине и юриспруденции. Однажды брат Джубал застал его за перелистыванием какой-то из этих книг, остановился и начал спрашивать о прочитанном. Смит отвечал очень осторожно – ему сразу вспомнились испытания, проводившиеся Стариками. Брат Джубал был явно расстроен ответами, Смит не понял причины этого, а потому тоже расстроился и впал в медитацию – он был абсолютно уверен, что отвечал точно по книге, хотя кое-что в ней и не грокалось.

Книги книгами, но бассейн нравился ему гораздо больше, особенно когда там плавали Джилл, и Мириам, и Ларри, и Энн, и все остальные, и все весело брызгали друг на друга водой. Плавать Смит научился не сразу, зато сразу выяснил, что умеет делать нечто недоступное остальным; первая же его попытка полежать на дне бассейна привела к насильственному вытаскиванию его из воды. Он чуть не впал в транс, но вовремя сообразил, что шум и суматоха вызваны исключительно беспокойством о его благополучии.

Позднее, по просьбе Джубала, он устроил демонстрацию и блаженствовал под водой долго-долго, а еще позднее начал обучать этому своего брата Джилл, однако ей не понравилось и попытку пришлось оставить. Смит впервые осознал, что новые его друзья не умеют делать некоторых элементарных вещей. Он долго размышлял, пытаясь грокнуть этот факт во всей полноте.

В отличие от Смита, Харшоу не испытывал особой радости. Он жил практически так же, как и прежде, разве что иногда приглядывал за своим подопытным кроликом. Смит не подвергался регулярным медицинским обследованиям, не имел ни строгого распорядка дня, ни программы обучения, а просто жил себе на свободе, как деревенский щенок. Занималась им одна Джилл – этого более чем достаточно, как ворчал Джубал, весьма скептически относившийся к женскому воспитанию.

В действительности же все ее воспитание ограничивалось элементарными правилами поведения в обществе. Теперь Смит ел за столом, научился самостоятельно одеваться (вроде бы; Джубалу все время хотелось спросить у Джилл, так это или нет). Он соблюдал все принятые в этом доме обычаи и быстро обучался всему для себя новому по принципу «делай как я». В начале первого своего обеда за столом Смит пользовался исключительно ложкой (мясо ему резала Джилл), но уже к концу делал небезуспешные попытки есть так же, как и остальные. На следующий раз он продемонстрировал безукоризненные застольные манеры – в точности такие же, как у Джилл, вплоть до мелких характерных жестов.

Даже выяснив, что Смит читает со скоростью электронного сканера и, похоже, запоминает абсолютно все прочитанное, Харшоу не стал организовывать «исследование» с провер-

ками, измерениями и диаграммами развития – чем больше человек знает, тем острее он чувствует собственное невежество, какой смысл «измерять», если даже непонятно, что именно ты измеряешь? Все его исследования ограничивались краткими заметками, которые он не собирался публиковать.

Наблюдать за тем, как уникальный подопытный экземпляр буквально на глазах обретает внешний облик человеческого существа, было очень интересно, однако настоящей радости Харшоу не испытывал.

Подобно генеральному секретарю Дугласу, он жил в напряженном ожидании, когда же громыхнет второй ботинок.

Харшоу начал действовать против своей воли, с единственной целью предупредить действия противника, и теперь его бесило, что ничего, ровно ничего не происходит. Кой черт, да неужели же вся федеральная полиция состоит из придурков, неспособных выйти на след бесхитростной девицы, протаскившей трупобразного парня чуть не через полстраны? А может, они шли за ней по пятам и теперь обложили дом со всех сторон? Мысль, что какие-то там правительственные шпионы подглядывают за его домом, его крепостью, казалась Харшоу невыносимой – это почти столь же отвратительно, как если бы они вскрывали его письма.

А может, и вскрывают, от этих ублюдков всего можно ожидать! Правительство! Три четверти жадных паразитов, а остальные – дебилы. Никуда, конечно, не денешься, человек – животное общественное и без правительства обойтись не может – примерно так же, как без прямой кишки. Только зачем притворяться, будто неизбежность зла превращает его в добро? Ну что стоит этому драгоценному правительству сходить в лес погулять и заблудиться, на манер Мальчика-с-пальчика и его братцев?

Совершенно не исключено, даже весьма вероятно, что начальнички знают, где спрятан Человек с Марса, но предпочитают ничего не предпринимать. Пока.

И сколько же может продолжаться такое «пока»? Сколько можно держать «бомбу» на боевом взводе?

И еще: где черти носят этого малолетнего придурка Какстона?

– Джубал? – Оклик Джилл Бордман вывел Харшоу из глубин раздумья, ничем, собственно, не более эффективного, чем чесание в затылке.

– А? А, это ты, красавица. Прости, немного задумался. Садись. Выпить хочешь?

– Да нет, спасибо. Джубал, мне это не нравится.

– А что, нормально. Вошла в воду почти без брызг. Посмотрим, получится ли у тебя еще раз.

Джилл закусила губу и стала похожей на обиженную двенадцатилетнюю девочку.

– Я с тобой серьезно, а ты все шуточки. Я очень беспокоюсь.

– А в таком случае, – обреченно вздохнул Харшоу, – вытрись сперва. Ветер холодный.

– Мне совсем не холодно. Послушай, Джубал, ничего, если я оставлю Майка здесь?

Харшоу недоуменно моргнул:

– Конечно. Все будет в порядке, девочки за ним присмотрят. А ты что, куда-нибудь собралась?

Джилл не решалась смотреть ему в глаза.

– Да.

– М-м-м... ты можешь жить здесь сколько угодно. Но если хочешь уехать – кто же вправе тебя задерживать?

– Ты не так понял, я совсем не хочу уезжать!

– Так и не уезжай.

– Я не хочу, а *должна*.

– Ну-ка, ну-ка, повтори, что-то я плохо расслышал.

– Да неужели же ты не понимаешь? Мне у тебя очень нравится, и ты нам очень помог. Но я не имею права так вот здесь сидеть и ничего не делать. Нужно искать Бена.

– ....!! – выразительно сказал Харшоу, а затем добавил: – Ну и как же ты намерена его искать?

– Не знаю, – еще больше помрачнела Джилл. – Но только не могу же я лежать тут на боку и плескаться в водичке, когда Бен исчез.

– Бен давно уже вышел из младенческого возраста и вполне способен сам о себе позаботиться. Ты ему не мамочка и даже не жена. А я ему не опекун. Ни ты, ни я совсем не обязаны его искать – уж с этим-то ты можешь согласиться?

Джилл задумчиво ковыряла ногой в песке.

– Да, – кивнула она, – у меня нет перед ним никаких обязательств. Я только знаю... я знаю, что если бы пропала я, Бен бросился бы искать – и искал бы, пока не нашел. Поэтому и я обязана искать *его*.

На этот раз Джубал выругался не коротко, а длинно и цветисто.

– Ну ладно, – добавил он, – попробуем по порядку. Ты собираешься нанять частных сыщиков?

– Вероятно, да. – Вид у Джилл был совсем несчастный. – Только я никогда раньше этого не делала. Они много берут?

– Очень.

Джилл судорожно сглотнула.

– А может, они согласятся в рассрочку, с ежемесячными взносами.

– Вот уж фиг, у этих ребят принцип один – деньги на кон, отец дьякон. Да ты не плачь, не плачь, я поднял эту тему только для того, чтобы сразу же с ней и покончить. Я уже поручил поиски Бена лучшим из имеющихся профессионалов – так что тебе нет никакой необходимости нанимать второсортных и влезать для этого на всю жизнь в долги.

– Ты же ничего не говорил!

– Не видел необходимости.

– Но... А что им удалось выяснить?

– Ничего, – признал Джубал. – Именно потому я ничего не говорил, не хотел расстраивать тебя попусту. Мне казалось, – помрачнел он, – что ты слишком уж дергаешься. Сперва я согласился с помощником Бена, этим самым Килгалленом, что твой лихой журналист бросился по какому-нибудь горячему следу, соберет материал и сразу появится. А теперь, – эти слова сопровождались печальным вздохом, – я так больше не думаю. Этот дуболом Килгаллен – у него, видите ли, есть записка от шефа, извещающая, что тот будет в отлучке. Мой агент сумел сфотографировать эту записку; так вот, Бен не оставил ее, а прислал.

На лице Джилл появилось недоумение.

– А почему же он мне ничего не послал? Это очень на Бена не похоже, он никогда таких вещей не забывает.

Джубал подавил стон.

– Джиллиан, покрути мозгами. Ты что, считаешь, если на клетке написано «крокодил», так там обязательно сидит крокодил? Ты добралась сюда в пятницу, а этот факс был получен из Филадельфии, со станции Паоли, предыдущим утром в половине одиннадцатого, если быть точным – в четверг, в десять тридцать четыре утра. Получен прямо в момент передачи – у Бена в кабинете стоит собственный факс. И вот скажи мне теперь, чего бы это ради Бен отправлял факс в свою редакцию – в рабочее, заметь, время – вместо того чтобы позвонить?

– Странно, он бы вроде не должен, во всяком случае я бы так не сделала. Все всегда пользуются телефоном, и...

– Ты не Бен. У него мог найтись десяток самых разнообразных причин. Чтобы никто ничего не перепутал. Чтобы в архивах «Ай-Ти-Ти» сохранилась копия, которую можно будет

предъявить в случае какой-нибудь юридической заморочки. Чтобы послать сообщение с задержкой. Да все что угодно. Килгаллен не усмотрел в таком способе ничего странного, да и вообще, раз Бен держит у себя в кабинете факс – значит он им пользуется. Однако, – продолжил Джубал, – факсограмма создает впечатление, что в четверг в десять тридцать четыре утра Бен находился на станции Паоли. Джилл, оттуда сообщение не отправляли.

– Но...

– Помолчи немного. Сообщение зарегистрировали там, но отправили из другого места. Текст либо пишут на бланке, либо передают по телефону. Если текст написан на бланке, его передают адресату в виде факсимиле, с сохранением почерка и с подписью, в то время как текст, надиктованный по телефону, нужно сперва напечатать.

– Ну конечно.

– Так что же, Джилл, у тебя так и не появляется никаких мыслей?

– Н-ну... знаешь, Джубал, у меня сейчас голова совсем не работает.

– Не терзайся, я сперва тоже ни о чем не догадался. Но сыщик, работающий на меня, парень очень ушлый, он состряпал себе липовые документы на имя Килгаллена, адресата, а по фотографии, снятой под самым носом одного Килгаллена, изготовил поддельный факс. Ну, а потом отеческие его манеры и честнейшее лицо убедили юную особу из почтовой конторы растрепать такие вещи, о которых она обязана молчать – пока не получит судебного постановления. Что весьма и весьма прискорбно. Вообще-то говоря, она не должна была запомнить какую-то там факсограмму – в уши вошло, напечатано и напрочь забыто, только где-то там в архиве осталась копия. Но юная наша связистка оказалась поклонницей Бена, она читает каждую его колонку, да еще на ночь, – ты представляешь себе, какой это ужас? – Джубал поморгал, повернул голову в сторону и взревел: – *К ноге!*

Словно по волшебству, рядом с ним появилась голая и мокрая Энн.

– Ты напхни, – сказал Джубал, – чтобы я написал статью о болезненном пристрастии к чтению новостей. Тема: по большей своей части невроты происходят от нездоровой привычки бултыхаться в горестях и бедах пяти миллиардов незнакомых тебе людей. Заголовок будет «Трепотня без конца и без края»... нет, лучше «Оплетенные сплетней».

– Куда-то тебя, шеф, не туда заносит, патология какая-то.

– Ничего подобного, я шагаю в ногу, это все остальные – не в ногу. Проследи, чтобы я написал ее на той неделе. А сейчас – испарись, я занят. Так вот, – он снова повернулся к Джилл, – она заметила фамилию Бена и чуть не описалась от восторга – как же, такое редкое счастье поговорить со своим кумиром, – и тут же расстроилась, что Бен пожмотничал и оплатил только голос, но не изображение. Да, она все это прекрасно запомнила... и запомнила, в частности, что звонил Бен из телефона-автомата, и не откуда-нибудь, а из славной нашей столыцы города Вашингтона.

– Из Вашингтона? – тупо повторила Джилл. – Но почему же он тогда...

– Вот именно! – раздраженно воскликнул Джубал. – Из той вашингтонской будки он мог связаться со своим помощником напрямую, это в сто раз проще, быстрее и дешевле, чем звонить в Филадельфию и чтобы потом его сообщение передавали обратно в Вашингтон. Бред, чушь собачья. А с другой стороны – может, и не чушь, а просто Бен тут что-то жульничает. Можешь уж не сомневаться, из него подобные штучки льются так же легко и непринужденно, как из птички – песня. Играя все время по-честному и в открытую, не станешь уинчеллом.

– Бен совсем не уинчелл! Он – липпман.

– Прости, милая, мне все эти дела, как выражается ваше поколение, до лампочки, так что я в них немного путаюсь. Возможно, он считал, что телефон в конторе прослушивается, а с факсом все чисто. Или, наоборот, считал, что шпики подключились и туда, и туда – и хотел при помощи факсограммы из Филадельфии убедить *их*, что уехал из Вашингтона, и надолго.

В каком случае, – нахмурился Джубал, – найдя Бена, мы окажем ему медвежью услугу. Возможно, даже подвергнем его жизнь опасности.

– Нет, Джубал!

– «Нет, Джубал», – устало передразнил ее Харшоу. – Не нет, а да. Бен все время ходит по самому краешку, на этом он и сделал себе репутацию. А тут, похоже, добегался наш зайчишка. Пойми, Джилл, твой дружок ни разу еще не связывался с таким опасным делом. И если он исчез по своей воле – что вполне возможно, – неужели ты захочешь привлекать к этому факту внимание? Килгаллен великолепно его прикрывает; колонка появляется каждый день, как часы. Я обычно ее не читаю, но на всякий случай проверил.

– Статьи, записанные заранее. Мне мистер Килгаллен объяснил.

– Конечно. Обличение гнусных методов ведения избирательных кампаний и финансовых махинаций – беспроигрышный вариант, как призывы к празднованию Рождества. Таких статей в редакции наверняка целый ворох. А может, Килгаллен сам их пишет. Как бы там ни было, по всеобщему представлению, Бен Какстон так и продолжает вещать со своей картонной трибуны. Откуда знать, а вдруг он все это спланировал? А вдруг он был в такой опасности, что не решился тебе позвонить? Ну так что?

Джиллиан испуганно огляделась – все вокруг казалось почти невыносимой буколической идиллией – и зарыла лицо в ладони.

– Джубал... Джубал, а что же тогда делать?

– Ну-ка, ну-ка, ты это прекрати, – прикрикнул на нее Харшоу. – И не смей в моем присутствии по Бену слезы лить. Ничего хуже смерти с ним не случится – а ведь такое предстоит и всем нам, кому – через несколько дней, кому – через несколько лет. Ты бы с Майком поговорила, он боится «развоплощения» гораздо меньше, чем выговора. Может, он и прав, конечно. Да если бы я сообщил нашему марсианину, что решил поджарить его на обед, он поблагодарил бы меня за оказываемую честь, захлебываясь от радости и счастья.

– Знаю, – уныло кивнула Джилл, – но как-то не очень способна разделить его философский подход.

– Вот и я тоже, – весело признался Харшоу. – Но я уже начинаю понимать эту – весьма утешительную для человека моего возраста – точку зрения. Способность расслабиться перед неизбежным и получать удовольствие – я воспитывал ее в себе всю свою жизнь... и вот, пожалуй, какой-то младенец с Марса, едва достигший возраста, когда пускают к избирательной урне, настолько дурковатый и неопытный, что его и через деревенскую-то улицу нужно за ручку переводить, чтобы телегой не переехало, – он убедил меня, что это я только-только начинаю ходить в детский сад. Вот ты, Джилл, спрашивала, можно ли оставить здесь Майка. Господи, да я готов силой его здесь удерживать – пока не узнаю все то, что он знает, а я – нет. Вот, скажем, эта история с «развоплощением» – это ведь не о том, что жизнь невыносима. Тут же нет ровно ничего от фрейдовского «стремления к смерти» и даже ничего от «все, как ни выются реки». Тут уж, скорее, по Стивенсону: «Я радостно жил и легко умру». Насчет Стивенса я сильно подозреваю, что тот попросту подбадривал себя перед лицом неизбежного – или впал на последней стадии своей чахотки в эйфорический бред. Но вот Майк – он же почти уверил меня, что знает, о чем говорит.

– Возможно, – все так же уныло откликнулась Джилл. – Но я просто боюсь за Бена.

– И я тоже, – признался Джубал. – Ладно, Майка мы в другой раз обсудим. Я, собственно, тоже не думаю, что Бен прячется.

– Но ты ведь говорил...

– Подожди. Мои шерлоки холмсы не ограничились редакцией «Пост» и станцией Паоли. В четверг утром Бен посетил Бетесдинский медицинский центр, в сопровождении адвоката и Честного Свидетеля – самого Джеймса Оливера Кавендиша, если ты что-нибудь в этом петришь.

– Боюсь, что нет. Никогда о таком не слышала.

– Неважно. Тот факт, что Бен нанял именно Кавендиша, показывает серьезность намерений – по воробьям из пушек не стреляют. Они добились встречи с «Человеком с Марса».

– Не может быть, – судорожно выдохнула Джилл.

– Джилл, ты оспариваешь показания Честного Свидетеля... и даже не просто Честного Свидетеля, а самого Кавендиша. Если он что-нибудь утверждает – это такая же истина, как Святое Писание.

– Да будь он хоть все двенадцать апостолов в одном лице – не было его на моем этаже в тот четверг. Ни его, ни Бена, ни какого-то там адвоката.

– А ты слушай повнимательнее. Я же и не говорю, что их провели к Майку, я сказал, что они добились встречи с «Человеком с Марса». Совершенно очевидно, что с тем, липовым, которого показывают по телевизору.

– А-а. Ну конечно. И Бен поймал их за руку!

– Так, девочка, медленно считай про себя до десяти тысяч и не перебивай меня, пока я не закончу, – болезненно поморщился Джубал. – К сожалению, никого Бен ни за какое место не поймал. Этого не сумел сделать даже Кавендиш – а если и сумел, то никому не признаётся и не признается. Ты же знаешь кодекс поведения Честных Свидетелей.

– Н-ну... нет, не знаю. Я их никогда не видела.

– Не видела? Энн!

Сидевшая на вышке для прыжков Энн обернулась.

– Энн, – снова крикнул Джубал, – вон тот дом, на вершине холма, какого он цвета?

Энн взглянула в указанном направлении.

– С этой стороны он белый, – ответила она, даже не попробовав, зачем Джубалу понадобилось это знать.

– Вот видишь? – Харшоу снова повернулся к Джилл. – Ей и в голову не приходит предположить, что и остальные стены дома тоже белые. И вся королевская рать не заставит Энн что-то сказать о цвете этих стенок – разве что она сходит туда и посмотрит. Но даже и тогда она не станет утверждать, что стенки так и остались белыми после ее ухода.

– Так что же, значит, Энн – Честный Свидетель?

– Полное образование, неограниченная лицензия, право давать показания Верховному Суду. Можешь расспросить ее на досуге, почему она перестала практиковать. Только не планируй на тот день никаких других дел – настырная девица будет излагать тебе правду, всю правду, ничего кроме правды, а на это уходит уйма времени. Но вернемся к нашим мутонам, а точнее, к мистеру Кавендишу. Бен нанял его для открытого свидетельствования, безо всяких ограничений и без сохранения задания в тайне. Поэтому когда Кавендиша начали спрашивать, он отвечал со всеми утомительными подробностями. Интереснее всего было не то, что он говорил, а то, чего он *не* говорил. Он ни разу не сказал, что человек, которого они видели, *не* является Человеком с Марса... но при этом ни одно слово Кавендиша не дает оснований утверждать, что он считает предъявленный им экспонат Человеком с Марса. Знай ты Кавендиша, ты поняла бы, что это полностью решает вопрос. Если бы он видел Майка, он описал бы его с такой точностью, что и ты, и я были бы *уверены*, что он видел именно Майка. Ну вот, например, Кавендиш описывает форму ушей «Человека с Марса» – и она не такая, как у Майка. Че-тэ-дэ: ни Кавендиш, ни Бен Майка не видели, им всучили липу. Кавендиш прекрасно это понимает, но сказать об этом не может – его удерживает профессиональный кодекс.

– Я же и говорила, не было их на моем этаже.

– Но пойдем дальше. Все это произошло задолго, точнее, за восемь часов до того, как ты провернула свой номер с побегом; по словам Кавендиша, они увидели липового Смита в четверг утром, в девять часов четырнадцать минут. В этот момент настоящий Майк был еще на месте, в том же самом здании – и его вполне могли предъявить. Однако же правительственное

жулье рискнуло продемонстрировать самому знаменитому в стране Честному Свидетелю не его, а фальшивку. Почему?

Джубал выжидательно посмотрел на Джилл.

Она пожала плечами:

– Это что, риторический вопрос? Я не знаю. Бен собирался спросить Майка, не хочет ли тот покинуть больницу, а получив положительный ответ – забрать его оттуда.

– Он и сделал такую попытку – с предъявленным ему актером.

– Ну и что? Джубал, они же ничегошеньки не знали о намерениях Бена. К тому же Майк с ним никуда бы не пошел.

– Но тебе-то он не отказал.

– Да, потому что я уже была его «братом по воде», так что тут сравнивать нечего. Бред, конечно, но Майк безоговорочно доверяет любому человеку, с которым «разделил воду», например тебе. Общась с «братом по воде», он до идиотизма послушен, а с кем угодно другим – упрям как осел. Бен с ним не справился бы. Во всяком случае, – добавила Джилл, – так было на прошлой неделе. Майк меняется поразительно быстро.

– Да уж. Пожалуй, даже слишком быстро. Посмотри хотя бы, с какой скоростью он обрывает мышцами, – я глазам своим не верю. Жаль, что я его не взвесил сразу, как вы сюда приехали. Ладно, сейчас мы разбираемся не с ним, а с твоим пропавшим приятелем. Как сообщил Кавендиш, Бен высадил его и адвоката, парня по фамилии Фрисби, в девять тридцать одну, а сам остался в такси. Неизвестно, куда Бен после этого отправился, но через час он – или некто, назвавшийся его именем, – передал в Паоли эту самую факсограмму.

– Так ты не думаешь, что это был Бен?

– Не думаю. Кавендиш сообщил номер машины, и мои агенты попытались заглянуть в память ее автопилота. Если Бен пользовался кредитной карточкой, на пленке должен был остаться номер его счета, но даже если он платил наличными, очень интересно узнать, где эта машина побывала в четверг.

– Ну и что?

– Ну и ничего. Судя по записям, в четверг интересующее нас такси было в ремонте и никуда не летало. Так что одно из двух: либо Честный Свидетель неверно запомнил номер, либо кто-то подчистил запись. Не знаю, – пожал плечами Джубал, – может, присяжные решат, что даже Честный Свидетель способен ошибиться, особенно если никто не просил его запомнить этот номер. Лично я в такое не верю, особенно когда Свидетель – Джеймс Оливер Кавендиш. При малейшем сомнении он бы ничего не сказал... Ты, Джилл, буквально принуждаешь меня лезть в эту неприятную историю, а мне это совсем не нравится, – хмуро добавил он по размышлении. – Допустим на минуту, что звонил в Паоли сам Бен; даже и тогда вряд ли он стал бы мухлевать с памятью такси, и уж совсем невероятно, чтобы у него были к тому причины. Бен куда-то направился, а затем некто, имеющий доступ к архивам общественного транспорта, приложил все старания, чтобы скрыть, куда именно он направился... а вдобавок не поленился послать липовую факсограмму с целью убедить всех, что с Беном ничего не случилось и никуда он не исчез.

– Исчез! Скажи уж лучше, его похитили!

– Поосторожнее, Джилл, не надо таких громких слов, «похитили» – это уголовное преступление.

– А как же еще это называть? Не понимаю, Джубал, ну как ты можешь сидеть тут и спокойно рассуждать, когда нужно кричать с каждой...

– Ну-ка, замолчи! Видишь ли, Джиллиан, нельзя исключать, что Бен не похищен, а убит.

– Да, – мгновенно поникла Джилл. – Вот этого-то я и боюсь.

– Но раз мы не видели трупа – нужно считать твоего дружка живым. Ты знаешь, Джилл, чего при похищении нельзя делать ни в коем случае? Поднимать шум и крик – перепугавшись, похититель почти наверняка угробит свою жертву.

Джиллиан с трудом сдерживала слезы.

– Должен признаться, – виновато продолжал Джубал, – очень похоже, что Бена убили. Слишком уж долго его нет. Но мы решили считать, что он жив, пока не удостоверимся в обратном. Ты хочешь его искать. Ну и каким же, интересно, способом намерена ты это делать? При чем – не увеличивая риск, что неизвестные нам похитители пойдут на крайние меры?

– Как это – неизвестные? Мы же знаем, кто они такие?

– Ты так думаешь?

– Конечно! Те же самые люди, которые держали Майка в заключении. Правительство.

– Нет, полной уверенности у нас нет. Это всего лишь предположение, основанное на известных нам намерениях Бена, – пожал плечами Харшоу. – Своей колонкой Бен нажил себе уйму врагов, и не только в правительстве. Готов согласиться, что другого предположения мы сделать не можем, но что такое «правительство»? Это же несколько миллионов человек. В одном Вашингтоне – миллион чиновников. Нужно задаться вопросом: на чью конкретно мозоль он наступил? Кто его так возненавидел?

– Да ведь я же передавала тебе слова Бена, его главный противник – генеральный секретарь Дуглас.

– Нет, – покачал головой Харшоу. – Кто бы там и что ни говорил, генеральный секретарь никогда не будет замешан ни в какой уголовщине – даже в том случае, если уголовщина эта будет ему очень на руку. Никто никогда не докажет, что он знал о каких-то незаконных делах. Вполне, кстати, возможно, что он и вправду не знает, во всяком случае, о той их части, которая связана с физическим насилием. Нам нужно узнать, кто именно из порученцев генерального секретаря вел эту операцию. Задача совсем не такая безнадежная, как могло бы показаться, – во всяком случае, я так думаю. Когда Бен прилетал в вашу больницу, там был один из помощников Дугласа – сперва он отговаривал Бена, а потом сопровождал его к своему липовому «Смиту». Так вот, начиная с прошлого четверга этого высокопоставленного шестерилу никто и нигде не видел – в точности, как и Бена. Я не думаю, что это простое совпадение; судя по многим данным, именно он – главная фигура в этом деле. Найдя его, мы можем найти и Бена. У меня есть основания предполагать, что этот тип, Гильберт Берквист...

– *Берквист?*

– Ну да. Так вот, у меня есть все основания... в чем дело, Джилл? Ты только не хлопайся, пожалуйста, в обморок, а то придется закинуть тебя в бассейн.

– Джубал, этот твой Берквист – он один такой или есть другие Берквисты?

– Как? Похоже, что один, но зато такая сволочная сволочь, каких еще поискать. Во всяком случае, в аппарате Дугласа других Берквистов нет. А ты что, с ним знакома?

– Не знаю. Но если это тот самый... тогда его можно не искать.

– М-м-м... ну-ка, девица, колись.

– Джубал, ты уж прости меня, пожалуйста, но я не все рассказала.

– Так оно обычно и бывает. Ну ладно, хоть теперь-то рассказывай.

Спотыкаясь и запинаясь, Джилл поведала Джубалу историю о Людах, Которые Исчезли.

– Вот и все, – виновато заключила она. – Тогда я закричала, и Майк испугался, и он впал в транс, и в результате мне было страшно трудно сюда добраться. Об этом я уже говорила.

– М-м-м... да. Жаль, что ты не рассказала тогда и всего остального.

Джилл смущенно покраснела:

– Я думала, мне никто не поверит. И еще – очень боялась. Джубал, а с нами могут что-нибудь сделать?

– Что сделать? – удивился Харшоу.

– Ну... в тюрьму посадить или еще что.

– Вот ты о чем. Да будет тебе, милая, известно, за присутствие при сотворении чуда не судят, равно как и за само чудотворство. Но тут неизбежно возникает больше вопросов, чем звезд на небе и песчинок на дне морском, вместе взятых. Ты помолчи немного, а я подумаю.

Молчал Джубал минут десять, после чего открыл глаза и спросил:

– А где это наш трудный ребеночек? Скорее всего, на дне бассейна...

– Конечно.

– ...а потому тебе поручается вытащить его оттуда и препроводить в мой кабинет. Любопытно посмотреть, сумеет ли он повторить этот номер, а зрители нам не нужны. Нет, один зритель нам нужен. Скажи Энн, чтобы обрядилась в этот дурацкий балахон, – она понадобится мне в своем профессиональном качестве. И Дюка тоже позови.

– Есть, начальник.

– А по какому, собственно, праву ты называешь меня начальником? Ты мне налоговую базу не уменьшаешь.

– Хорошо, Джубал.

– М-м-м... даже и ума не приложу, кем бы можно было пожертвовать. Как ты думаешь, умеет Майк работать с неодушевленными предметами?

– Не знаю.

– Ничего, скоро выясним. Вытащи его и приведи в чувство. – Джубал на некоторое время смолк. – Но какой все-таки великолепный способ избавляться... нет, не будем поддаваться искушению. Ладно, действуй, увидимся наверху.

12

Одетая в предписанную гильдией белую мантию, Энн подняла голову на входящую в кабинет Джилл, но даже не поздоровалась. Джилл нашла себе стул и тихо присела – творческий процесс был в самом разгаре.

– ...из-под распростертого на полу тела, – диктовал, не обращая внимания на ново-пришедшую, Джубал, – постепенно пропитывая угол ковра; рядом с камином уже успела образоваться темно-красная лужица, над которой кружили две мухи, не нашедшие себе, по-видимому, более интересного занятия. Мисс Симпсон прижала руку ко рту. «Боже мой! – расстроено пробормотала она. – Папочкин любимый ковер с концами. Да и папочка вроде тоже». Конец главы, Доркас, и конец первой части. Аванс отработан, пусть платят дальше. Отошли сегодня же. И – мотай отсюда.

Доркас прихватила свою стенографирующую машинку и ушла, улыбнувшись на прощание Джилл.

– А где Майк? – спросил Джубал.

– Одевается, – пожала плечами Джилл. – Сейчас придет.

– Одевается? – возмутился Джубал. – Что ему тут, светский раут?

– Надо же ему одеться.

– Зачем? Меня абсолютно не интересует, как все вы по дому бегаете, в шубах или телешом. Сегодня жарко. Гони его сюда.

– Не надо, Джубал, нужно же ему научиться.

– Тьфу. Ты навязываешь ему свою узколобую, ханжескую, провинциальную мелкобуржуазную мораль.

– И ничего подобного, просто я прививаю ему необходимые повседневные навыки.

– Навыки, мораль – да какая тут разница? Милостью божьей – ну и, конечно же, благодаря твоей шустрости – тут оказалась личность, не запятнанная психотическими табу нашего готтентотского племени, – и теперь ты вознамерилась превратить его в заурядного конформиста.

ста, из каких состоит чуть не все население этой трусливой страны. Может, ты еще и портфель ему купишь? И внушишь, чтоб без портфеля людям на глаза не показывался, иначе засмеют.

– Ни во что такое я Майка не превращаю, просто хочу, чтобы он не попадал на каждом шагу в дурацкое положение. Все для его же пользы.

– Вот-вот, – фыркнул Харшоу. – Именно это сказали коту, прежде чем отрезать ему яйца.

Джилл возмущенно вскрикнула и, судя по выражению лица, начала медленно считать до десяти.

– Это ваш дом, доктор Харшоу, – сказала она, вставая, – и мы перед вами в долгу. Хорошо, я приведу Майка.

– Садись – и оставь тщетные попытки быть такой же мерзкой, как я. У меня за плечами десятилетия тренировки. Давай разберемся сразу: ни в каком ты передо мной не в долгу. Это просто невозможно – все, что я делаю, я делаю исключительно для собственного удовольствия. Как и все остальные обитатели этой планеты, с той лишь разницей, что я это четко осознаю. Так что не изображай, пожалуйста, никаких несуществующих долгов, ведь еще немного, и ты попытаешься вызвать у себя чувство благодарности, а это – первый опасный шаг на пути к полному моральному разложению. *Грокаешь?*

Джилл упрямо закусил губу, но тут же улыбнулась.

– Только я не очень понимаю, что это такое – грокать.

– Я тоже не понимаю, но полон твердой решимости учиться у Майка, пока не пойму. Ты только не подумай, что я шучу. «Благодарность» – просто эвфемизм для оскорбленного негодования. Вообще-то, мне безразлично, кто там и за что на меня обижается, обидно только, если это хорошенькая девушка и ни за что ни про что.

– Какие глупости, Джубал, я совсем на тебя не обижаюсь.

– Надеюсь. Но если ты не вырвешь с корнем весь этот бред насчет какого-то там твоего передо мной долга, то скоро начнешь. У японцев есть пять различных формулировок для «благодарю вас» – и все они обозначают различную степень оскорбленной неприязни. Вот бы английскому языку такую внутреннюю честность! Но зато английский может дать определение чувств, на которые нервная система человека попросту не способна. Например, «благодарность».

– Джубал, ты заскорузлый старый циник. Я благодарна тебе – и буду благодарна впредь.

– А ты – малолетняя сентиментальная дура, то есть мы составляем взаимодополняющую пару. В честь чего давай смотаемся на выходные в Атлантик-Сити вдвоем, без никого больше, – и погрузимся в пучину порока.

– Джубал!

– Ну что, убедились, чего стоит вся твоя благодарность?

– Поймал. Ладно, я готова. Когда летим?

– Она, видите ли, готова, – фыркнул Харшоу. – Сорок лет назад, вот тогда нужно было соглашаться. Ну а возвращаясь к теме, ты абсолютно права, Майку необходимо знать здешние обычаи. Он должен разуваться, входя в мечеть, надевать шляпу, входя в синагогу, и прикрывать свою наготу во всех требуемых нашими предрассудками случаях, иначе шаманы сожгут его живьем за нарушение приличий. Но только, ради всех неисчислимых обличий Ангра-Майню, не занимайся промыванием мозгов. Пусть он воспринимает все это со здоровым цинизмом.

– М-да. Не знаю уж, получится ли. В Майке нет ни грана цинизма.

– Действительно? Придется оказать тебе помощь. Интересно, чего это он столько копается?

– Сбегаю посмотрю.

– Одну минутку. Я уже объяснил тебе, почему совсем не тороплюсь обвинять кого-то в похищении Бена, да и сведения, полученные в ходе его поисков, подтверждают правильность такого тактического подхода. Если он незаконно задержан (употребляя самое мягкое из выра-

жений), своим бездействием мы не загоняем этого «кого-то» в угол, иначе ему захочется избавиться от улик, сиречь от Бена. У живого человека всегда есть шансы остаться в живых. Но я предпринял некоторые шаги, в первую же ночь, как вы сюда прибыли. Библию знаешь?

– Да не очень.

– А зря. Книга вполне заслуживает изучения. В ней содержатся советы почти на каждый случай. «Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет...», Иоанн, глава такая-то – стих такой-то – Иисус Никодиму. Я не больно-то верил, что тебе удалось замести следы, а потому ожидал скорого прихода гостей, которые захотят забрать Майка. Место тут уединенное, сопротивляться мы не в силах, есть только одно оружие, способное их остановить. Свет. Сверкающие прожекторы гласности. Я устроил так, что любая происходящая здесь заварушка мгновенно будет освещена средствами массовой информации, и не по мелочам, а так, что не заглушишь и не скроешь, – большими дозами и по всему миру одновременно. Где там установлены камеры и как организована с ними связь – все это мелочи, главное в том, что начавшийся здесь скандал сразу же будет показан тремя телевизионными компаниями, одновременно с чем очень многие важные персоны – те из них, кто будет в восторге от возможности прихватить достопочтеннейшего генерального секретаря на жареном, – получают подробные объяснительные записки, составленные заранее и хранящиеся в надежных руках. Однако, – слегка нахмурился Харшоу, – сколько же можно держать все это в боевой готовности! Вначале основной моей заботой было двигаться поскорее – я ожидал, что неприятности начнутся с секунды на секунду. А теперь, пожалуй, придется этих ребят малость расшевелить, пока все организованное мной еще не развалилось.

– Расшевелить – но каким образом?

– Вот именно – каким? Я уже три ночи не сплю, аппетит потерял, все думаю, а эта твоя история, случившаяся в Беновой квартире, навела меня на некую мысль.

– Ты уж прости, Джубал, что я не рассказала раньше. Я думала, любой услышавший такое посчитает меня свихнувшейся, и была просто счастлива, когда ты поверил.

– А кто тебе сказал, что я поверил?

– Как? Но ведь ты...

– Джилл, я почти уверен, что ты правдиво описываешь мне свои переживания. Но ведь сон тоже может быть вполне живым, почти неотличимым от реальности переживанием, не говоря уж о гипнотическом внушении. А вот все, что произойдет в этом кабинете, будет зафиксировано нашей Честной Свидетельницей и камерами, которые, – он нажал кнопку, – уже включены. Вряд ли кто-либо может загипнотизировать камеры, а уж Энн, находящуюся при исполнении обязанностей, – и тем более. Ближайший час покажет, с какой именно разновидностью «истины» мы имеем дело; исходя уже из этого, мы выберем способ принудить власть предержащих швырнуть второй ботинок и – буде такая возможность представится – поможем Бену. Беги за Майком.

В отсутствии Майка не было ничего загадочного. Он привязал левый ботиночный шнурок к правому, встал, запнулся, шлепнулся ничком и, в процессе, почти безнадежно затянул узелки. Остальное время ушло на то, чтобы детально проанализировать положение, разобраться в путанице шнурков, развязать их и завязать наново. Он даже не подозревал, что задерживается, но зато очень расстраивался из-за своей неспособности верно повторить показанное Джилл действие. К ее приходу сложная операция была уже благополучно завершена, однако Майк с горечью признался в первоначальной неудаче.

Джилл причесала его, кое-как успокоила и повела в кабинет.

– Привет, сынок, – поднял голову Джубал. – Садись.

– Привет, Джубал, – торжественно произнес Валентайн Майкл Смит. И сел. И начал ждать.

Джилл с трудом избавилась от впечатления, что Майкл церемонно поклонился, хотя на самом деле он даже не кивнул.

– Ну как, мальчик, – поинтересовался Харшоу, – многому сегодня научился?

Смит радостно улыбнулся, сделал обычную свою паузу и ответил:

– Сегодня я научился прыжку в полтора оборота. Это когдаходишь в воду после...

– Знаю, видел. Брызг многовато. Старайся не сгибать колени, ступни держи вместе, а носки оттягивай посильнее.

Смит заметно погрузнел.

– Я правильно этого не сделал?

– Все было очень правильно, для первого раза. Понаблюдай за Доркас.

Смит тщательно обдумал полученный совет.

– Вода грокает Доркас. Она его лелеет.

– Ее. Доркас – «она», а не «он».

– Ее, – поправился Смит. – Так, значит, мое говорение было неверным? Но я прочитал в вебстеровском Новом международном словаре английского языка, третье издание, опубликованное в Спрингфилде, штат Массачусетс, что при устной речи мужской род включает в себя и женский. В книге Хагуорта «Договорное право», пятое издание, Чикаго, Иллинойс, тысяча девятьсот семьдесят восьмой год, на странице тысяча двенадцатой сказано, что...

– Тише, тише, – поспешно оборвал его Харшоу. – Дело не в тебе, а в особенностях английского языка. Формы мужского рода действительно включают в себя и женский, но только в тех случаях, когда говорится о группе лиц, а не об одной конкретной женщине. Запомни, Доркас всегда «она», а не «он».

– Я это запомню.

– Да уж постарайся, пожалуйста, а то еще спровоцируешь Доркас доказать тебе, насколько она женщина.

Харшоу задумчиво поморгал.

– Слушай, Джилл, а этот парень, он спит с тобой? Или вообще с кем-нибудь из вас?

Джилл немного помедлила, а затем ответила абсолютно бесстрастным голосом:

– Насколько мне известно, Майк вообще не спит.

– Ты мне не ответила.

– Можешь считать, что я сделала это вполне намеренно. Но если ты так уж интересуешься, могу сообщить, что со мной он не спит.

– М-м-м... ну чего, спрашивается, колючки топорщить? У меня же чисто научный интерес. Ладно, продолжим в другой раз. Майк, так чему ты там еще научился?

– Я научился двум методам завязывания ботиночных шнурков. Один из них пригоден только для лежания, а второй – для хождения. Еще я научился спряжению. Аз есмь, ты еси, он есть, мы есмь, вы есте, они суть, я бых, ты бы...

– Ладно, ладно, достаточно. Что еще?

Майк восторженно улыбнулся:

– До вчера я учусь водить трактор, сильно, ярко и прекрасно.

– Как? – Харшоу повернулся к Джилл. – Где это было?

– Вчера днем, пока ты спал. Не бойся, Дюк следил, чтобы с ним ничего не случилось.

– М-м-м... да. И, похоже, уследил. А ты что-нибудь читал?

– Да, Джубал.

– И что же именно?

– Я прочитал, – начал перечислять Майк, – еще три тома энциклопедии, от Магриба до Мюрата, от Мюрата до конца буквы О, от П до плантации. Ты говорил, чтобы я не читал слишком много энциклопедии за один раз, поэтому я остановился. Потом я прочитал трагедию «Ромео и Джульетта», написанную Уильямом Шекспиром. Потом я прочитал «Записки

Джакомо Казановы, шевалье де Сенгальта», переведенные на английский язык Артуром Мей-
ченом. Потом я прочитал «Методику перекрестного допроса» Фрэнсиса Уэллмана. Потом я
старался грокнуть прочитанное, но тут пришла Джилл и сказала, что я должен идти завтракать.

– Ну и как, грокнул ты все это?

На лице Смита появилось смущение.

– Не знаю, Джубал.

– Тебя что-нибудь беспокоит?

– Я не грокнул прочитанное во всей его полноте. Я читал историю, описанную Уильямом
Шекспиром, и был очень счастлив, когда Ромео умер. А потом я прочитал дальше и узнал,
что Ромео развоплотился преждевременно – если только я верно это грокнул. Почему он раз-
воплотился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.